ВНЕКЛАССНОЕ чтение

Былины

Былины

Коллектив авторов

Аннотация
Былины
Древнейшие былинные образы
  Вольга и Микула
Главные герои русского эпоса
  Исцеление Ильи Муромца
  Илья Муромец и Святогор
  Илья и Соловей-разбойник
  Илья Муромец и голи кабацкие
  Илья Муромец и Идолище в Киеве
  Илья Муромец и Идолище в Царе-граде
  Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром
  Илья Муромец и Калин-царь
  Бой Ильи Муромца с сыном
  Богатыри на Соколе-корабле
  Три поездки Ильи Муромца
  Мамаево побоище
  Поединок Ильи Муромца и Добрыни Никитича
  Добрыня и Змей
  Добрыня и Василий Казимирович
  Бой Добрыни с Дунаем
  Добрыня и Дунай сватают невесту князю Вла-

димиру
Добрыня и Маринка
Женитьба Добрыни
Добрыня Никитич и Алеша Попович
Алеша Попович едет в Киев
Бой Добрыни с Ильей Муромцем
Алеша Попович и Тугарин Змеевич
Алеша Попович и сестра братьев Петровичей
Богатыри Киевского цикла
Глеб Володьевич
Данило Ловчанин
Иван Гостиный сын
Ставр Годинович
Иван Годинович
Михайло Пóтык
Соловей Будимирович
Хотен Блудович
Чурило Пленкович у князя Владимира
Сорок калик
Богатыри Новгородского цикла
Садко
Бой Василия Буслаева с новгородцами
Смерть Василия Буслаева
Словарь

Аннотация

Внеклассное чтение – это важная часть школьного образования, и отнестись к нему стоит серьезно! Чтение не просто развивает ребенка, оно обогащает его внутренний мир, позволяет расти умным, творческим, успешным!

Былины о главных героях русского эпоса – Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, – а также Киевского и Новгородского циклов рекомендованы к прочтению в 7-м классе.

Былины

Оформление *О. Горбовской*
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Древнейшие былинные образы

Вольга и Микула

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мóлодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга расте́ть-матере́ть;
Похотелося Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходи́ть ему в глубоких морях,
Птицей-соколом лета́ть под óболока,
Серым волком рыска́ть да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темны́е леса.
Как стал тут Вольга расте́ть-матере́ть,
Собирал себе дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатыих.

Собирал себе жеребчиков темно-карих,
Темно-карих жеребчиков, нелегченых.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая:
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешки по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день ещё до пáбедья,
А наехали в чистом поле оратая:

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пенье́, коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит,
У оратая кобыла соловая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются;
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя;
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати,
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:

«Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко,

Орать, да пахать, да крестьяновати,

А бороздки тебе да пометывати,

А пенья, коренья вывертывати,

А большие-то каменья в борозду валить!»

Говорит оратай таковы слова:

«Поди-ка ты, Вольга Святославович,

Мне-ка надобно Божья помочь крестьяновати!

А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?»

Тут проговорил Вольга Святославович:

«Как пожаловал меня да ро́дной дядюшка,

Ро́дной дядюшка да крестный батюшка,

Ласковый Владимир стольнекиевский,

Тремя ли городами со крестьянами

Первым городом Курцовцем,

Другим городом Ореховцем,

Третьим городом Крестьяновцем;

Теперь еду к городам да за получкою».

Тут проговорил оратай-оратаюшко:

«Ай же ты, Вольга Святославович!

Там живут-то мужички да всё разбойнички,

Они подрубят-то сляги калиновы,

Да потопят тя в реку да во Смородину.

Я недавно там был в городе, третьего дни,

Закупил я соли цело три меха,

Каждый мех-то был ведь по сту пуд,

А сам я сидел-то сорок пуд,

А тут стали мужички с меня грошов просить;

Я им стал-то ведь грошов делить,

А грошов-то стало мало ставиться,

Мужичков-то ведь да больше ставится.

Потом стал-то я их ведь отталкивать,

Стал отталкивать да кулаком грозить,

Положил тут их я ведь до тысячи;

Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит».
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Ты поедем-ка со мною во товарищах».
А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива́-то у нее да завивается,
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью́ пошла,
А Вольгин конь да оставается.
Говорит оратай таковы слова:
«Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет – взять нечего,

А богатый – тот наедет, не позарится,
—
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст?»
Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцев да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцев да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой;
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут молодой Вольга Святославович

Посылает он дружинушку хоробрую,
Целыим он да ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой;
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,

Бросил сошку за ракитов куст.
А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оставается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
«Ты постой-ка ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали́».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей;
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы».

Тут проговорит Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отечеству?»
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»
Тут приехали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати,
Стали города рассматривати,
А ребята-то стали поговаривати:
«Как этот третьего дни был да мужичков он бил!»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися они да думу думати:

Как бы прийти да извинитися,
А им низко бы да поклонитися.
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты, Микула Селянинович!
Я жалую от себя тремя городами со крестьянами.
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ка ты дань да ведь грошовую».

Главные герои русского эпоса

Исцеление Ильи Муромца

В славном городе во Муроме,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косявчето.
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широких,
Сиднем сижу цело тридцать лет,

Не владаю ни руками, ни ногами».
Опять говорят калики перехожие:
«Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Пускай-то калик к себе в дом».
Выставал Илья на резвы ноги,
Отворял ворота широкие
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелося,
Его белое тело распотелося.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал:
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:

«Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею поленицею удалою,
А столько не выходи драться
С Святогором-богатырем —
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном-богатырем —
У него на голове семь власов ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым —
Его любит матушка сыра земля;
Не ходи още на Вольгу Сеславьича —
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня собе богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в срубу на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.

А пройдет поры-времени три месяца,

Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай

И в три росы жеребчика выкатывай,

Подводи его к тыну ко высокому.

Как станет жеребчик через тын перескакивать

И в ту сторону и в другую сторону,

Поезжай на нем, куда хочешь,

Будет носить тебя».

Тут калики потерялися.

Пошел Илья ко родителю ко батюшку

На тую на работу на крестьянскую, —

Он дубье-колодье все повырубил,

В глубоку реку повыгрузил,

А сам и сшел домой.

Выстали отец с матерью от крепкого сна —

испужалися:

«Что это за чудо подеялось?

Кто бы нам это сработал работушку?»

Работа-то была поделана,

И пошли они домой.

Как пришли домой, видят:

Илья Муромец ходит по избы.

Стали его спрашивать,

Как он выздоровел.

Илья и рассказал им,

Как приходили калики перехожие,

Поили его питьицем медвяныим —

И с того он стал владать руками и ногами

И силушку получил великую.

Пошел Илья в раздольице чисто поле,

Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,

Бурого жеребчика косматенького.

Покупал Илья того жеребчика,

Что запросил мужик, то и дал;

Становил жеребчика в сруб на три месяца,

Кормил его пшеном белояровым,

Поил свежей ключевой водой.

И прошло поры времени три месяца.

Стал Илья жеребчика по три ночи в саду

поваживать,

В три росы его выкатывал;

Подводил ко тыну ко высокому,

И стал Бурушко через тын перескакивать

И в ту сторону и в другую сторону.

Тут Илья Муромец

Седлал добра коня, зауздывал,

Брал у батюшки, у матушки

Прощенье-благословеньице

И поехал в раздольице чисто поле.

Илья Муромец и Святогор

Как не да́лече-да́лече во чисто́м во поли́,
Тута куревка́ да поднималася,
А там пыль столбом да поднималася, —
Оказался во поли добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь да будто лютый зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поле, спотешается,
Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднебесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.
Наезжает Святогор-богатырь

Во чистом поли он на сумочку да скоморошную.
Он с добра коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку, —
Эта сумочка да не ворохнется;
Опустился Святогор да со добра коня,
Он берет сумочку да одной рукой, —
Эта сумочка да не сшевелится;
Как берет он обема рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По колен ушел да в мать сыру землю, —
Эта сумочка да не сшевелится,
Не сшевелится да не поднимется.
Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету езживал,
А такого чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не сшевелится,
Не сшевелится да не сдымается,
Богатырской силы не сдавается».
Говорит Святогор да таковы слова:

«Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла».

И взмолился он да своему коню:

«Уж ты, верный богатырский конь,

Выручай теперь хозяина».

Как схватился он да за уздечику серебряну,

Он за ту подпругу золоченую,

За то стремечко да за серебряно,

Богатырский конь да принатужился,

А повыдернул он Святогора из сырой земли.

Тут садился Святогор да на добра коня,

И поехал по чисту полю

Он ко тем горам да Араратскиим.

Утомился Святогор, да он умаялся

С этой сумочкой да скоморошноей,

И уснул он на добро́м коне,

Заснул он крепким богатырским сном.

Из-под далеча-далеча из чиста поля

Выезжал старо́й казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он бога́тыря:
«Что за чудо вижу во чистом поли,
Что богатырь едет на добром кони,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко».
Как скричал Илья да зычным голосом:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты что, молодец, да издеваешься,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься,
Не ко мне ли, старому, да подбираешься?
А на это я могу ответ держать».
От богатыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом,
От богатыря да тут ответа нет.
Разгорелось сердце богатырское
А у старого казака Ильи Муромца,
Как берет он палицу булатную,

Ударяет он богатыря да по белым грудям,

А богатырь спит, не просыпается.

Рассердился тут да Илья Муромец,

Разъезжается он во чисто поле,

А с разъезду ударяет он богатыря

Пуще прежнего он палицей булатною,

Богатырь спит, не просыпается.

Рассердился тут старый казак да Илья Муромец,

А берет он шалапугу подорожную,

А не малу шалапугу – да во сорок пуд,

Разъезжается он со чиста поля,

И ударил он богатыря по белым грудям,

И отшиб он себе да руку правую.

Тут богатырь на кони да просыпается,

Говорит богатырь таково слово:

«Ох, как больно русски мухи кусаются!»

Поглядел богатырь в руку правую,

Увидал тут Илью Муромца,

Он берет Илью да за желты́ кудри́,

Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадью да богатырскоей,
И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратскиим.
Как день он едет до вечера,
Темну ноченьку да он до́ утра,
И второй он день едет до вечера,
Темну ноченьку он до утра,
Как на третий-то да на денечек
Богатырский конь стал спотыкатися.
Говорит Святогор да коню доброму:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Уж ты что, собака, спотыкаешься?
Ты идти не мошь аль везти не хошь?»
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
«Как прости-тко ты меня, хозяйнушко,
А позволь-ка мне да слово вымолвить.
Третьи суточки да ног не складучи
Я вожу двух русскиих могучиих бога-

тырей,
Да й в третьих с конем богатырским».
Тут Святогор-богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелешенько;
Он берет Илью за желты кудри,
Он кладет Илью да на сыру землю
Как с конем его да богатырскиим.
Начал спрашивать да он, выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?
Если ты богатырь святорусский,
Дак поедем мы да во чисто поле,
Попробуем мы силу богатырскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты, удалой добрый молодец!
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражатися,
Я желаю с тобой побрататися».
Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опущается,
И раскинули они тут бел шатер,

А коней спустили во луга зеленые,
Во зеленые луга они стреножили.
Сошли они оба во белóй шатер,
Они друг другу порассказалися,
Золотыми крестами поменялися,
Они с друг другом да побраталися,
Обнялись они, поцеловалися, —
Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат.
Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатер да опочив держать.
И недолго, немало спали – трое суточек,
На четверты они да просыпалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.
Как седлали они да коней добрыих,
И поехали они да не в чисто поле,
А поехали они да по святым горам,
По святым горам да Араратскиим.
Прискакали на гору Елеонскую,

Как увидели они да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тута да дубовый гроб.
Как богатыри с коней спустилися,
Они ко гробу к этому да наклонилися,
Говорит Святогор да таковы слова
«А кому в этом гробе лежать сужено?
Ты послушай-ка, мой меньший брат,
Ты ложись-ка во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб».
Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца большего,
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб.
Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинён и в ширину широк.
И ставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Свягогор-богатырь.
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.

Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты, Илья да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты, Илюшенька да Муромец!
Мне в гробу лежать да тяжелешенько,
Мне дышать-то нечем, да тошнешенько,
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щелочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ка крышечку саблей вострою».
Илья Свягогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому.
А куда ударит Илья Муромец,

Тут становятся обручи железные.
Начал бить Илья да вдоль и пóперек, —
Все железные обручи становятся.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ах ты, меньший брат да Илья Муромец!
Видно, тут мне, богатырю, кончинушка.
Ты схорони меня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ка ты ко гробу ко дубовому,
Я здохну тебе да в личко белое,
У тя силушки да поприбавится».
Говорит Илья да таковы слова:
«У меня головушка есть с проседью,
Мне твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достаточно.
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сыра земля.
И не наб мне твоего коня да богатырского,

А мне-ка служит верой-правдою
Мне старóй Бурушка косматенький».
Тута братьица да распростилися,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонскии.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают.
А на том былинка и закончилась.

Илья и Соловей-разбойник

Из того ли то из города из Мурома,

Из того села да с Карачарова

Выезжал удаленький дородный добрый мо́лодец.

Он стоял заутреню во Муроме.

А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.

Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.

У того ли города Чернигова

Нагнано́-то силушки черны́м-черно́,

А и черным-черно, как черна во́рона.

Так пехотою никто тут не прохаживат,

На добро́м коне никто тут не проезживат,

Птица черный ворон не пролетыват,

Серый зверь да не прорыскиват.

А подъехал как ко силушке великоей.

Он как стал-то эту силу великую,

Стал конем топтать да стал копьем колоть,

А й побил он эту силу всю великую,

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.

Выходили мужички да тут черниговски

И отворяли-то ворота во Чернигов-град,

А й зовут его в Чернигов воеводою.

Говорит-то им Илья да таковы слова:

«Ай же мужички да вы черниговски!

Я нейду к вам во Чернигов воеводою.

Укажите мне дорожку прямоезжую,

Прямоезжую да в стольный Киев-град».

Говорили мужички ему черниговски:

«Ты удаленький дородный добрый молодец,

Ай ты славный бога́тырь да святорусский!

Прямоезжая дорожка заколодела,

Заколодела дорожка, замуравела,

А й по той по дорожке прямоезжею

Да й пехотою никто да не прохаживал,

На добром коне никто да не проезживал.

Как у той ли-то у Грязи-то у Черноей,

Да у той ли у березы у покляпыя,

Да у той ли речки у Смородины,

У того креста у Леванидова

Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,

Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.

А то свищет Соловей да по-соло́вьему,

Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.

И от его ли-то от посвиста соловьего,

И от его ли-то от покрика звериного

То все травушки-муравы уплетаются,

Все лазоревы цветочки осыпаются,

Темны лесушки к земле все приклоняются,

А что есть людей – то все мертвы лежат.

Прямоезжею дороженькой – пятьсот

есть верст,

Ай окольноей дорожкой – цела тысяча».

Он спустил добра коня да й богатырского,

Он поехал-то дорожкой прямоезжею.

Его добрый конь да богатырский

С горы на́ гору стал перескакивать,

С холмы на́ холму стал перемахивать,

Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.

Подъезжает он ко речке ко Смородинке,

Да ко тоей он ко Грязи он ко Черноей,

Да ко той ли ко березе ко покляпыя,

К тому славному кресту ко Левонидову.

Засвистал-то Соловей да по-соловьему,

Закричал злодей-разбойник по-звериному,

Так все травушки-муравы уплеталися,

Да лазоревы цветочки осыпалися,

Темны лесушки к земле все приклоня-

лися.

Его добрый конь да богатырский

А он на корзни́ да спотыкается.

А и как старый-то казак да Илья Муромец

Берет плеточку шелковую в белу́ руку,

А он бил коня да по крутым ребра́м,

Говорил-то он, Илья, да таковы слова:

«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!

Али ты идти не хошь, али нести не можь?

Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?

Не слыхал ли посвиста соловьего,

Не слыхал ли покрика звериного,

Не видал ли ты ударов богатырскиих?»

А й тут старый казак да Илья Муромец,

Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,

Во свои берет во белы он во ручушки,

Он тетивочку шелковую натягивал,

А он стре́лочку каленую накладывал.

Он стрелил в то́го-то Соловья-разбойника,

Ему выбил право око со косицею,

Он спустил-то Соловья да на сыру землю́,

Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному.

Он повез его по славну по чисту́ полю́,

Мимо гнездышка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьиноем

А случилось быть да и три дочери,

А й три дочери его любимые.

Бо́льша дочка – эта смотрит во окошечко косящато,

Говорит она да таковы слова:

«Едет-то наш батюшка чистым полем,

А сидит-то на добро́м коне,

И везет он мужичища-деревенщину

Да ко правому ко стремени прикована».

Поглядела его дру́га дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:

«Едет батюшка раздольицем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-ка рогатины звериные
Да бегите-ка в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Бежали-то они да во чисто поле

Ко тому ли к мужичищу-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его евствушкой сахáрною,
Да вы пойте его питьицем медвяным,
Да й дарите ему дáры драгоценные!»
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
Ай зовут-то мужика да деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град

А ко славному ко князю на широкий двор.

Ай Владимир-князь он вышел из Божьей церкви,

Он пришел в палату белокаменну,

Во столовую свою во горенку,

Они сели есть да пить да хлеба кушати,

Хлеба кушати да пообедати.

А и тут старый казак да Илья Муромец

Становил коня да посередь двора,

Сам идет он во палаты белокаменны.

Приходил он во столовую во горенку,

На́ пяту он дверь-то поразмахивал,

Крест-то клал он по-писа́ному,

Вел поклоны по-ученому,

На все три, на четыре на сторонки низко кланялся,

Самому князю Владимиру в особину,

Еще всем его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца вы-

спрашивать:

«Ты скажи-ко, ты откулешний, дородный

добрый молодец,

Тебя как-то, молодца, да именéм зовут,

Величают, удалого, по отечеству?»

Говорил-то старый казак да Илья Муромец:

«Есть я с славного из города из Мурома,

Из того села да с Карачарова,

Есть я старый казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович».

Говорит ему Владимир таковы слова:

«Ай же старый казак да Илья Муромец!

Да й давно ли ты повыехал из Мурома

И которою дороженькой ты ехал в стольный

Киев-град?

Говорил Илья да таковы слова:

«Ай ты, славный Владимир стольнокиевский!

Я стоял заутреню христовскую во Му-

роме,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыга́ешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься.
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,

Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноей у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпои,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному.
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоем дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прико-

ванный».

Тут Владимир-князь да стольнокиевский

Он скорошенько вставал да на резвы́ ножки́,

Кунью шубоньку накинул на одно плечко,

Тут он шапочку соболью на одно ушко,

Выходил-то он на свой широкий двор

Посмотреть на Соловья-разбойника.

Говорил Владимир-князь да таковы слова:

«Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьему,

Закричи-ко, собака, по-звериному!»

Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:

«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,

А не вас-то я хочу да и послушати.

Я обедал-то у старого каза́ка Ильи Муромца,

Да его хочу-то я послушати».

Говорил Владимир-князь да стольнокиевский:

«Ай же старый казак ты Илья Муромец!

Прикажи-ко засвистать ты Соловью да по-соловьему,

Прикажи-ко закричать да по-звериному».

Говорил Илья да таковы слова:

«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!

Засвищи-ко ты во полсвиста соловьего,

Закричи-ко ты во полкрика звериного».

Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:

«Ай же старый казак ты, Илья Муромец!

Мои раночки кровавы запечатались,

Да не ходят-то мои уста саха́рные,

Не могу я засвистать да по-соловьему,

Закричать-то не могу я по-звериному.

А й вели-ка князю ты Владимиру

Налить чару мне да зелена́ вина.

Я повыпью-то как чару зелена вина, —

Мои раночки кровавы поразо́йдутся,

Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
«Ты Владимир князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина.
Ты не малую стопу – да полтора ведра,
Поднеси-ка Соловью-разбойнику».
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Он скоре́нько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручко́й,

Выпил чарочку ту Соловей одним духо́м.

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,

Закричал разбойник по-звериному, —

Маковки на теремах покри́вились,

А око́ленки во теремах рассыпались.

От него, от посвиста соловьего,

Что есть лю́дюшек, так все мертвы лежат,

А Владимир князь стольнокиевский

Куньей шубонькой он укрывается.

А и тут старый казак да Илья Муромец

Он скорешенько садился на добра коня,

И он вез-то Соловья да во чисто поле,

И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:

«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,

Тебе полно-тко слезить да отцов-ма́терей,

Тебе полно-тко вдовить да жен мо-

ло́дыих.

Тебе полно-тко спущать сиротать малых детушек!»

А тут Соловью ему и славу поют,

А й славу поют ему век по веку!

Илья Муромец и голи кабацкие

Славныя Владымир стольнёкиевской
Собирал-то он славный почестей пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучих богатырей;
А на пир ли-то он не́ позвал
Старого казака Ильи Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показалось-то великую,
Й он не знает, что ведь сделати
Супротив тому князю Владымиру.
И он берет-то как свой тугой лук розрывчатой,
А он стрелочки берет каленыи,
Выходил Илья он да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки Божьи церквы погуливать.
На церквах-то он кресты вси да повыломал,

Маковки он залочены вси повыстрелял.

Да кричал Илья он во всю голову,

Во всю голову кричал он громким голосом:

«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкий!

Да и выходите с кабаков, домов питейных

И обирайте-тко вы маковки да золоченый,

То несите в кабаки, в домы питейные,

Да вы пейте-тко да вина до́сыта».

Там доносят-то ведь князю да Владымиру:

«Ай Владымир князь да стольнёкиевской!

А ты ешь да пьешь да на честном пиру,

А как старой-от казак да Илья Муромец

Ён по городу по Киеву похаживат,

Ён на матушки Божьи церквы погуливат,

На Божьих церквах кресты повыломил.

А всё маковки он золоченый повыстре-

лял;

А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,

Во всю голову кричит он громким голосом:

«Ай же, пьяницы вы, голюшки кабацкий!

И выходите с кабаков, домов питейных

И обирайте-тко вы маковки да золоченый,

Да и несите в кабаки, в домы питейные,

Да вы пейте-тко да вина до́сыта».

Тут Владымир-князь да стольнёкиевской

И он стал, Владымир, дума думати,

Ему как-то надобно с Ильей помиритися.

И завел Владымир-князь да стольнёкиевской,

Он завел почестей пир да и на дру́гой день.

Тут Владымир-князь да стольнёкиевской

Да ‘ще стал да и дума думати:

«Мне кого послать будет на пир позвать

Того старого казака Илью Муромца?

Самому пойти мне-то, Владымиру, не хочется,

А Опраксию послать, то не к лицу идет».

И он как шел-то по столовой своей горенке.

Шел-то он о столики дубовый,

Становился супротив моло́дого Добрынюшки,

Говорил Добрыне таковы слова:

«Ты молоденькой Добрынюшка, сходитко ты

К старому казаку к Ильи Муромцу,

Да зайди в палаты белокаменны,

Да пройди-тко во столовую во горенку,

На пяту-то дверь ты порозмахивай,

Еще крест клади да й по-писаному,

Да й поклон веди-тко по-ученому,

А й ты бей челом да низко кланяйся

А й до тых полов и до кирпичныих,
А й до самой матушки сырой земли
Старому казаку Ильи Муромцу,
Говори-тко Ильи ты да таковы слова:
«Ай ты старыя казак да Илья Муромец!
Я пришел к тебе от князя от Владымира
И от Опраксии от королевичной,
Да пришел тобе позвать я на почестей пир».
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Ён скорешенько-то стал да на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил он со столовый со горенки,
Да й прошел палатой белокаменной,
Выходил Добрыня он на Киев-град,
Ён пошел-то как по городу по Киеву,
Пришел к старому казаку к Илье Муромцу

Да в его палаты белокаменны.
Ён пришел как во столовую во горенку,
На пятý-то он дверь да порозмахивал,
Да он крест-от клал да по-писаному,
Да й поклоны вел да по-ученому,
А ‘ще бил-то он челом да низко кланялся
А й до тых полов и до кирпичных,
Да й до самой матушки сырой земли.
Говорил-то ён Илье да таковы слова:
«Ай же, братец ты мой да крестовый,
Старыя казак да Илья Муромец!
Я к тоби послан от князя от Владымира,
От Опраксы королевичной,
А й позвать тебя да й на почестей пир».
Еще старый-от казак да Илья Муромец
Скорешенько ставал он на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапоньку соболью на одно ушко,

Выходили со столовый со горенки,

Да прошли они палатой белокаменной,

Выходили-то они на стольний Киев-град,

Пошли оны ко князю к Владимиру

Да й на славный-от почестей пир.

Там Владымир-князь да стольнёкиевской

Он во горенки да ведь похаживал,

Да в окошечко он, князь, посматривал,

Говорил-то со Опраксой-королевичной:

«Пойдут-ли ко мне как два русскиих богáтыря

Да на мой-от славный на почестей пир?»

И прошли они в палату в белокаменну,

И взошли они в столовую во горенку.

Тут Владымир-князь да стольнёкиевской

Со Опраксией да королевичной

Подошли-то они к старому казаку к Илье Муромцу,

Они брали-то за ручушки за белыи,

Говорили-то они да таковы слова:

«Ай же, старыя казак ты, Илья Муромец!

Твое местечко было да ведь пониже всих,

Топерь местечко за столиком повыше всих!

Ты садись-ко да за столик за дубовый».

Тут кормили его естувшкой сахарнею,

А й поили питьицем медвяныим.

Они тут с Ильей и помирилися.

Илья Муромец и Идолище в Киеве

Ай во славном было городе во Киеви
Ай у ласкового князя у Владимира
Ишше были-жили тут бояры кособрюхие,
Насказали на Илью-ту всё на Муромця,
—
Ай такима он словами похваляется:
«Я ведь князя-та Владимира повыживу,
Сам я сяду-ту во Киев на его место,
Сам я буду у его да всё князём княжить».
Ай об этом они с кня́зем приросспо́рили.
Говорит-то князь Владимир таковы реци:
«Прогоню тебя, Илья да Илья Муромець,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва,
*Не ходи ты, Илья Муромець, да в красен

Киев-град».

Говорил-то тут Илья всё таковы слова:

«А ведь при́дет под тебя кака сила неверная,

Хоть неверна-та сила бусурманьская, —

Я тебя тогды хошь из неволюшки не выруцю».

Ай поехал Илья Муромець в цисто поле,

Из цистá поля отправился во город-от во Муром-то,

Ай во то ли во село, село Качáрово

Как он жить-то ко своёму к отцю, матушки.

Он ведь у отца живет, у матушки,

Он немало и немного живет – три года.

Тут заслышал ли Идолишшо проклятоё,

Ище тот ли царишше всё неверное:

Нету, нет Ильи-то Муромця жива три годицька.

Ай как тут стал-то Идолишшо подумывать,

Он подумывать стал да собираться тут.

Насбирал-то он силы всё тотарьскою,

Он тотарьскою силы, бусурманьскою,

Насбирал-то он ведь силу, сам отправился.

Подошла сила тотарьска-бусурманьская.

Подошла же эта силушка близехонько

Ко тому она ко городу ко Киеву.

Тут выходит тотарин-от Идолишшо всё из бела шатра,

Он писал-то ёрлычки́ всё скорописчаты,

Посылает он тотарина поганого.

Написал он в ёрлычках всё скорописчатых:

«Я зайду, зайду Идолишшо, во Киев-град,

Я ведь выжгу-то ведь Киев-град, Божьи церквы;

Выбирался-то штобы князь из палату-

шек, —

Я займу, займу палаты белокаменны.

Тольки я пушшу в палаты белокаменны,

Опраксеюшку возьму всё Королевисьню.

Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,

Я на кухню-ту поставлю на меня варить».

Он тут скоро тотарин-от приходит к им,

Он приходит тут-то тотарин на широкий двор,

С широка двора – в палаты княженецькия,

Он ведь рубит, казнит у придверницьков всё буйны

головы;

Отдаваёт ёрлычки-то скорописчаты.

Прочитали ёрлыки скоро, заплакали,

Говорят-то – в ёрлычках да всё описано:

«Выбирайся, удаляйся, князь, ты из па-

латушек,

Наряжайся ты на кухню варить поваром».

Выбирался князь Владимир стольнекиевской

Из своих же из палатушек крутешенько;

Ай скорешенько Владимир выбирается,

Выбирается Владимир – сам слезами уливается.

Занимает [Идолище] княженевськи все палатушки,

Хочет взять он Опраксеюшку себе в палатушку.

Говорит-то Опраксеюшка таки речи:

«Уж ты гой еси, Идóлище, неверной царь!

Ты поспеешь ты меня взять да во свои руки».

Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:

«Я уважу, Опраксеюшка, ещё два деницька,

Через два-то через дня как будешь не

княгиной ты,

Не княгиной будешь жить, да всё царицею».

Рознемогся-то во ту пору казак да Илья Муромець.

Он не мог-то за обедом пообедати,

Розболелось у его всё ретивó сердце,

Закипела у его всё кровь горячая.

Говорит-то всё Илья сам таковы слова:

«Я не знаю, отчего да незамог совсим,

Не могу терпеть жить-то у себя в доми.

Надо съездить попроведать во чистó полё,

Надоть съездить попроведать в красен Киёв-град».

Он седлал, сбирал своёго всё Белéюшка,

Нарядил скоро своего коня доброго,

Сам садился-то он скоро на добра коня,

Он садился во седёлышко чиркальскоё,

Он ведь резвы свои ноги в стремена всё клал.

Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромець,

Илья Муромець поехал, свет Иванович.

Он приехал тут да во чисто поле,

Из чиста поля поехал в красен Киёв-град.

Он оставил-то добра коня на широко́м двори,

Он пошел скоро по городу по Киеву.

Он нашел, нашел калику перехожую,

Перехожую калику переброжую,

Попросил-то у калики всё платья кали́чьёго.

Он ведь дал-то ему платье всё от радости,

От радости скинывáл калика платьицё,

Он от радости платьё от великою.

Ай пошел скоро Илья тут под окошецько,

Под окошецько пришел к палатам белокаменным.

Закричал же он, Илья-та, во всю голо-

ву,

Ишше тем ли он ведь криком богатырским тут.

Говорил-то Илья, да Илья Муромець,

Илья Муромець да сам Ивановиць:

«Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милостинку,

Ай подай-ко, подай милостинку мне спасеную,

Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного.

Ради Матери Божьей, царици Богородици».

Говорит-то Илья, да Илья Муромець,

Говорит-то он, кричит всё во второй након:

«Ай подай ты, подай милостину спасеную,

Ай подай-ко-се ты, красно мое солнышко,

Уж ты ласковой подай, да мой Владимир-князь!

Ай не для-ради подай ты для кого-нибудь,

Ты подай-ка для Ильи, ты Ильи Муромця,
Ильи Муромця подай, сына Ивановиця».
Тут скорехонько к окошецьку подходит князь,
Отпират ему окошецько коси́сцято,
Говорит-то князь да таковы реци:
«Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-ту всё, калика, не по-прежному,
Не по-прежному живу, не по-досельнёму, —
Я не смею подать милостинки всё спасеною.
Не дават-то ведь царишшо всё Идолишшо
Поминать-то он Христа, царя небесного,
Во вторых-то поминать да Илью Муромця.
Я живу-ту, князь – лишился я палат все белокаменных,
Ай живет у мня поганоё Идолишшо

Во моих-то во палатах белокаменных;

Я варю-то на его, всё живу поваром,

Подношу-то я тотарину всё кушаньё».

Закричал-то тут Илья да во третéй након:

«Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне выйди,

Не увидели штобы царишша повара, его.

Я скажу тебе два тайного словечушка».

Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,

Он выходит на широку светлу улоцьку.

«Што ты, красно наше солнышко, похýдело,

Што ты, ласков наш Владимир-князь ты

стольнёкиевской?

Я ведь чуть топерь тебя признать могу».

Говорит-то князь Владимир стольнёкиевской:

«Я варю-то, всё живу за повара;

Похудела-то княгина Опраксея Королевисьня,

Она день-от это дня да всё ише хуже».

—

«Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,

Еще ласков князь Владимир стольнё-киевской!

Ты не мог узнать Ильи, да Ильи Муромця?»

Ведь тут падал Владимир во резвы ноги:

«Ты прости, прости, Илья, ты виноватого!»

Подымал скоро Илья всё князя из резвых он ног,

Обнимал-то он его своей-то ручкой правою,

Прижимал-то князя Владимира да к ретиву сердцу,

Целовал-то он его в уста сахарныя:

«Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!

Я тепере из неволюшки тебя повыручу.

Я пойду теперь к Идолишшу в палату белокаменну,

Я пойду-то к ему на глаза-ти всё,

Я скажу, скажу Идолишшу поганому.

«Я пришел-то, царь, к тебе всё посмотреть тебя».

Говорит-то тут ведь красно наше солнышко,

Што Владимир-от князь да стольнё-киевской:

«Ты поди, поди к царишшу во палатушки».

Ай заходит тут Илья да во палатушки,

Он заходит-то ведь, говорит да таковы слова:

«Ты поганоё, сидишь, да всё Идóлишшо,

Ишше тот ли сидишь, да царь неверной ты!

Я пришел, пришел тебя да посмотреть теперь».

Говорит-то всё погано-то Идолишшо,

Говорит-то тут царишшо-то неверное:

«Ты смотри меня – я не гоню тебя».

Говорит-то тут Илья, да Илья Муромець:

«Я пришел-то всё к тебе да скору весть принес,

Скору весточку принес, всё весть нерадостну:

Всё Илья-та ведь Муромець живёхонёк,

Ай живёхонёк всё здорове́шенёк,

Я встретил всё его да во чистом поли.

Он остался во чистом поле поездить-то,

Што поездить-то ему да пополяковать;

Заутра́ хочет приехать в красен Киёвград».

Говорит ему Идолишшо, да всё неверной царь:

«Еще велик ли, – я спрошу у тя, калика, —

Илья Муромець?»

Говорит-то калика-та Илья Муромець:

«Илья Муромець-то будет он во мой же рост».

Говорит-то тут Идолишшо, выспрашивать:

«Э, по многу ли ест хлеба Илья Муромець?»

Говорит-то калика перехожая:

«Он ведь кушат-то хлеба по единому,

По единому-едно́му он по ломтю к выти». —

«Он по многу ли ведь пьет да пива пьяного?» —

«Он ведь пьет пива пьяного всёго один пивной стокан».

Россмехнулся тут Идолишшо поганое:

«Што же, почему вы этим Ильею на Руси-то хвастают?

На доло́нь его поло́жу, я другой прижму, —

Остаётся меж руками што одно мокро».

Говорит-то тут калика перехожая:

«Еще ты ведь по многу ли, царь, пьёшь и ешь,

Ты ведь пьешь, ты и ешь, да всё кушаешь?» —

«Я-то пью-ту, я всё чарочку пью пива полтора ведра,

Я всё кушаю хлеба по семи пудов;

Я ведь мяса-то ем – к выти всё быка я съем».

Говорит-то на те речи Илья Муромець,

Илья Муромець да сын Ивановиць:

«У моёго всё у батюшки родимого

Там была-то всё корова-то обжорчива,

Она много пила да много ела тут —

У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула».

Показалось-то царищу всё не в удовольствии, —

Он хватал-то из ногалища булатен нож,

Он кина́л-то ведь в калику перехожую.

Ай миловал калику Спас Пречистой наш:

Отвернулся-то калика в другу сторону.

Скинывáл-то Илья шляпу с головушки,

Он ведь ту-ту скинывал всё шляпу сорочиньскую,

Он кинáл, кинáл в Идолишша всё шляпою.

Он ведь кинул – угодил в тотарьску саму голову.

Улетел же тут тотарин из простенка вон,

Да ведь вылетел тотарин всё на улицю.

Побежал-то Илья Муромець скорешенько

Он на ту ли на широку светлу улицю,

Он рубил-то всё он тут силу тотарьскую,

Он тотарьску-ту силу, бусурманьскую,

—

Он избил-то, изрубил силу великую.

Приказал-то князь Владимир-от звонить всё

в большой колокол,

За Илью-ту петь обедни-ти с молеб-

нами:

«Не за меня-то молите, за Илью за Муромця».

Собирал-то он почестеи пир,

Ай почестеи собирал для Ильи да все для Муромця.

Илья Муромец и Идолище в Царе-граде

Как сильное могуче-то Иванище,
Как он, Иванище, справляется,
Как он-то тут, Иван, да снаряжается
Идти к городу еще Еросо́лиму,
Как Господу там Богу помолитися,
Во Ердань там реченьке купатися,
В кипарисном деревце сушитися,
Господнему да гробу приложитися.
А сильное-то могуче Иванище,
У него лапотцы на ножках семи шелков,
Клюша́-то у него ведь сорок пуд;
Как ино тут промеж-то лапотцы поплéтены
Каменья-то были самоцветные:
Как меженный день да шел он по красному солнышку,
В осенню ночь он шел по дорогому каменю
самоцветному.

Ино тут это сильное могучее Иванище
Сходил к городу еще Еросолиму
Там Господу-то Богу он молился есть,
Во Ердань-то реченьке купался он,
В кипарисном деревце сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шел мимо Царь-от-град,
Как тут было еще в Царѝ-граде,
Наехало погано тут Идолище,
Одолели как поганы вси татарева;
Как скоро тут святые образа были по-колоты
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В Божьих-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно могуче тут Иванище
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чистó поле,
А начал у поганого доспрашивать:
«Ай же ты, татарин да неверный был!

А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолище,
Велик ли-то он ростом собой да был?»
Говорит татарин таково слово:
«Как есть у нас погано есть Идолище
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головище что ведь люто лохалище,
А глазища что пивные чашища,
А нос-от на роже он с локоть был».
Как хватил-то он татарина тут за руку,
Бросал он его во чисто поле,
А разлетелись у татарина тут косточки.
Пошел-то тут Иванище вперед опять,
Идет он путем да дорожкою,
Навстречу тут ему да стречается
Старый казак Илья Муромец:
«Здравствуй-ка ты, старый казак Илья Муромец!»
Как он его ведь тут еще здравствует:

«Здравствуй, сильное могуче ты Иванище!

Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,

А ты откуль еще свой да путь держишь?» —

«А я бреду, Илья ещё Муромец,

От того я города Еросолима.

Я там был ино Господу Богу молился там,

Во Ердань-то реченьке купался там,

А в кипарисном деревце сушился там,

Ко Господнему гробу приложился был.

Как скоро я назад тут поворот держал,

Шел-то я назад мимо Царь-от-град».

Как начал тут Илюшенька доспрашивать,

Как начал тут Илюшенька доведывать:

«Как все ли-то в Цари́-граде по-старому,

Как все ли-то в Цари́-граде по-прежнему?»

А говорит тут Иван таково слово:

«Как в Царѝ-граде-то нынче не по-старому,

В Царѝ-граде-то нынче не по-прежнему.

Одолели есть поганые татарева,

Наехал есть поганое Идолище,

Святые образа былѝ поколоты,

В черные грязи были потоптаны,

Да во Божьих церквах там коней кормят». —

«Дурак ты, сильное могуче есть Иванище!

Силы у тебя есте с два меня,

Смелости, ухватки половинки нет.

За первые бы речи тебя жаловал,

За эти бы тебя й накáзал

По тому-то телу по нáгому!

Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина

Боголюбова?

Как ино скоро разувай же с ног,

Лапотцы разувай семи шелков,

А обувай мои башмачики сафьянные,

Сокручуся я кали́кой перехожею».
Сокрутился он каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
«На-ка, сильное могуче ты Иванище,
А на-ка ведь моего ты добра́ коня;
Хотя ты езди ль, хоть водко́м води,
А столько еще, сильное могуче ты Иванище,
Живи-то ты на уло́вном этом ме́стечке,
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюда буду я обратно бы.
Давай сюда клюшу-то мне-ка сорок пуд».
Не дойдет тут Ивану разговаривать:
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
Взимат-то он от него тут добра коня.
Пошел тут Илюшенька скорым-скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Как приходил Илюшенька во Царь-отград,
Хватил он там татарина под пазуху,

Вытащил его он на чисто поле,
Как начал у татарина доспрашивать:
«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолище?»
Как говорит татарин таково слово:
«Есть у нас поганое Идолище,
А росту две сажени печатныих,
В ширину сажень была печатная,
А головище – что ведь лютое лохалище,
Глазища – что ведь пивные чашища,
А нос-от ведь на роже с локоть был».
Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он его во чисто поле,
Разлетелись у него тут косточки.
Как тут-то ведь еще Илья Муромец
Заходит Илюшенька во Царь-от-град,
Закричал Илья тут во всю голову:
«Ах ты, царь да Костянтин Боголюбович!
А дай-ка мне, калике перехожеей,

Злато мне, милостыню спасеную».

Как ино царь он Костянтин он Боголюбович

Он-то ведь уж тут зрадовается.

Как тут в Цари́-граде от крику еще каличьего

Теремы-то ведь тут пошаталися,

Хрустальные оконнички посыпались,

Как у поганого сердечко тут ужахнулось.

Как говорит поганый таково слово:

«А царь ты Костянтин Боголюбов был!

Какой это калика перехожая?»

Говорит тут Костянтин таково слово:

«Это есте русская калика зде». —

«Возьми-ка ты каликушку к себе его,

Корми-ка ты каликушку да пой его,

Надай-ка ему ты злата-се́ребра,

Надай-ка ему злата ты до́люби».

Взимал он, царь Костянтин Боголюбович,

Взимал он тут каликушку к себе его

В особый-то покой да в потайный,
Кормил, поил калику, зрадовается,
И сам-то он ему воспроговорит:
«Да не красное ль то солнышко поро́спекло,
Не млад ли зде светел месяц поро́ссветил?
Как нынечку-топеречку зде еще,
Как нам еще сюда показался бы
Как старый казак здесь Илья Муромец!
Как нынь-то есть было топеречку
От тыи беды он нас повыручит,
От тыи от смерти безнапрасный!»
Как тут это поганое Идолище
Взимает он калику на доспрос к себи:
«Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старый казак есть Илья Муромец?
Велик ли ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль ещё пьет зелена вина?»

Как тут эта калика было русская,

Начал он калика тут высказывать:

«Да ай же ты, поганое Идолище!

У нас-то есть во Киеве

Илья-то ведь да Муромец,

А волосом да возрастом ровны́м с меня,

А мы с ним были братьица крестовые;

А хлеба ест как по три-то калачика крупивчатых,

А пьет-то зелена вина на три пятачика на медныих». —

«Да черт-то ведь во Киеве-то есть, не богатырь был!

А был бы-то ведь зде да бога́тырь тот,

Как я бы тут его на долонь ту клал,

Другой рукой опять бы сверху прижал,

А тут бы еще да ведь блин-то стал,

Дунул бы его во чисто поле!

Как я-то ещё ведь Идолище

А росту две сажени печатныих,

А в ширину-то ведь сажень была печатная;

Головище у меня – да что люто лохалище,

Глазища у меня – да что пивные чашища,

Нос-то ведь на роже с локоть бы.

Как я-то ведь да к выти хлеба ем

А ведь по три-то печи печеных,

Пью-то я ещё зелена вина

А по три-то ведра я ведь мерных,

Как штей-то я хлебаю по яловицы есте русский!»

Говорит Илья тут таково слово:

«У нас как у попа было ростовского,

Как была что корова обжориста,

А много она ела, пила, тут и треснула.

Тебе-то бы, поганому, да так же быть».

Как этыи тут речи не слюбилися,

Поганому ему не к лицу пришли,

Хватил он как ножище тут, кинжалище

Со того стола со дýбова,

Как бросил он во Илью-то Муромца,

Что в эту калику перехожую.

Как тут-то ведь Илье не дойдет сидеть,

Как скоро он от ножика отскакивал,

Колпаком тот ножик приотваживал;

Как пролетел тут ножик да мимо-то,

Ударял он во дверь во дубовую;

Как выскочила дверь тут с ободвериной,

Улетела тая дверь да во сени те,

Двенадцать там своих да татаровей

Намертво убило, дру́го ранило.

Как остальны татара проклинают тут:

«Буди трою проклят, наш татарин ты!»

Как тут опять Илюше не дойдет сидеть,

Скоро он к поганому подскакивал,

Ударил как клюшой его в голову,

Как тут-то он, поганый, да захамкал есть.

Хватил затем поганого он за ноги,

Как начал он поганым тут помахивать.

Помахиват Илюша, выговариват:

«Вот мне-ка, братцы, нынче оружье по плечу пришло».

А бьет-то сам Илюша, выговариват:

«Крепок-то поганый сам на жилочках,

А тянется поганый, сам нé рвется».

Начал он поганых тут охаживать

Как этыим поганыим Идолищем.

Прибил-то он поганых всех в три часу,

А не оставил тут поганого на семена.

Как царь тут Костянтин-он Боголюбович.

Благодарствует его, Илью Муромца:

«Благодарим тебя, ты старый казак Илья Муромец!

Нонь ты нас еще да повыручил,

А нонь ты нас да еще повыключил

От тыи от смерти безнапрасныи.

Ах ты, старый казак да Илья Муромец!

Живи-тко ты здесь у нас на жительстве,

Пожалую тебя я воеводою».

Как говорит Илья ему Муромец:

«Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!

А послужил у тя только я три часа,

А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,

Да я у тя еще слово гладкое,

Да еще уветливо да приветливо.

Служил-то я у князя Володимира,

Служил я у него ровно тридцать лет,

Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкия,

А не выслужил-то я слова там гладкого,

Слова у него я уветлива, есть приветлива.

Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!

Нельзя-то ведь еще мне зде-ка жить,

Нельзя-то ведь то было, невозможно есть:

Оставлен есть оставеш на дороженьке».

Как царь тот Костянтин Боголюбович
Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-то чашу скатна жемчугу,
Третьюю еще чиста серебра.
Как принимал Илюшенька, взимал к себе,
Высыпал-то в карман злато-серебро,
Тот ли-то этот скатный жемчужок.
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
«Это ведь мое-то заработчее».
Как тут-то с царем Костянтином распростилися,
Тут скоро Илюша поворот держал.
Придет он на уловно это местечко,
Ажно тут Иванище притаскано,
Да ажно тут Иванище придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья те каличие,
Разувал лапотцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянные,
Надевал на ся платьица цветные,

Взимал тут он к себе своего добра коня;

Садился тут Илья на добра коня,

Тут-то он с Иванищем еще распрощается:

«Прощай-ка нынь ты, сильное могуче Иванище!

Впредь ты так да больше не делай-ка,

А выручай-ка ты Русию от поганыих».

Да поехал тут Илюшенька во Киевград.

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Ездит Илья во чистóм полé.
Говорит себе таково словó:
«Побывал я, Илья, во всех городах,
Не бывал я давно во Киеве,
Я пойду в Киев, попроведаю,
Что такое деется во Киеве».
Приходил Илья в стольный Киев-град.
У князя Владимира пир на вéсело.
Походит Илейко во княжóй терем,
Остоялся Илейко у ободверины.
Не опознал его Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский:
«Ты откуль родом, откуль племенем,
Как тебя именем вéличать,
Именем величать, отцем чествовать?»
Отвечает Илья Муромец:
«Свет Владимир, красное солнышко!

Я Никита Заоле́шанин».
Не садил его Владимир со боярами,
Садил его Владимир с детьми боярскими.
Говорит Илья таково слово:
«Уж ты, батюшка Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский!
Не по чину место, не по силе честь:
Сам ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь с воронятами».
Князю Владимиру за беду пало́:
«Есть у меня, Никита, три бога́тыря;
Выходите-ка вы, самолучшие,
Возьмите Никиту Заолешанина,
Выкиньте вон из гридницы!»
Выходили три богатыря,
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита стоит – не ша́тнется,
На буйной главе колпак не тря́хнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, позабавиться,

Подавай ещё трех богатырей!»
Выходило ещё три богатыря.
Стали они Никитушку попёхивать,
Стали они Никитушку поталкивать.
Никита стоит – не шатнется,
На буйной главе колпак не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, потешиться,
Посылай ещё трех богатырей!»
Выходили третьи три богатыря:
Ничего не могли упахáть с Никитушкой.
При том пиру при беседушке
Тут сидел да посидел Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад;
Говорил он князю Владимиру:
«Князь Владимир, красное солнышко!
Не умел ты гостя на приезде учёствовать,
На отъезде гостя не учёствуешь;
Не Никитушка пришел Заолешанин,
Пришел стар казак Илья Муромец!»

Говорит Илья таково слово:
«Князь Владимир, стольный киевский!
Тебе охота попоте́шиться?
Ты теперь на меня гляди:
Глядючи́, снимешь охоту тешиться!»
Стал он, Илейко, потешиться,
Стал он богатырей попихивать.
Сильных-могучих учал попинывать:
Богатыри по гриднице ползают,
Ни один на ноги не может встать.
Говорит Владимир стольный киевский:
«Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подле́ меня,
Хоть по правую руку аль по левую,
А третье тебе место – куда хошь садись!»
Отвечает Илья Муромец:
«Володимир, князь земли Святорусския!
Правду сказывал Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад:

Не умел ты гостя на приезде учёствовать,

На отъезде гостя не учёствуешь!

Сам ты сидел со во́ронами,

А меня садил с воронятами!»

Илья Муромец и Калин-царь

Как Владимир князь да стольнокиевский

Поразгневался на старого казака Илью Муромца,

Засадил его во погреб во глубокиий,

Во глубокий погреб во холодныий

Да на три-то года по́ры-времени.

А у славного у князя у Владимира

Была дочь да одинакая,

Она видит: это дело есть немалое,

Что посадил Владимир князь да стольнокиевский

Старого каза́ка Илью Муромца

В тот во погреб во холодный.

А он мог бы постоять один за веру, за отечество,

Мог бы постоять один за Киев-град,

Мог бы постоять один за церкви за соборные,

Мог бы поберечь он князя да Владими-

ра,

Мог бы поберечь Опраксу Королевичну.

Приказала сделать да ключи поддельные,

Положила-то людей да потаенных,

Приказала-то на погреб на холодный

Да снести перины да подушечки пуховые,

Одеяла приказала сне́сти теплые,

Она ествушку поставить да хорошую

И одежду сменять с нова-на́-ново

Тому старому казаку Илье Муромцу.

А Владимир-князь про то не ведает.

И воспылал-то тут собака Ка́лин-царь на Киев-град,

И хотит он разорить да стольный Киев-град,

Чернедь-мужичков он всех повырубить,

Божьи церкви все на дым спустить,

Князю-то Владимиру да голова срубить

Да со той Опраксой Королевичной.

Посылает-то собака Калин-царь по-

сланника,

А посланника во стольный Киев-град,

И дает ему он грамоту посыльную.

И посланнику-то он наказывал:

«Как поедешь ты во стольный Киев-град,

Будешь ты, посланник, в стольном Киеве

Да у славного у князя у Владимира,

Будешь у него на широко́м дворе

И сойдешь как тут ты со добра́ коня,

Да й спущай коня ты на посыльный двор,

Сам поди-ко во палату белокаменну;

Да пройдешь палатой белокаменной,

Войдешь в его столовую во горенку,

На пяту́ ты дверь да поразмахивай,

Не снимай-ко кивера́ с головушки,

Подходи-ко ты ко столику к дубовому,

Становись-ко супротив князя Владимира,

Полагай-ко грамоту на зо́лот стол;

Говори-ко князю ты Владимиру:

«Ты Владимир, князь да стольнокиевский,

Ты бери-тко грамоту посыльную

Да смотри, что в грамоте написано,

Да гляди, что в грамоте да напечатано;

Очищай-ко ты все улички стрелецкие,

Все великие дворы да княженецкие

По всему-то городу по Киеву,

А по всем по улицам широкиим

Да по всем-то переулкам княженецкиим

На́ставь сладких хмельных напиточков,

Чтоб стояли бочка-о́-бочку близко-по́-близку,

Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину

Со своими-то войсками со великими

Во твоем во городе во Киеве».

(Приезжал посол в стольный Киев-град

Ко князю ко Владимиру на широкий двор.

Спущает коня на посыльный двор,
Сам идет в палату белокаменну;
На пяту он дверь поразмахивал,
Креста он не клал по-писаному,
И не вел поклонов по-ученому
Ни самому-то князю Владимиру
И ни его князьям подколенным.
Полагал он грамоту посыльную на зóлот стол.)
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Брал-то книгу он посыльную,
Да и грамоту ту распечатывал,
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано,
И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие двóры княженецкие,
Да наставить сладких хмельных напиточков
А по всем по улицам по широкиим
Да по всем-то переулкам княженец-

киим.

Тут Владимир князь да стольнокиевский

Видит: есть это дело немалое,

А немалое, дело-то, великое,

А садился-то Владимир да на червленый стул.

Да писал-то ведь он грамоту повинную:

«Ай же ты собака да и Калин-царь!

Дай-ко мне ты поры-времечка на три года,

На три года дай и на три месяца,

На три месяца да еще на три дня,

Мне очистить улицы стрелецкие,

Все великие дворы да княженецкие,

Накурить мне сладких хмельных напиточков

Да наставить по всему по городу по Киеву

Да по всем по улицам широкиим,

По всем славным переулкам княженецкиим».

Отсылает эту грамоту повинную,

Отсылает ко собаке царю Калину.
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времечка на три года,
На три года дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.
А неделя за неделей, как река, бежит,
Прошло поры-времечка да три года,
А три года да три месяца,
А три месяца и еще три дня.
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
От подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.
Тут Владимир князь да стольнокиевский,
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Нет живá-то старого казака Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за оте-

чество,

Некому стоять за церкви ведь за божие,

Некому стоять-то ведь за Киев-град,

Да ведь некому сберечь князя Владимира

Да и той Опраксы Королевичны!»

Говорит ему любима дочь таковы слова:

«Ай ты батюшко Владимир, князь наш стольнокиевский,

Ведь есть жив-то старый казак да Илья Муромец,

Ведь он жив на погребе на холодноем».

Тут Владимир князь да стольнокиевский,

Он скорешенько берет да золоты ключи

Да идет на погреб на холодный,

Отмыкает он скоренько погреб да холодный

Да подходит ко решеткам ко железным;

Растворил-то он решетки да железные,

Да там старый казак да Илья Муромец,

Он во погребе сидит-то, сам не старится,

Там перинушки, подушечки пуховые,

Одеяла снесены там теплые,

Евствушка поставлена хорошая,

А одежица на нем да живет сменная.

Он берет его за ручушки за белые,

За его за перстни за злаченые,

Выводил его со погреба холодного,

Приводил его в палату белокаменну,

Становил-то он Илью да супротив себя,

Целовал в уста его во сахарны,

Заводил его за столики дубовые,

Да садил Илью-то он подле себя,

И кормил его да евствушкой сахарною,

Да поил-то питьицем медвяныим,

Говорил-то он Илье да таковы слова:

«Ай же старый ты казак да Илья Му-

ромец!

Наш-то Киев-град нынь в полону стоит,

Обошел собака Калин-царь наш Киев-град

Со своими со войсками со великими.

А постой-ко ты за веру, за отечество,

И постой-ко ты за славный Киев-град,

Да постой за матушки божьи церкви,

Да постой-ко ты за князя за Владимира,

Да постой-ко за Опраксу Королевичну!»

Как тут старый казак да Илья Муромец

Выходил он со палаты белокаменной,

Шел по городу он да по Киеву,

Заходил в свою палату белокаменну,

Да спросил-то как он паробка любимого,

Шел со паробком да со любимыим

На свой на славный на широкий двор.

Заходил он во конюшенку в стоялую,

Посмотрел добра коня он богатыр-

ского.

Говорил Илья да таковы слова:

«Ай же ты, мой паробок любимый,

Хорошо держал моего коня ты богатырского!»

Выводил добра коня с конюшенки стоялыи.

А й на тот на славный на широкий двор.

А й тут старый казак да Илья Муромец

Стал добра коня он заседлывать:

На коня накладывает потничек,

А на потничек накладывает войлочек,

Потничек он клал да ведь шелковенький,

А на потничек подкладывал подпотничек,

На подпотничек седелко клал черкасское,

А черкасское седелышко не держано,

И подтягивал двенадцать подпругов шелковых,

И шпилечики он втягивал булатные,

А стремяночки покладывал булатные,

Пряжечки покладывал он красна золота,

Да не для красы-угожества,

Ради крепости все богатырскоей:

Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся,

Да булат-железо гнется, не ломается,

Пряжечки да красна золота,

Они мокнут, да не ржавеют.

И садился тут Илья да на добра коня,

Брал с собой доспехи крепки богатырские:

Во-первых, брал палицу булатную,

Во-вторых, брал копье бурзамецкое,

А еще брал свою саблю вострую,

А еще брал шалыгу подорожную,

И поехал он из города из Киева.

Выехал Илья да во чисто поле,

И подъехал он ко войскам ко татарскиим

Посмотреть на войска на татарские:

Нагнано-то силы много-множество,
Как от покрику от человечьего,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старый казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушке наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскочил он на́ гору на дру́гую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился с той со горы со высокий,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной сторо-

ной,
Насмотрел он там шатры белые
И у белых у шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы высокий
И поехал по раздольицу чисту полю.
Приезжал Илья ко шатрам ко белыим,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тех шатров у белыих
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблют-то пшену да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастия великого».
Он накинул поводья шелковые
На добра коня да богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
«А й допустят ли-то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому

Позобать пшену да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшену да белоярову.
Старый казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.
Приходит Илья Муромец во бел шатер.
В том белом шатре двенадцать богатырей,
И богатыри все святорусские,
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«А й поди ты, крестничек любимый,
Старый казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати».
И он встал да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,

Поздоровкались они да целовалися,

Посадили Илью Муромца за единый стол

Хлеба-соли да покушати.

Их двенадцать-то богатырей,

Илья Муромец да он тринадцатый.

Они попили, поели, пообедали,

Выходили з-за стола из-за дубового,

Говорил им старый казак да Илья Муромец:

«Крестный ты мой батюшка, Самсон Самойлович,

И вы русские могучие бога́тыри,

Вы седлайте-тко добры́х коней

Да садитесь вы на добрых коней,

Поезжайте-тко во раздольице чисто поле

Под тот под славный стольный Киев-град.

Как под нашим-то городом под Киевом

А стоит собака Калин-царь,

А стоит со войсками со великими,

Разорить он хочет стольный Киев-

град,

Чернедь-мужиков он всех повырубить,

Божьи церкви все на дым спустить,

Князю-то Владимиру да со Опраксой Королевичной

Он срубить-то хочет буйны головы.

Вы постойте-тко за веру, за отечество,

Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град,

Вы постойте-тко за церкви да за божие,

Вы поберегите-ко князя Владимира

И со той Опраксой Королевичной!»

Говорит ему Самсон Самойлович:

«Ай же крестничек ты мой любимый,

Старый казак да Илья Муромец!

А й не будем мы да и коней седлать,

И не будем мы садиться на добрых коней,

Не поедем мы во славно во чисто поле,

Да не будем мы стоять за веру, за отечество,

Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,

Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,

Да не будем мы беречь князя Владимира

Да еще с Опраксой Королевичной.

У него есть много да князей, бояр,

Кормит их и поит да и жалует,

Ничего нам нет от князя от Владимира».

Говорит-то старый казак Илья Муромец:

«Ай же ты мой крестный батюшка,

А й Самсон да ты Самойлович!

Это дело у нас будет нехорошее.

Как собака Калин-царь разорит да Киев-град,

Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,

Да он божьи церкви все на дым спустит.

Да князю Владимиру с Опраксой Коро-

левичной

А он срубит им да буйные головушки,

Вы седлайте-тко добрых коней

И садитесь-ко вы на добрых коней,

Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,

И постойте вы за веру, за отечество,

И постойте вы за славный стольный Киев-град,

И постойте вы за церкви да за божие.

Вы поберегите-ка князя Владимира

И со той с Опраксой Королевичной».

Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:

«Ай же крестничек ты мой любимый,

Старый казак да Илья Муромец!

А й не будем мы да и коней седлать,

И не будем мы садиться на добрых коней,

Не поедем мы во славно во чисто поле,

Да не будем мы стоять за веру, за отечество,

Да не будем мы стоять за стольный

Киев-град,

Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,

Да не будем мы беречь князя Владимира

Да еще с Опраксой Королевичной.

У него есть много да князей, бояр,

Кормит их и поит да жалует,

Ничего нам нет от князя от Владимира».

Говорит-то старый казак Илья Муромец:

«Ай же ты мой крестный батюшка,

А й Самсон да ты Самойлович!

Это дело у нас будет нехорошее.

Вы седлайте-тко добрых коней

И садитесь-ко вы на добрых коней,

Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,

И постойте вы за веру, за отечество,

И постойте вы за славный стольный Киев-град,

И постойте вы за церкви да за божие,

Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой Королевичной».
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой Королевичной.
У него есть много да князей, бояр,
Кормит их и поит да жалует,
Ничего нам нет он князя от Владимира».
А й тут старый казак да Илья Муро-

мец

Он как видит, что дело ему не по́люби,

Выходит-то Илья да со бела шатра,

Приходил к добру коню да богатырскому,

Брал его за поводья шелковые,

Отводил от полотна от белого

А от той пшены от белояровой,

Да садился Илья на добра коня.

Он поехал по раздольицу чисту полю

И подъехал ко войскам ко татарскиим.

Не ясен сокол напущает на гусей, на лебедей

Да на малых перелетных на серых утушек,

Напущает-то богатырь святорусский

А на ту ли на силу на татарскую.

Он спустил коня да богатырского

Да поехал ли по той по силушке татарскоей.

Стал он силушку конем топтать,

Стал конем топтать, копьем колоть,

Стал он бить ту силушку великую,

А он силу бьет, будто траву косит.
Его добрый конь да богатырский
Испровещился языком человеческим:
«Ай же славный богатырь святорусский,
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великий:
Нагнано у собаки царя Калина,
Нагнано той силы много-множество,
И у него есть сильные богатыри,
Поленицы есть да удалые;
У него, собаки царя Калина,
Сделаны-то трои ведь подкопы да глубокие
Да во славном во раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу
чисту полю,
Будешь бить ты силу ту великую,
Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первыих подкопов я повыскочу

Да тебя оттуль-то я повыздыну;

Как просядем мы в подкопы-то во другие,

И оттуль-то я повыскочу

И тебя оттуль-то я повыздыну;

Еще в третьи во подкопы во глубокие,

А ведь тут-то я повыскочу,

Да оттуль тебя-то не повыздыну,

Ты останешься в подкопах во глубоких».

Еще старому казаку Илье Муромцу,

Ему дело-то ведь не слюбилося,

И берет он плетку шелкову в белы руки,

А он бьет коня да по крутым ребрам,

Говорил он коню таковы слова:

«Ай же ты, собачище изменное,

Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,

А ты хочешь меня оставить во чистом поле,

Да во тех подкопах во глубоких!»

И поехал Илья по раздольицу чисту полю

Во ту во силушку великую,

Стал конем топтать да и копьем колоть.

А он бьет-то силу, как траву косит;

У Ильи-то сила не уменьшится.

И просел он во подкопы во глубокие,

Его добрый конь оттуль повыскочил,

Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.

И спустил он коня да богатырского

По тому раздольицу чисту полю

Во ту во силушку великую,

Стал конем топтать да копьем колоть.

И он бьет-то силу, как траву косит;

У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,

На добром коне сидит Илья не старится.

И просел он с конем да богатырскиим,

И попал он во подкопы-то во другие;

Его добрый конь оттуль повыскочил

Да Илью оттуль повыздынул.

И спустил он коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во ту во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть.
Он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья не старится.
И попал он во подкопы-то во третие,
Он просел с конем в подкопы те глубокие;
Его добрый конь да богатырский
Еще с третьих подкопов он повыскочил,
Да оттуль Илью он не повыздынул,
Сголзанул Илья да со добра коня,
И остался он в подкопе во глубокоем.
Да пришли татара-то поганые
Да хотели захватить они добра коня;
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки,

Убежал-то добрый конь да во чисто поле.

Тут пришли татары да поганые,

Нападали на старого казака Илью Муромца,

И сковали ему ножки резвые,

И связали ему ручки белые.

Говорили-то татары таковы слова:

«Отрубить ему да буйную головушку».

Говорят ины татары таковы слова:

«А й не надо рубить ему буйной головы,

Мы сведем Илью к собаке царю Калину,

Что он хочет, то над ним да сделает».

Повели Илью да по чисту полю

А ко тем палаткам полотняныим.

Приводили ко палатке полотняной,

Привели его к собаке царю Калину,

Становили супротив собаки царя Калина.

Говорили татары таковы слова:

«Ай же ты собака да наш Калин-царь!

Захватили мы да старого казака Илью Муромца

Да во тех-то подкопах во глубокиих

И привели к тебе, к собаке царю Калину;

Что ты знаешь, то над ним и делаешь».

Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы слова:

«Ай ты старый казак да Илья Муромец,

Молодой щенок да напустил на силу великую,

Тебе где-то одному побить мою силу великую!

Вы раскуйте-ка Илье да ножки резвые,

Развяжите-ка Илье да ручки белые».

И расковали ему ножки резвые,

Развязали ему ручки белые.

Говорил собака Калин-царь да таковы слова:

«Ай же старый казак да Илья Муромец!

Да садись-ко ты со мной за единый стол,

Ешь-ко ествушку мою сахарную,

Да и пей-ко мои питьица медвяные,

И одежь-ко ты мою одежу драгоценную,

И держи-тко мою золоту казну,

Золоту казну держи по надобью,

Не служи-тко ты князю Владимиру,

Да служи-тко ты собаке царю Калину».

Говорил Илья да таковы слова:

«А не сяду я с тобой да за единый стол,

Не буду есть твоих ествушек сахарных,

Не буду пить твоих питьецев медвяных,

Не буду носить твои одежи драгоценные,

Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,

Не буду служить тебе, собаке царю Калину,

Еще буду служить я за веру, за отечество,

Буду стоять за стольный Киев-град,

Буду стоять за церкви за Господние,

Буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой Королевичной».
Тут старый казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняноей
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары-ты поганые,
Хотят обневолить они старого казака Илью Муромца.
А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
Старый казак да Илья Муромец
Видит он – дело немалое:
Да схватил татарина он за ноги,
Так и стал татарином помахивать,
Стал он бить татар татарином,
И от него татары стали бегати,
И прошел он сквозь всю силушку татарскую.
Вышел он в раздольице чисто поле,

Да он бросил-то татарина да в сторону.

То идет он по раздольицу чисту полю,

При себе-то нет коня да богатырского,

При себе-то нет доспехов крепкиих.

Засвистал в свисток Илья он богатырский,

Услыхал его добрый конь да во чистом поле.

Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.

Еще старый казак да Илья Муромец

Как садился он да на добра коня

И поехал по раздольицу чисту полю,

Выскочил он да на гору да высокую,

Посмотрел-то под восточную он сторону.

А под той ли под восточной под сторонушкой,

А у тех ли у шатров у белыих

Стоят добры кони богатырские.

А тут старый казак да Илья Муромец

Опустился он да со добра коня,

Брал свой тугой лук разрывчатый в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
И спущал ту стрелочку во бел шатер.
Говорил Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышку со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному,
И проголзни-тко по груди ты по белый,
Сделай-ко ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется».
Он спустил тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула та стрелочка каленая
Да во тот во славный во бел шатер,
Она сняла крышку со бела шатра,

Пала она, стрелка, на белы груди

Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,

По белой груди стрелочка проголзнула,

Сделала она да сцапинку-то маленьку.

Тут славный богатырь да святорусский,

А й Самсон-то ведь Самойлович,

Пробудился-то Самсон от крепка сна,

Пораскинул свои очи ясные:

Да как снята крыша со бела шатра,

Пролетела стрелка по белой груди,

Она сцапиночку сделала да на белой груди.

Он скорошенько стал на резвы ноги,

Говорил Самсон да таковы слова:

«Ай же славные мои богатыри, вы святорусские,

Вы скорешенько седлайте-ко добрых коней!

Да садитесь-ко вы на добрых коней!

Мне от крестничка да от любимого

Прилетели-то подарочки да нелюби-

мые:

Долетела стрелочка каленая

Через мой-то славный бел шатер,

Она крышу сняла да со бела шатра,

Да проголзнула-то стрелка по белой груди,

Она сцапинку-то дала по белой груди,

Только малу сцапинку-то дала невеликую.

Погодился мне, Самсону, крест на вороте,

Крест на вороте шести пудов.

Если б не был крест да на моей груди,

Оторвала бы мне буйну голову».

Тут богатыри все святорусские

Скоро ведь седлали да добрых коней,

И садились молодцы да на добрых коней,

И поехали раздольицем чистым полем

Ко тем силам ко татарскиим.

А со той горы да со высокий

Усмотрел ли старый казак да Илья Муромец,

А то едут ведь богатыри чистым полем,

А то едут ведь да на добрых конях.

И спустился он с горы высокий

И подъехал он к богатырям ко святорусскиим:

Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.

И приехали они ко силушке татарскоей,

Припустили коней богатырскиих,

Стали бить-то силушку татарскую,

Притоптали тут всю силушку великую

И приехали к палатке полотняноей.

Сидит собака Калин-царь в палатке полотняноей.

Говорят богатыри да святорусские:

«А срубить-то буйную головушку

А тому собаке царю Калину».

Говорил старый казак да Илья Муромец:

«А почто рубить ему да буйну голову?

Мы свезем его во стольный Киев-град

Да ко славному ко князю ко Владимиру».

Привезли его собаку царя Калина

А во тот во славный Киев-град.

Привели его в палату белокаменну

Да ко славному ко князю ко Владимиру.

Тут Владимир-князь да стольнокиевский

Садил собаку за столики дубовые,

Кормил его евствушкой сахарною

Да поил-то питьицем медвяныим.

Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:

«Ай же ты Владимир-князь да стольнокиевский,

Не руби-тко мне да буйной головы!

Мы напишем промеж собой записи великие:

Буду тебе платить дани век и по веку,

А тебе-то князю я Владимиру!»

А тут той старинке и славу поют,

А по тыих мест старинка и покончи-

лась.

Бой Ильи Муромца с сыном

Кабы жили на за́ставы бога́тыри,

Недалеко от города – за двенадцать верст,

Кабы жили они да тут пятнадцать лет;

Кабы тридцать-то их было да со богатырем;

Не видали ни конного, ни пешего,

Ни прохожего они тут, ни проезжего,

Да ни серый тут волк не прорыскивал,

Ни ясен сокол не пролетывал,

Да нерусской богатырь не проезживал.

Кабы тридцать-то было богатырей со богатырем:

Атаманом-то – стар казак Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович;

Податаманьем Самсон да Колыбанович,

Да Добрыня-то Микитич жил во писа-

рях,

Да Алеша-то Попович жил во поварах,

Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах;

Да и жил тут Василей сын Буслаевич,

Да и жил тут Васенька Игнатьевич,

Да и жил тут Дюк да сын Степанович,

Да и жил тут Пермя́ да сын Васильевич,

Да и жил Радивон да Превысокие,

Да и жил тут Потанюшка Хроменькой;

Затем Потык Михайло сын Иванович,

Затем жил тут Дунай да сын Иванович,

Да и был тут Чурило, млады Пленкович,

Да и был тут Скопин сын Иванович,

Тут и жили два брата, два родимые,

Да Лука, Да Матвей – Дети Петровые...[1]

---

[1] Примечания: 1

Больше богатырей сказительница вспомнить не могла, как ни старалась, но сказала, что прежде помнила всех *(собиратель).*

На зачине-то была светла деничка,
На зори-то тут было да нонче на утренной,
На восходе то было да красна солнышка;
Тут ставаёт старой да Илья Муромец,
Илья Муромец ставаёт да сын Иванович,
Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
И ставаёт да он нонь пред Господом,
А молится он да Господу Богу,
А крест-от кладет да по писанному,
А поклон-от ведет да как ведь водится,
А молитву творит полну Исусову;
Сам надёрнул сапожки да на босу ногу,
Да и кунью шубейку на одно плечо,
Да и пухов-де колпак да на одно ухо.
Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да и выходит старой да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на все стороны,
Да и смотрел он под сторону восточную, —

Да и стоит-то-де наш там стольнё-Киев-град;

Да и смотрел он под сторону под летную, —

Да стоят там луга да там зелёныи

Да глядел он под сторону под западну, —

Да стоят там да лесы тёмныи;

Да смотрел он под сторону под северну, —

Да стоят-то-де наше да синё морё, —

Да и стоит-то-де наше там чисто полё,

Сорочинско-де славно наше Кули́гово;

В копоти то там, в тумане, не знай, зверь бежит,

Не знай, зверь там бежит, не знай, сокол летит,

Да Буян ле славный остров там шатается,

Да Саратовы ле горы да знаменуются,

А богатырь ле там едет да потешается:

Попереди то его бежит серый волк,

Позади-то его бежит черный выжлок;

На правом-то плече, знать, воробей сидит,

На левом-то плече, да знать, белой кречет,

Во левой-то руке да держит тугой лук,

Во правой-то руке стрелу калёную,

Да калёную стрелочку, перёную;

Не того же орла да сизокрылого,

Да того же орла да сизокамского,

Не того же орла, что на дубу сидит,

Да того же орла, который на синем мори,

Да гнездо-то он вьет да на серой камень.

Да подверх богатырь стрелочку подстреливат,

Да и на пол он стрелочку не ураниват,

На полёте он стрелочку подхватывает.

Подъезжает он ныне ко белу шатру,

Да и пишет нонь сам да скору грамотку;

Да подмётывает ерлык, да скору грамотку;

На правом-то колене держит бумажечку,

На левом-то колене держит чернильницу,

Во правой-то руке держит перышко,

Сам пишет ерлык, да скору грамотку,

Да к тому же шатру да белобархатному.

Да берет-то стар казак Илья Муромец,

Да и то у него тут написано,

Да и то у него тут напечатано:

«Да и еду я нонь да во стольнёй Киев-град,

Я грометь-штурмовать да в стольнё-Киев-град,

Я соборны больши церквы я на дым спущу,

Я царевы больши кабаки на огни сожгу,

Я печатны больши книги да во грязи стопчу,

Чудны образы-иконы на поплав воды,

Самого я князя да в котле сварю,

Да саму я княгиню да за себя возьму».

Да заходит тут стар тут во белой шатёр:

«Ох вы ой есь вы, дружинушка хоробрая,

Вы, хоробрая дружина да заговорная!

Уж вам долго ле спать, да нынь пора ставать.

Выходил я, старóй, вон на улицу,

Да и зрел я, смотрел на все стороны,

Да смотрел я под сторону восточную, —

Да и стоит-то де наш там стольнё-Киев-град…[2]

Тут скакали нынь все русские богатыри.

Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:

«Да кого же нам послать нынь за богатырём?

Да послать нам Самсона да Колыба-

---

[2] Примечания: 2

Рассказ Ильи Муромца, что он видел, составляющий буквальное повторение предыдущего в 49 стихах, выпускается *(Н.Е. Ончуков).*

нова, —

Да и тот ведь он роду-то сонливого,

За невúд потерят свою буйну голову;

Да послать нам Дуная сына Иванова, —

Да и тот он ведь роду-то заплывчива,

За невúд потерят свою буйну голову;

Да послать нам Олешеньку Поповича, —

Да и тот он ведь роду-то хвастливого,

Потеряет свою буйну голову;

Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка, —

Да и тот он ведь роду торопливого,

Потеряет свою буйну голову;

Да послать-то нам два брата, два родимыя,

Да Луку де, Матвея – детей Петровичей, —

Да такого они роду-то ведь вольнёго,

Они вольнёго роду-то, смирёного,

Потеряют свои да буйны головы;

Да послать-то нам Добрынюшку Микитича, —

Да я тот он ведь роду он ведь вежлива,

Он вежлива роду-то, очестлива,

Да умеет со мóлодцем соехаться,

Да умеет он со молодцем разъехаться,

Да имеет он ведь молодцу и честь воздать».

Да учуло тут ведь ухо богатырскоё,

Да завидело око да молодецкоё,

Да и стал тут Добрынюшка сряжатися,

Да и стал тут Добрынюшка сподобляется;

Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,

Да и брал он коня да всё семи цепей,

Да семи он цепей да семи розвезей;

Да и клал на коня да плотны плотнички,

Да на плотнички клал да мягки войлочки,

Да на войлочки седелышко черкальскоё,

Да двенадцать он вяжет подпруг шелковых,

Да тринадцату вяжет чересхребётную,

Через ту же он степь да лошадиную,

Да не ради басы да молодецкоей,

Ради крепости вяжет богатырскоей.

Тут он приснял он-де шапочку курчавую,

Он простился со всеми русскима богатырьми,

Да не видно поездки да молодецкоей,

Только видно, как Добрыня на коня скочил,

На коня он скочил да в стремена ступил,

Стремена те ступил да он коня стегнул;

Хоробра была поездка да молодецкая,

Хороша была побежка лошадиная,

Во чистом-то поле видно – курева стоит,

У коня из ушей да дым столбом валит,

Да из глаз у коня искры сыплются,

Из ноздрей у коня пламя мечется,

Да и сива де грива да расстилается,

Да и хвост-то трубой да завивается.

Наезжаёт богатырь на чистом поли,

Заревел тут Добрыня да во первой након:

«Уж я верной богатырь, – дак нынь напуск держу,

Ты неверной богатырь, – дак поворот даешь».

А и едёт татарин, да не оглянется.

Заревел-то Добрынюшка во второй након:

«Уж я верной богатырь, – дак нынь напуск держу,

Ты неверной богатырь, – дак поворот даешь».

А и едёт татарин, да не оглянется.

Да и тут-де Добрынюшка ругаться стал:

«Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!

Ты сорока, ты летишь, да белобокая,

Да ворона, ты летишь, да пустоперая,

Пустопера ворона, да по загуменью!

Не воротишь на заставу каравульную,

Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считашь?»

А и тут-де татарин да поворот даёт,

Да снимал он Добрыньку да со добра коня,

Да и дал он на… по отяпышу,

Да прибавил на… по алябышу,

Посадил он назад его на добра коня:

«Да поедь ты, скажи стару казаку, —

Кабы что-де старой тобой заменяется?

Самому ему со мной еще делать нечего».

Да поехал Добрыня, да едва жив сидит.

Тут едет Добрынюшка Никитьевич

Да к тому же к своему да ко белу шатру,

Да встречает его да нынче стар казак,

Кабы стар-де казак да Илья Муромец:

«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитич блад!

Уж ты что же ты едешь не по-старо-

му,

Не по-старому ты едешь да не по-прежному?

Повеся́ ты держишь да буйну голову,

Потопя́ ты держишь да очи ясный».

Говорит-то Добрынюшка Никитич блад:

«Наезжал я татарина на чистом поли,

Заревел я ему да ровно два раза,

Да и едет татарин, да не оглянется;

Кабы тут-де-ка я ровно ругаться стал.

Да и тут-де татарин да поворот дает,

Да сымал он меня да со добра коня,

Да и дал он на… да по отяпышу,

Да прибавил он еще он по алябышу,

Да и сам он говорит да таковы речи:

«Да и что-де старой тобой заменяется?

Самому ему со мной да делать нечего!»

Да и тут-де старому да за беду стало,

За великую досаду да показалося;

Могучи его плеча да расходилися,

Ретиво его сердце разгорячилося,

Кабы ровно-неровно – будто в котли кипит.

«Ох вы ой еси, русские богатыри!

Вы седлайте-уздайте да коня доброго,

Вы кладите всю сбрую да лошадиную,

Вы кладите всю приправу да богатырскую».

Тут седлали-уздали да коня доброго;

Да не видно поездки да молодецкоей,

Только видно, как старой нынь на коня скочил,

На коня он скочил да в стремена ступил,

Да и приснял он свой да нонь пухов колпак:

«Вы прощайте, дружинушка хоробрая!

Не успеете вы да штей котла сварить, —

Привезу голову да молодецкую».

Во чистом поли видно – курева стоит,

У коня из ушей да дым столбом валит,

Да из глаз у коня искры сыплются,

Из ноздрей у коня пламё мечется,

Да и сива-де грива да расстилается,

Да и хвост-от трубой да завивается.

Наезжаёт татарина на чистом поли,

От того же от города от Киева

Да и столько-де места – да за три пóприща.

Заревел тут старой да во первой након:

«Уж я верной богатырь – дак я напуск держу,

Ты неверной богатырь – дак поворот даёшь».

А и ёдет татарин, да не оглянется.

Да и тут старой заревел во второй након:

«Уж я верной богатырь – дак я напуск держу,

Ты неверной богатырь – дак поворот даёшь».

Да и тут-де татарин да не оглянется.

Да и тут-де старой кабы ругаться стал:

«Уж ты, гадина, едёшь, да перегадина!

Ты сорока, ты летишь, да белобокая,

Ты ворона, ты летишь, да пустоперая,

Пустопера ворона, да по загуменью!

Не воротишь на заставу караульную,

Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считать?»

Кабы тут-де татарин поворот даёт,

Отпустил татарин да нынь сера волка,

Отпустил-то татарин да черна выжлока,

Да с права он плеча да он воробышка,

Да с лева-то плеча да бела кречета.

«Побежите, полетите вы нынь прочь от меня,

Вы ищите себе хозяина поласкове.

Со старым нам съезжаться – да нам не брататься,

Со старым нам съезжаться – дак чья Божья помочь».

Вот не две горы вместе да столкануслися, —

Два богатыря вместе да тут соехались,
Да хватали они сабельки нынь вострые,
Да и секлись, рубились да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
Вострые сабельки их да изломалися,
Изломалися сабельки, исщербилися;
Да бросили тот бой на сыру землю,
Да хватали-то палицы боёвые,
Колотились, дрались да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
Да боевые палицы загорелися,
Загорелися палицы, распоелися;
Да бросали тот бой на сыру землю,
Да хватали копейца да бурзамецкие,
Да и тыкались, кололись да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
По насадке копейца да изломалися,
Изломалися они да извихнулися;
Да бросили тот бой да на сыру землю,

Да скакали они нонь да со добрых коней,

Да хватались они на рукопашечку.

По старому по бесчестью да по великому

Подоспело его слово похвальное,

Да лева его нога да окольздилася,

А права-то нога и подломилася,

Да и падал старой тут на сыру землю,

Да и ровно-неровно будто сырой дуб,

Да заскакивал Сокольник на белы груди,

Да и ро́зорвал лату да он булатную,

Да и вытащил чинжалище, укладен нож,

Да и хочет пороть да груди белые,

Да и хочет смотреть да ретиво сердцё.

Кабы тут-де старой да нынь расплакался:

«Ох ты ой есть, пресвята мать Богородица!

Ты почто это меня нынче повыдала?

Я за веру стоял да Христовую,

Я за церквы стоял да за соборные».

Вдруг не ветру полоска да перепахнула, —

Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,

Да свистнул он Сокольника со белых грудей,

Да заскакивал ему да на черны груди,

Да и розорвал лату да всё булатную,

Да и вытащил чинжалище, укладен нож,

Да и ткнул он ему до во черны груди, —

Да в плечи-то рука и застоялася.

Тут и стал-де старой нынче выспрашивать:

«Да какой ты удалой да доброй молодец?»

У поганого сердцо-то заплывчиво:

«Да когда я у те был да на белых грудях,

Я не спрашивал ни роду тя, ни племени».

Да и ткнул старой да во второй након,

—

Да в локти-то рука да застоялася;

Да и стал-де старой да опять спрашивать:

«Да какой ты удалой да доброй молодец?»

Говорит-то Сокольник да таковы речи:

«Да когда я у те был на белых грудях,

Я не спрашивал ни роду тя, ни племени,

Ты ещё стал роды у мня выспрашивать».

Кабы тут-де старому да за беду стало,

За великую досаду да показалося,

Да и ткнул старой да во третей након,

—

В заведи́-то рука и застоялася;

Да и стал-то старой тут выспрашивать:

«Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!

Да скажись ты мне нонче, пожалуйста:

Да какой ты земли, какой вотчины,

Да какого ты моря, коя города,

Да какого ты роду, коя племени?
Да и как тя, молодца именём зовут,
Да и как прозывают по отечестви?»
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«От того же я от камешка от Латыря,
Да от той же я девчонки да Златыгорки;
Она зла поленица да преудалая,
Да сама она была еще одноокая».
Да скакал-то старой нонь на резвы ноги,
Прижимал он его да ко белой груди,
Ко белой-де груди да к ретиву сердцу,
Целовал его в уста да нынь сахарные:
«Уж ты, чадо ле, чадо да мое милоё,
Ты дитя ле мое, дитя сердечноё!
Да съезжались с твоей да мы ведь матерью
Да на том же мы ведь на чистом поли,
Да и сила на силу прилучалася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы с ней любовь телесную,

Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили;
Да поедь ты нынь к своей матери,
Привези ей ты нынь в стольно-Киев-град,
Да и будешь у меня ты первой богатырь,
Да не будет тебе у нас поединщиков».
Да и тут молодцы нынь разъехались,
Да и едет Сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высоку терему.
Да встречат его матушка родимая:
«Уж ты, чадо ле, чадо моё милоё,
Уж дитя ты мое, дитя сердечноё!
Уж ты что же нынь едешь да не по-старому,
Да и конь-то бежит не по-прежному?
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя ты дёржишь да очи ясные,
Потопя ты их держишь да в мать сыру землю».
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Уж я был же нынь-нынче да во чистом

поли,
Уж я видел стару коровушку базыкову,
Он тебя зовет... меня...»
Говорит-то старуха да таковы речи:
«Не пустым-де старой да похваляется,
—
Да съезжались мы с ним да на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы с ним любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили».
А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалося,
Да хватил он матушку за черны кудри,
Да и вызнял он ей выше могучих плеч,
Опустил он ей да о кирпищат пол,
Да и тут-де старухе да смерть случилася.
У поганого сердцё-то заплывчиво,
Да заплывчиво сердцё-то разрывчиво,

Да подумал он думу да промежду собой,

Да сказал он нынь слово да нынче сам себе:

«Да убил я топеря да родну матушку,

Да убью я поеду да стара казака,

Он спит нынь с устатку да нонь с великого».

Да поехал Сокольник в стольно-Киев-град,

Не пиваючись он да не едаючись,

Не сыпал-де он нынче плотного сну;

Да разорвана лата да нынь булатная,

Да цветно его платьё да всё истрёпано.

Приворачивал он на заставу караульную —

Никого тут на заставе не случилося,

Не случилося-де нынь, не пригодилося,

Да и спит-то один старой во белом шатру,

Да храпит-то старой, как порог шумит;

Да соскакивал Сокольник да со добра

коня,

Да заскакивал Сокольник да нынь во бел шатер,

Да хватал он копейцё да бурзамецкое,

Да и ткнул он старому да во белы груди;

По старому-то по счастью да по великому

Пригодился ле тут да золот чуден крест, —

По насадки копейцо да извихнулося;

Да и тут-де старой да пробуждается,

От великого сну да просыпается,

Да скакал-де старой тут на резвы ноги,

Да хватал он Сокольника за черны кудри,

Да и вызнял его выше могучих плеч,

Опустил он его да о кирпищат пол,

Да и тут-де Сокольнику смерть случилася;

Да и вытащил старой его вон на улицу,

Да и руки и ноги его он оторвал,

Россвистал он его да по чисту полю,

Да и тулово связал да ко добру коню,
Да сорокам, воронам да на расклёваньё,
Да серым-де волкам да на растáрзаньё.

Богатыри на Соколе-корабле

По морю, морю синему,
По синему, но Хвалунскому
Ходил-гулял Сокóл-корабль
Немного-немало двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма – по-звериному,
А бока зведены по-змеиному,
Да еще было на Соколе на кóрабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два бóрзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;

Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почестные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три люди незнае́мые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-от был Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванов,
Его верный слуга – Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Как издáлече-далéче, из чиста поля
Зазрил, засмотрел турецкой пан,
Турецкой пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.
Он сам говорит таковó словó:

«Ай вы гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донские ка́заки!
Что у вас на синем море деется?
Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-корабль,
Белеются тонки па́русы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю́ морю́,
Вы садитесь, ребята, во легки́ струги́,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери;
Добрынюшку под меч клони!»
Таки слова заслышал Илья Муромец,
Тако слово Добрыне выговаривал:
«Ты, Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи на Сокол-корабль,
Скоро-борзо выноси мой ту́гой лук,
Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Калену́ стрелу в косы сажéнь!»
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,

Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Ни на́ воду, ни на́ землю,
А пади, моя каленая стрела,
В турецкой град, в зелен сад,
В зеленой сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь;
Распори ему турецкую грудь,
Расшиби ему ретиво́ сердце!»
Ах тут Салтан покаялся:
«Не подай, Боже, водиться с Ильей Муромцем,
Ни детям нашим, ни вну́чатам,
Ни внучатам, ни правну́чатам,
Ни правнучатам, ни пращу́рятам!»

Три поездки Ильи Муромца

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева
Была тут поездка богатырская.
Выезжает оттуль да добрый мóлодец,
Старый казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добром коне
И во том ли выезжает во кованом седле.
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чистом поле,
И увидел добрый молодец да Латырь-камешек,
И от камешка лежит три росстани,
И на камешке было подписано:
«В первую дороженьку ехати – убиту быть,
Во дру́гую дороженьку ехати – женату

быть,

Третюю дороженьку ехати – богату быть».

Стоит старенький да издивляется,

Головой качат, сам выговариват:

«Сколько лет я во чистом поле гулял да езживал,

А еще такового чуда не нахаживал.

Но на что поеду в ту дороженьку, да где богату быть?

Нету у меня да молодой жены,

И молодой жены да любимой семьи,

Некому держать-то́щить да золотой казны,

Некому держать да платья цветного.

Но на что мне в ту дорожку ехать, где женату быть?

Ведь прошла моя теперь вся молодость.

Как молодёньку ведь взять – да то чужа корысть,

А как старую-то взять – дак на печи лежать,

На печи лежать да киселем кормить.

Разве поеду я ведь, добрый молодец,

А й во тую дороженьку, где убиту быть?

А и пожил я ведь, добрый молодец, на сем свете,

И походил-погулял ведь добрый молодец во чистом

поле».

Нонь поехал добрый молодец в ту дорожку,

где убиту быть,

Только видели добра молодца ведь сядучи,

Как не видели добра молодца поедучи;

Во чистом поле да курева стоит,

Курева стоит да пыль столбом летит.

С горы на гору добрый молодец поскакивал,

С холмы на холму добрый молодец попрыгивал,

Он ведь реки ты озера между ног спущал,

Он сини моря ты на окол скакал.

Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,

Не доехал добрый молодец до Индии до богатоей,

И наехал добрый молодец на грязи на смоленские,

Где стоят ведь сорок тысячей разбойников

И те ли ночные тати-подорожники.

И увидели разбойники да добра молодца,

Старого казака Илью Муромца.

Закричал разбойнический атаман большой:

«А гой же вы, мои братцы-товарищи

И разудаленькие вы да добры молодцы!

Принимайтесь-ка за добра молодца,

Отбирайте от него да платье цветное,

Отбирайте от него да что ль добра коня».

Видит тут старый казак да Илья Муромец,

Видит он тут, что да беда пришла,

Да беда пришла да неминуема.

Испроговорит тут добрый молодец да таково слово:

«А гой же вы, сорок тысяч разбойников

И тех ли татéй ночных да подорожников!

Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,

Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего.

Нет у старого да золотой казны,

Нет у старого да платья цветного,

А и нет у старого да камня драгоценного.

Только есть у старого один ведь добрый конь,

Добрый конь у старого да богатырский,

И на добром коне ведь есть у старого седелышко,

Есть седелышко да богатырское.

То не для красы, братцы, и не для басы

—

Ради крепости да богатырскоей,

И чтоб можно было сидеть да добру молодцу,

Биться-ратиться добру молодцу да во чистом поле.

Но еще есть у старого на коне уздечка тесмяная,

И во той ли во уздечике да во тесмяноей

Как зашито есть по камешку по яхонту,

То не для красы, братцы, не для басы —

Ради крепости да богатырскоей.

И где ходит ведь гулят мои́ добрый конь,

И среди ведь ходит ночи темныя,

И видно его да за пятнадцать верст да равномерныих;

Но еще у старого на головушке да шеломча́т колпак,

Шеломчат колпак да сорока пудов.

То не для красы, братцы, не для басы —

Ради крепости да богатырскоей».

Скричал-сзычал да громким голосом

Разбойничéский да атаман большой:

«Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать!

Принимайтесь-ка вы, ребятушки, за дело ратное».

А й тут ведь старому да за беду стало

И за великую досаду показалося.

Снимал тут старый со буйной главы да шеломчат

колпак,

И он начал, старенький, тут шеломом помахивать.

Как в сторону махнет – так тут и улица,

А й в дрýгу óтмахнет – дак переулочек.

А видят тут разбойники, да что беда пришла,

И как беда пришла и неминуема,

Скричали тут разбойники да зычным голосом:

«Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть

на семена».

Он прибил-прирубил всю силу неверную

И не оставил разбойников на семена.

Обращается ко камешку ко Латырю,

И на камешке подпись подписывал, —

И что ли очищена тая дорожка прямоезжая.

И поехал старенький во ту дорожку, где женату

быть.

Выезжает старенький да во чисто поле,

Увидал тут старенький палаты белокаменны.

Приезжает тут старенький к палатам белокаменным,

Увидела тут да красна девица,

Сильная поляница удалая,

И выходила встречать да добра молодца:

«И пожалуй-кось ко мне, да добрый молодец!»

И она бьет челом ему да низко кла-

няйтся,

И берет она добра молодца да за белы руки,

За белы руки да за златы перстни,

И ведет ведь добра молодца да во палаты белокаменны;

Посадила добра молодца да за дубовый стол,

Стала добра молодца она угащивать,

Стала у доброго молодца выспрашивать:

«Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец!

Ты какой земли есть да какой орды,

И ты чьего же отца есть да чьей матери?

Еще как же тебя именем зовут,

А звеличают тебя по отечеству?»

А й тут ответ-то держал да добрый молодец:

«И ты почто спрашивать об том, да красна девица?

А я теперь устал, да добрый молодец,

А я теперь устал да отдохнуть хочу».

Как берет тут красна девица да добра молодца,

И как берет его да за белы руки,

За белы руки да за златы перстни,

Как ведет тут добра молодца

Во тую ли во спальню, богато убрану,

И ложит тут добра молодца на ту кроваточку

обманчиву.

Испроговорит тут молодéц да таково слово:

«Ай же ты, душечка да красна девица!

Ты сама ложись да на ту кроватку на тесовую».

И как схватил тут добрый молодец да красну

девицу,

И хватил он ей да по подпазушки

И бросил на тую на кроваточку;

Как кроваточка-то эта подвернулася,

И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.

Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:

«А гой же вы, братцы мои да все товарищи

И разудалые да добры молодцы!

Но имай-хватай, вот и сама идет».

Отворяет погреба глубокие,

Выпущает двенадцать да добрых молодцев,

И все сильныих могучих богатырей;

Единý оставил саму да во погребе глубокоем.

Бьют-то челом да низко кланяются

И удалому да добру молодцу

И старому казáку Илье Муромцу.

И приезжает старенький ко камешку ко Латырю,

И на камешке-то он подпúсь подписывал:

«И как очищена эта дорожка прямоезжая».

И направляет добрый молодец да своего коня

И во тую ли дороженьку, да где богату быть.

Во чистом поле наехал на три пóгреба глубокиих,

И которые насыпаны погрéба златом-серебром,

Златом-серебром, каменьем драгоценныим;

И обирал тут добрый молодец все злато это серебро

И раздавал это злато-серебро по нищей по братии;

И роздал он злато-серебро по сиротам да бесприютныим.

И обращался добрый молодец ко камешку ко Латырю,

И на камешке он подпись подписывал:

«И как очищена эта дорожка прямоезжая».

Мамаево побоище

Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторонушки восточный
Не темная туча поднималася —
С силой Мамай соряжается
На тот же на красен Киев-град
И хочет красен Киев в по́лон взять.
И брал он себе силы много-множество —
Сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей,
И за всяким визирем по сту тысячей,
Да брал своего зятя любимого,
Своего Василия Прекрасного,
И брал за ним силы войска триста тысячей,
А за самим за собой войска счету не было.

И не матушка ли орда подымалася,

Мать сыра земля от войска потряса-лася;

В конном топище красного солнца не видать было,

А светлый месяц от пару конского померкнул весь, —

Заметно было в городе во Киеве.

Дошла до Мамая славушка немалая,

Будто в том же городе во Киеве

Будто не стало Ильи Муромца,

Будто все сильные богатыри

Во чисто поле разъехались.

И подходила сила Мамаева

Ко тому же ко чисту полю,

Ко тому ли раздольицу широкому.

Не дошедши они до города до Киева в двухстах верстах,

Развернули шатры белополотняные,

Разостали они войском в лагере,

И поставили они кругом войска стражу строгую.

И говорил тут Мамай таково́ слово:

«Уж ты гой еси, любимый зять Василий Прекрасный!

Ты садись-ка, Василий, на ременчат стул

И пиши-тко, дитятко, ты ярлыки скорописные,

Не на бумаге пиши, не пером, не чернилами,

А пиши-тко-ся ты на красном бархате,

Ты печатай-ка заголовья красным золотом,

А по самой середке чистым сéребром,

А уж мы высадим, подпишем скатным жемчугом,

А на углах-то посадим по камню самоцветному,

Чтобы тем камням цены не было;

А пиши ты на бархате не ласково,

Со угрозами пиши с великими,

Пиши, не давай сроку ни на время ни на малое»,

И писал тут ярлыки любимый зять.

И говорил тут любимый зять таково

слово:

«Уж ты гой еси, батюшка Мамай, строгий царь!

Мы кого пошлем посла во Киев-град?»

Говорил Мамай таково слово:

«Уж ты гой еси, любимый зять!

Тебе-ка ехать во красен Киев-град,

А самому остаться в белополо́тняном шатре

Со своим войском с любимыим».

Садился тут Василий на добра коня,

Поехал Василий во Киев-град,

Не дорогой ехал, не воротами,

Через стены скакал городо́вые,

Мимо башенки те наугольныя,

Подъезжает ко двору ко княжескому,

И соскакивал с добра коня удалой,

Заходил же он на красно́ крыльцо,

Заходил же он во светлу́ гридню,

И подходил он к столам дубовыим

И клал ярлыки те скорописчатые.

И подходил тут Владимир стольноки-

евский
И брал ярлыки скорописчатые.
Как в ту пору да во то время
Не ясен сокол да подымается,
А приехал старый во Киев-град;
Забегает старый на красно крыльцо,
Заходит старый во светлу гридню,
А Владимир стольнокиевский
Горючими слезами уливается;
Не подымаются у его белы́ руки́,
Не глядят у его очи ясные;
Говорил же он тут таково слово:
«Ты бери-тко-ся, старый, ярлыки скорописчатые,
Ты читай-ка их скоро-наскоро —
И что в ярлыках тех написано,
И что на бархате напечатано».
И начал старый читать скоро-наскоро,
Сам читал, а головушкой поматывал,
Даже горючи слезы покатилися.
И вслух читал, все слышали,
А что же в ярлыках написано,

И сроку в ярлыках не́ дано:

«Не спущу из Киева ни старого, ни малого,

А самого Владимира будут тянуть очи косицами,

А язык-то теменем, – с живого кожу драть буду;

А княгинюшку Апраксию возьму за Василия

Прекрасного».

Тогда говорил стар казак таково слово:

«Уж ты гой еси, посланник, строгий царь!

Уж ты дай-ка-ся мне сроку на три года». —

«А не дам я вам сроку на три года». —

«А дай-ка ты нам хошь на два года». —

«А не дам я вам сроку на два года». —

«Дайте сроку хошь на по́лгода,

А бессрочных и на земле нету».

Давает Василий сроку на полгода,

И угощать стали Василия Прекрасного

Зеленым вином, пивом пьяным,
Пивом пьяным, медом сладким,
И начали дарить золотой казной:
Подарили один кубчик чиста золота,
А другой-от подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хороших,
Дарили еще соболями сибирскими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатом дарили красным.
Принимал Василий подарки великие
И вез к Мамаю в белополотняный шатер.
Во ту пору, во то времечко
Пошел старый по Киеву-граду́,
Нашел дружинушку хорошую,
Того ли Потанюшку Хроменького;
Писал ярлыки скорописчатые
Ко своим ко братьицам ко названым:
Во первых-то, к Самсону Колувану,
Во вторых-то, к Дунаю Ивановичу,

Во третьих-то, к Василию Касиме́рову,

Во четвертых-то, к Михайлушке Игнатьеву

с племянником,

Во пятых-то, к Потоку Ивановичу,

Во шестых-то, к Добрынюшке Никитичу,

Во семых-то, к Алеше Поповичу,

В восьмых-то, к двум братьям Иванам,

Да еще к двум братьям, двум Суздальцам.

Поехал Потанюшка во чисто поле,

Собрал всех удалых добрых молодцев,

Русских могучих всех бога́тырей.

Не ясны соколы солеталися,

Не славны добры молодцы соезжалися,

Ко тому ли Владимиру собиралися

И почали думу думати, совет советовать,

И начал старый у них спрашивати:

«Уж вы, удалы добры молодцы!

Постоим-ка мы за веру христианскую

И за те же за храмы за Божие,
И за те же честные мона́стыри,
И своею мы кровью горячею,
И поедем мы в далече чисто поле на рать —
силу великую,
Поедем мы все, покаемся.
А и ты, Владимир стольнокиевский,
Ты пошли-ко нам да во чисто поле
Сорок возов хлеба белого,
Да сорок сороков зелена́ вина,
Да сорок возов хлеба черного.
Уж как мы живы приедем из рать – силы великия,
Тогда вздумам позабавиться,
И тогда, не дошедши, моим ребятам низко кланяйся,
А не приедем из того побоища Мамаева, —
Похорони наши тела мертвые
И помяни русских богатырей,
И пройдет славушка про нас немалая».
Садились добры молодцы на добрых

коней,

Поехали добры молодцы во чисто поле,

И расставили они шатры белополотняные,

Гуляли они трои суточки,

А на четвертые сутки протрезвилися,

И начали они думу думати, совет советовати,

И стал старый у них спрашивати:

«Уж вы гой еси, сильные русские богатыри!

Кому же из вас съездить в рать – силу великую,

Ко тому же Мамаю богатому,

Посмотреть войско изрядное, —

Со которой стороны начинать нам будет?» —

«На волю мы даем тебе,

Кого пошлешь в рать – силу великую».

И на то старому слово понравилось.

«Еще Самсона послать, – силой силен,

да неповоротливый.

Потеряет он у Мамая буйну голову;

А если Дуная послать, – Дунай он задорливый,

Позадорится заехать во рать – силу великую;

Есть во рати три переката глубокиих,

А наставлены в перекатах копья вострые:

Во-первых, он потеряет добра коня,

А во-вторых, потеряет буйну голову;

Не приехать ко мне Дунаю с весточкой.

Если Добрыню мне послать, Добрыня все не высмотрит,

И не узнать Добрыне силы Мамаевой;

Если Василия послать, – не сосчитает он силу́,

И не пересмотрит ее со краю́ на край,

Потеряет Василий буйну голову долой;

Больше мне послать и некого.

Будет мне-ко, старому, самому идти.

Вы гуляйте-ко суточки теперь первые,

И гуляйте вы други суткú,

На третьи сутки соряжайтеся

И к ратному делу поéзжайте, —

Как зазвенит палица боéвая,

И зачивкает моя сабля вострая,

И затрублю я во турий рог,

И во середку в силу не ездите,

А рубите силу со краю́ на край,

И не оставляйте силы ни старого, ни малого,

И никого не оставляйте Мамаю на́ семя».

И все стали удалы добры молодцы на резвы́ ноги́,

И поклонилися все низко старому.

И поехал стар во рать – силу великую,

И пробивался старый до бела шатра до Мамаева,

Соскакивал тут старый со добра коня,

И заходил старый во шатер белополотняный;

Идет старый казак, низко не кланяется.

Увидал тут Мамай в шатре человека странного,

Говорил же Мамай таково слово:

«Уж ты гой еси, Личарда, слуга верная!
И зачем ты ходишь, и что тебе надобно,
И откуль ты идешь, и откуль путь держи́шь,
Из Киева идешь али из Чернигова?» —
«Иду же я из города из Киева». —
«А и что же ноне во Киеве-то деется,
Не знаешь ли ты то, добрый молодец,
И не слыхал ли ты да про старого?
Расскажи-ка ты мне, какой он ростом
И сколь широк он плечьми?»
Отвечает тут калика переходная:
«Уж ты гой еси, Мамай, богатый царь!
Довольно видел я Илью Муромца.
Ты гляди на его всё равно как на меня же,
Ростом он умеренный, в плечах не ши́рок был,
Лицо у него постное, пиво пьет он по стаканчику,
А вино-то пьет он всего по рюмочке,
А закусывает да по калачику.

У старого-то бородушка сивая,

Сивая бородушка да красивая».

А и тут Мамай да прирасхóнулся:

«Напрасно же шла славушка великая про старого,

От востоку шла и до запада,

До той орды до великой,

До меня ли, Мамая грозного;

Лучше меньше гонить бы силы́-войскá.

Еще есть-ка при мне Рославней Рославнеевич, —

Приготовь-ка для него говядины – быка зараз,

А зелена вина – пивной котел;

А промеж глаз у него каленá стрела,

А промеж плечами две сажени печатных».

Ответ держит тут старый казак:

«Ты, безумный богатый царь!

Как у нас-то во городе во Киеве

Собирался у князя Владимира почестей пир,

А была у Владимира собака обжорлива,

По подстолью собака водилася,

Костьем та собака подавилася,

Тут собаке и смерть пришла.

Не уехать тебе, Мамай, от города от Киева,

Срубит у тебя стар казак буйну голову».

Тут Мамаю за беду сталó,

За великую досаду показалося,

И хватил-то Мамай чинжалище – вострый нож,

И шиб в старого востры́м ножом,

А на то старый увертлив был, ухватку знал,

И ухватил старый вострый нож в белы руки,

И обратил старый вострый нож,

И заколол старый Мамая, и срубил ему буйну голову,

И разбил палачей много множество,

И добрался до своего добра коня.

Скоро старый на коня вскочил,

И затрубил старый во турий рог,

И сомутилися у старого очи ясные,
И разгорелось у старого ретивó сердце;
Не увидел старый свету белого,
Не узнал старый ночи темные,
И расходились у него плечи могучие,
И размахнулись руки белые,
И засвистела у него палица боевая,
И зачивкала его сабелька вострая,
И наехали удалы добры молодцы,
Те же во поле быки кормленые,
Те же сильные могучие богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни старого, ни малого,
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единого на семена,
И протекала тут кровь горячая,
И пар шел от трупья по óблака.
Оставалися только во лагерях у старого
Два брата – два Суздальца,

Чтобы встретить с приезду богатырей кому быть.

Не утерпели тут два брата Суздальца

И поехали во ту рать – силу великую.

А и приехал тут стар казак со́ другом,

А встретить-то у лагерей и некому.

И ехали от рать – силы великия

Те два брата, два Суздальца, и сами они похваляются:

«Кабы была теперь сила небесная,

И все бы мы побили ею по́ полю».

Вдруг от их слова сделалось чудо великое:

Восстала сила Мамаева, и стало силы больше впятеро,

И приехали они ко старому

И ко тем дружинушкам хоробрыим,

И начали они рассказывать,

Что мы ехали дорогой, похвалялися,

И восстало силы впятеро.

И сами им во всем повинилися.

Тут поехала дружинушка хоробрая

Во ту рать – силу великую,

И начали бить с краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А встават силы больше прежнего.
Узнал старый пред собой вину,
И покаялся старый Спасу Пречистому:
«Ты прости нас в первой вине,
За те же слова глупые,
За тех же братов Суздальцей».
И повалилась тут сила кроволитная,
И начали копать мать сыру землю́
И хоронить тело да во сыру землю,
И протекала река кровью горячею.
Садились тут удалы на добрых коней,
Поехали удалы ко городу ко Киеву,
Заехали они в красен Киев-град,
Во те же во честны мона́стыри,
Во те же пещеры во Киевски;
Там все они и преставилися.
Тут старому славу поют.

Поединок Ильи Муромца и Добрыни Никитича

Ай во том во городи во Рязанюшки,
Доселева Рязань-то слободой слыла,
Нонече Рязань-то словё городом.
В той-то Рязанюшке во городе
Жил-был Никитушка Романович.
Живучись, братцы, Никитушка состарился,
Состарился Никитушка, сам преставился.
Еще жил-то Никита шестьдесят годов,
Снес-де Никита шестьдесят боев,
Еще срывочных, урывочных числа-сме́ту нет.
Оставалась у Никиты любима́ семья,
Ай люби́ма семья-та – молода жена,
Молодыя Амельфа Тимофеевна;
Оставалось у Никиты чадо милое,
Милое чадушко, любимое,

Молодыя Добрынюшка Никитич сын.
Остался Добрыня не на возрасте,
Ка-быть ясный-от сокол не на во́злете,
И остался Добрынюшка пяти-шти лет.
Да возрос-де Добрыня-та двенадцать лет,
Изучился Добрынюшка вострой грамоте,
Научился Добрынюшка да боротися,
Еще мастер Никитич а крутой метать,
На белы-ти ручки не прихватывать.
Что пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всим городам, по всим украи́нам,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Мурома,
До стары́ казака-та Ильи Муромца, —
Что мастер Добрынюшка боротися,
А крутой-де метать на сыру землю́;
Еще нету такова борца по всей земли.

Стал тогды Илеюшка собиратися,
Еще стал тогды Илеюшка собронятися
Ай на ту-эту на славушку великую,
На того же на борца на приудалого.
Он седлал, уздал тогда коня доброго,
Ай накладывал уздицу-ту тесмяную,
Ай наметывал седелышко черкасское,
Да застегивал двенадцать вси подпружины,
Застегивал двенадцать вси спенёчики:
Ай подпружины-ти были чиста серебра,
Да спенёчки-ти были красного золота.
И сам тогды стал сбруе приговаривать:
«Булат-железо не по́гнется,
Самохи́нский-о шелк сам не по́рвется,
Еще красно-то золото в грязи не ржа́вет».
Только видели Илеюшку собираючись,
Не видели поездочки Ильи Муромца;
Только видели – во поле куреву́шка

вьет.

Он здраво-то ехал поле чистое,

И здравó-то ехал лéсы темные,

И здраво-то ехал грязи черные.

Еще едет ко Рязанюшке ко городу;

Ко городу ехал не дорогою,

Во город заезжае не воротами, —

Конь скакал же через стену городовую,

Мимо ту же круглу башню наугольную,

Еще сам же говорил тогда таково слово:

«Ай доселева Рязань-то слободой слыла,

И нонече Рязань-то слывет городом».

Увидал-то он маленьких ребятушек,

И сам говорил им таково слово:

«И скажите вы, живет где-ка Добрынюшка?»

Доводили до Добрынина широка двора:

У Добрынюшки двор был неогромистый,

Ай подворьице-то было необширное,

Да кричал-то он, зычал зычным голосом,

Ай во всю жа богатырску буйну головушку;

Еще мать сыра земля под ним потрясалася,

Ай Добрынина избушка пошатилася,

Ставники в его окошках помитусились,

Стеколенки в окошках пощербалися.

«Э ли в доме Добрынюшка Никитич сын?»

Услыхала-де Амельфа Тимофеевна,

Отпирала-де окошочко коси́щато

И речь говорила потихошеньку,

Да сама же говорила таково слово:

«Уж и здравствуй, восударь ты, да Илья Муромец!

Добро жаловать ко мне-ка хлеба-соли исть,

Хлеба-соли ко мне исть, вина с медом пить».

Говорил восударь тогды Илья Муромец:

«Еще как меня знашь, вдова, ты именем

зовешь,

Почему же ты меня знашь из отечества?»

Говорила Амельфа Тимофеевна:

«И знать-то ведь сокола по вылету,

Еще знать-то богатыря по выезду,

Еще знать молодца ли по поступочки».

Да немного-де Илеюшка разговаривал:

Еще речь говорит – коня поворачивать.

Говорила-де Амельфа Тимофеевна:

«Уж ты гой есть, восударь ты, Илья Муромец!

Ты не буди ты спальчив, буди милослив:

Ты наедешь как Добрынюшку на чисто́м поли́,

Не сруби-тко Добрынюшке буйно́й головушки;

Добрынюшка у меня ведь молодешенек,

На речах у мня Добрынюшка зашибчивый,

На делах у мня Добрынюшка неуступчивый».

Да поехал восударь тогда во чисто поле.

Он выехал на шóломя на окатисто,

На окатисто-то шоломя, на угористо,

Да увидел под восточной под стороночкой —

Еще ездит дородный добрый молодец,

Потешается потехами веселыми:

Еще мечет свою палицу боёвую,

Да на белы-ти рученьки прихватывал,

Ай ко палице своей сам приговаривал:

«Уж ты палица, палица боёвая!

Еще нету мне теперь поединщика,

Еще русского могучего богатыря».

Говорил восударь тогды Илья Муромец:

«Уж те полно, молодец, ездить, потешатися,

Небылыми словами похвалятися!

Уж мы съедемся с тобой на поле, побратаемся,

Ай кому-то де на поле буде Божья помощь».

Услыхал во Добрынюшка Никитич сын,

Ото сна будто Добрынюшка пробуждается,

Поворачивал своего коня доброго.

А как съехались богатыри на чистом поли,

Ай ударились они палицами боёвыми,

И друг дружки сами они не ранили

И не дали раны к ретиву сердцу.

Как тут съехались во второй након,

Ай ударились они саблями-ти вострыми

Они друг дружки сами не ранили,

Еще не дали раны к ретиву сердцу.

А как съехались богатыри во третьей након,

Ударились ведь копьями мурзамецкими,

Еще друг-то дружки сами не ранили,

Еще не дали раны к ретиву́ сердцу́,

Только сабли у них в руках поломалися.

Да скакали через гривы-ти лошадиные,

Ай схватилися богатыри большим боём,

Ай большим-то боём да рукопашосным.
Да водилися богатыри по первый час,
Да водилися богатыри по вто́рой час,
Ай водилися богатыри ровно три часа.
Да по Божьей было всё по милости,
По Добрынюшкиной было да по участи:
Подвернулась у Илеюшки права ножечка,
Ослабла у Илеюшки лева ручушка;
Еща пал-то Илеюшка на сыру землю;
Еще сел тогды Добрыня на белы́ груди́,
Сам он говорил ему таково слово:
«Уж ты вой еси, дородный добрый молодец!
Уж ты коего города, какой земли,
Какого сын отца ты, какой матери,
И как, молодца, тебя именем зовут,
Еще как звеличают из отечества?»
Говорит восударь-о Илья Муромец:
«Ай сидел-от кабы я у тя на белых грудях,
Не спросил бы я ни родины, ни вотчины,

А спорол бы я твои да груди белые.

Досмотрил бы я твоёго ретива сердца».

Говорил-то Добрынюшка во второй након;

Говорил тогды Никитич во третéй након;

Говорил же восударь тогды Илья Муромец:

«Уж как езжу я из города из Киева,

Ай стары́й-де я казак-тот Илья Муромец,

Илья Муромец я ведь сын Иванович».

Да скакал тогда Добрынюшка со белых грудей,

Берё-де Илеюшку за белы руки,

Ай целуё в уста-ти во саха́рные:

«Ты прости меня, Илеюшка, в таковой вины,

Что сидел у тебя да на белых грудях!»

Еще тут-де братаны-ти поназванелись:

Ай крестами-ти сами они покресто́ва-

лись;

Ай Илеюшка-то был тогды ведь больший брат,

Ай Добрынюшка-то был тогды а меньший брат,

Да скакали ведь они на добры́х коней,

Ай поехали, братаны, они в Рязáнь-горóд

Ай ко той они ко Добрыниной родной матушке.

Да стречает их Амельфа Тимофеевна.

Приехали братаны из чиста поля,

Они пьют-то тогда сами, проклаждаются.

Говорил же восударь тогды Илья Муромец:

«Уж ты гой еси, Амельфа Тимофеевна!

Ты спусти-тко-се Добрынюшку Никитича,

Ты спусти-тко его ты да в красен Киев-град».

Да поехали братаны в красен Киев-град,

А к тому же-де князю ко Владимиру.

Добрыня и Змей

Матушка Добрынюшке говаривала,

Матушка Никитичу наказывала:

«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!

Ты не езди-тко на гору сорочинскую,

Не топчи-тко там ты малыих змееныишев,

Не выручай же полону там русского,

Не куплись-ка ты во матушке Пучай-реки;

Тая река свирипая,

Свирипая река, сердитая:

Из-за первоя же струйки как огонь сечет,

Из-за другой же струйки искра сыплется,

Из-за третьей же струйки дым столбом валит,

Дым столбом валит да сам со пламенью».

Молодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут матушки,
Честной вдовы Офимьи Александровной,
Ездил он на гору сорочинскую,
Топтал он тут малыих змеенышков,
Выручал тут полону да русского.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
«Матушка Добрынюшке говаривала,
Родная Никитичу наказывала:
Ты не езди-тко на гору сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малыих змеенышев,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река да е сердитая:
Из-за первоя же струйки как огонь сечет,
Из-за другоей же струйки искра сыплется,
Из-за третьеей же струйки дым стол-

бом валит,

Дым столбом валит да сам со пламенью.

Эта матушка Пучай-река

Как ложинушка дождёвая».

Не поспел тут же Добрыня словца молвити, —

Из-за первоя же струйки как огонь сечет,

Из-за другою же струйки искра сыплется.

Из-за третьеей же струйки дым столбом валит,

Дым столбом валит да сам со пламенью.

Выходит тут змея было проклятая,

О двенадцати змея было о хоботах:

«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!

Захочу я нынь – Добрынюшку цело́ сожру,

Захочу – Добрыню в хобота возьму,

Захочу – Добрынюшку в полон снесу».

Испроговорит Добрыня сын Никитинич:

«Ай же ты, змея было проклятая!

Ты поспела бы Добрынюшку да за́хватить,

В ты пору́ Добрынюшкой похвастати,

—

А нунчу Добрыня не в твоих руках».

Нырнет тут Добрынюшка у бережка,

Вынырнул Добрынюшка на другоем.

Нету у Добрыни коня доброго,

Нету у Добрыни копья вострого,

Нечем тут Добрынюшке поправиться.

Сам же тут Добрыня приужахнется,

Сам Добрыня испроговорит:

«Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка!»

Лежит тут колпак да земли греческой,

А весу-то колпак буде трех пудов.

Ударил он змею было по хоботам,

Отшиб змеи двенадцать тых же хоботов,

Сбился на змею да он с коленками,

Выхватил ножище да кинжалище,

Хоче он змею было поро́спластать.

Змея ему да тут смолилася:

«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!

Будь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,

Я тебе да сестра меньшая.

Сделам мы же заповедь великую:

Тебе-ка-ва не ездить нынь на гору сорочинскую,

Не топтать же зде-ка маленьких змеенышков,

Не выру́чать полону да русского;

А я тебе сестра да буду меньшая, —

Мне-ка не летать да на святую Русь,

А не брать же больше полону да русского,

Не носить же мне народу христианского».

Отслабил он колен да богатырских.

Змея была да тут лукавая, —

С-под колен да тут змея свернулася,
Улетела тут змея да во ковыль-траву.
И молодой Добрыня сын Никитинич
Пошел же он ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
К своей тут к родители ко матушке,
К честной вдовы Офимье Александровной.
И сам Добрыня порасхвастался:
«Как нету у Добрыни коня доброго,
Как нету у Добрыни копья вострого,
Не на ком поехать нынь Добрыне во чисто поле».
Испроговорит Владимир стольнекиевский:
«Как солнышко у нас идет на вечере,
Почестный пир идет у нас навеселе,
А мне-ка-ва, Владимиру, не весело:
Одна у мня любимая племянничка
И молода Забава дочь Потятична;
Летела тут змея у нас проклятая,
Летела же змея да через Киев-град;

Ходила нунь Забава дочь Потятична
Она с мамками да с няньками
В зеленом саду гулятиться,
Подпадала тут змея было проклятая
Ко той матушке да ко сырой земли,
Ухватила тут Забаву дочь Потятичну,
В зеленом саду даю гуляючи,
В свои было во хобота змеиные,
Унесла она в пещерушку змеиную».
Сидят же тут два русскиих могучиих богатыря, —
Сидит же тут Алешенька Левонтьевич,
Во дру́гиих Добрыня сын Никитинич.
Испроговорит Владимир стольнекиевский:
«Вы русские могучие богатыри,
Ай же ты, Алешенька Левонтьевич!
Мошь ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну
Из той было пещеры из змеиною?»
Испроговорит Алешенька Левонтьевич:

«Ах ты, солнышко Владимир стольнекиевский!

Я слыхал было на сем свети́,

Я слыхал же от Добрынюшки Никитича:

Добрынюшка змеи́ было крестовый брат;

Отдаст же тут змея проклятая

Молоду Добрынюшке Никитичу

Без бою, без драки-кроволития

Тут же нунь Забаву дочь Потятичну».

Испроговорит Владимир стольнекиевский:

«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!

Ты достань-ка нунь Забаву дочь Потятичну

Да из той было пещерушки змеиною.

Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,

Прикажу тебе, Добрыня, голову́ рубить».

Повесил тут Добрыня буйну голову,

Утопил же очи ясные
А во тот ли во кирпичем мост,
Ничего ему Добрыня не ответствует.
Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтение,
Ему нунь за весело пирование.
И пошел же ко родители, ко матушке
И к честной вдовы Офимьи Александровной.
Тут стретает его да родитель-матушка,
Сама же тут Добрыне испроговорит:
«Что же ты, рожоное, не весело,
Буйну голову, рожоное, повесило?
Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Али естьы-ты были не по́ уму,
Али питьица-ты были не по разуму?
Аль дурак тот над тобою надсмеялся ли,
Али пьяница ли там тебя прио́бозвал,
Али чарою тебя да там прио́бнесли?»
Говорил же тут Добрыня сын Никити-

нич,

Говорил же он родители тут матушке,

А честной вдовы Офимьи Александровной:

«А й честна вдова Офимья Александровна!

Ествы-ты же были мне-ка по уму,

А и питьица-ты были мне но разуму,

Чарою меня там не приобнесли,

А дурак тот надо мною не смеялся же,

А и пьяница меня да не приобозвал;

А накинул на нас службу да великую

Солнышко Владимир стольнекиевский,

—

А достать было Забаву дочь Потятичну

А из той было пещеры из змеиною.

А нунь нету у Добрыни коня доброго,

А нунь нету у Добрыни копья вострого,

Не с чем мне поехати на гору сорочинскую,

К той было змеи нынь ко проклятою».

Говорила тут родитель ему матушка,
А честна вдова Офимья Александровна:
«А рожоное мое ты нынь же дитятко,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Богу ты молись да спать ложись,
Буде утро мудро мудренее буде вечера —
День у нас же буде там прибыточен.
Ты поди-ка на конюшню на стоялую,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя, —
Батюшков же конь стоит да дедушков,
А стоит бурко пятнадцать лет,
По колен в назем же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назем зарощена».
Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшенке стоялыя,
Повыдернул же дверь он вон из назму,
Конь же ноги из назму да вон выдергиват.
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,
Берет Добрынюшка добра коня

На ту же на узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялый,
Кормил коня пшеною белояровой,
Поил питьями медвяныма.
Ложился тут Добрыня на велик одёр.
Ставае он по утрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
А седлае своего да он добра коня,
Кладыва́е он же потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седелышко,
И садился тут Добрыня на добра коня.
Провожает тут родитель его матушка,
А честна вдова Офимья Александровна,
На поезде ему плеточку нонь подала,
Подала тут плетку шамахинскую,
А семи шелков да было разныих,
А Добрынюшке она было наказыват:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Ники-

тинич!

Вот тебе да плетка шамахинская:

Съедешь ты на гору сорочинскую,

Станешь топтать маленьких змеенышев,

Выручать тут полону да русского,

Да не станет твой же бурушко поскакивать,

А змеенышев от ног да прочь отряхивать, —

Ты хлыщи бурка да нунь промеж уши,

Ты промеж уши хлыщи, да ты промеж ноги,

Ты промеж ноги да промеж задний,

Сам бурку да приговаривай:

«Бурушко ты, конь, поскакивай,

А змеенышев от ног да прочь отряхивай!»

Тут простилася да воротилася.

Видли тут Добрынюшку да сядучи,

А не видли тут удалого поедучи.

Не дорожками поехать, не воротами,

Через ту стену поехал городовую,

Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору сорочинскую.
Стал топтать да маленьких змеенышев,
Выручать да полону нонь русского.
Подточили тут змееныши бурку да щеточки,
А не стал же его бурушко поскакивать,
На кони же тут Добрыня приужахнется, —
Нунечку Добрынюшке кончинушка!
Спомнил он наказ да было матушкин,
Сунул он же руку во глубок карман,
Выдернул же плетку шамахинскую,
А семи шелков да шамахинскиих,
Стал хлыстать бурка да он промеж уши,
Промеж уши, да он проме́ж ноги,
А промеж ноги да проме́ж заднии,
Сам бурку да приговариват:
«Ах ты, бурушко, да нунь поскакивай,
А змеенышев от ног да прочь отряхивай!»

Стал же его бурушко поскакивать,

А змеенышев от ног да прочь отряхивать.

Притоптал же всех он маленьких змеенышков,

Выручал он полону да русского.

И выходит тут змея было проклятое

Да из той было пещеры из змеиною,

И сама же тут Добрыне испроговорит:

«Ах ты, душенька Добрынюшка Никитинич!

Ты порушил свою заповедь великую,

Ты приехал нунь на гору сорочинскую

А топтать же моих маленьких змеенышев».

Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:

«Ай же ты, змея проклятая!

Я ли нунь порушил свою заповедь,

Али ты, змея проклятая, порушила?

Ты зачем летела через Киев-град,

Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?

Ты отдай-ка мне Забаву дочь Потя-

тичну

Без бою, без драки-кроволития».

Не отдавала о́на без бою, без драки-кроволития,

Заводила о́на бой-дра́ку́ великую,

Да большое тут с Добрыней кроволитие.

Бился тут Добрыня со змеей трое сутки,

А не може он побить змею проклятую.

Наконец хотел Добрынюшка отъехати,

—

Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:

«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!

Бился со змеей ты да трое сутки,

А побейся-ка с змеей да еще три часу».

Тут побился он, Добрыня, еще три часу,

А побил змею да он проклятую,

Попустила кровь свою змеиную

От востока кровь она да вниз до запада,

А не при́жре матушка да тут сыра земля

Этой крови да змеиною.

А стоит же тут Добрыня во крови трое сутки,

На кони́ сидит Добрыня – приужахнется,

Хочет тут Добрыня прочь отъехати.

С-за небесей Добрыне снова глас гласит:

«Ай ты, молодой Добрыня сын Никитинич!

Бей-ка ты копьем да бурзамецкиим

Да во ту же матушку сыру землю,

Сам к земли да приговаривай!»

Стал же бить да во сыру землю,

Сам к земли да приговаривать:

«Расступись-ка ты же, матушка сыра земля,

На четыре на все стороны,

Ты прижри-ка эту кровь да всю змеиную!»

Расступилась было матушка сыра зем-

ля

На всех на четыре да на стороны,

Прижрала да кровь в себя змеиную.

Опускается Добрынюшка с добра коня

И пошел же по пещерам по змеиным,

Из тыи же из пещеры из змеиною

Стал же выводить да полону он русского.

Много вывел он было князей, князевичев,

Много королей да королевичев,

Много он девиц да королевичных,

Много нунь девиц да и князевичных

А из той было пещеры из змеиною, —

А не може он найти Забавы дочь Потятичной

Много он прошел пещер змеиных,

И заходит он в пещеру во последнюю,

Он нашел же там Забаву дочь Потятичну

В той последнею пещеры во змеиною,

А выводит он Забаву дочь Потятичну

А из той было пещерушки змеиною,

Да выводит он Забавушку на белый свет.
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам,
И девицам королевичным,
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да унéсены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А сбирайтесь вси да по своим местам,
И не троне вас змея болé проклятая.
А убита е змея да та проклятая,
А пропущена да кровь она змеиная,
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь боле полону да русского
И народу христианского,
А убита е змея да у Добрынюшки,
И прикончена да жизнь нунчу змеиная».
А садился тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А садил же он Забаву на правó стегно,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.

Испроговорит Забава дочь Потятична:

«За твою было великую за выслугу

Назвала тебя бы нунь батюшком, —

И назвать тебя, Добрыня, нунчу не́ можно!

За твою великую за выслугу

Я бы назвала нунь братцем да родимым, —

А назвать тебя, Добрыня, нунчу не́ можно!

За твою великую за выслугу

Я бы назвала нынь другом да любимым, —

В нас же вы, Добрынюшка, не влю́битесь!»

Говорит же тут Добрыня сын Никитинич

Молодой Забавы дочь Потятичной:

«Ах ты, молода Забава дочь Потятична!

Вы есть нунчу роду княженецкого,

Я есть роду христианского[3]*:*

---

[3] Примечания: 3
Христианского — крестьянского.

Нас нельзя назвать же другом да любимым».

Добрыня и Василий Казимирович

У ласкова князя Владимира
У солнышка у Сеславьича
Было столованье – почестный пир
На многих князей, бóяров
И на всю полянищу богатую,
И на всю дружину на храбрую.
Он всех поит и всех чествует,
Он-де всем-де, князь, поклоняется;
И в полупиру бояре напивалися,
И в полукушаньях наедалися.
Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват,
И могучими плечами поворачиват,
И сам говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои князья и бояре,
Ой ты, вся поляница богатая,
И вся моя дружина храбрая!
Кто бы послужил мне, князю, верой-правдою,

Верой-правдою неизменною?

Кто бы съездил в землю дальнюю,

В землю дальнюю, Поленецкую,

К царю Батуру Батвесову?

Кто бы свез ему дани-пошлины

За те годы за прошлые,

И за те времена – за двенадцать лет?

Кто бы свез сорок телег чиста се́ребра?

Кто бы свез сорок телег красна золота?

Кто бы свез сорок телег скатна жемчуга?

Кто бы свез сорок сороков ясных со́колов?

Кто бы свез сорок сороков черных со́болей?

Кто бы свез сорок сороков черных вы́жлоков?

Кто бы свез сорок сивых же́ребцов?»

Тут больший за меньшего хоронится,

Ни от большего, ни от меньшего ответа нет.

Из того только из места из середнего
И со той скамейки белоду́бовой
Выступал удалой добрый молодец
На свои на ноженьки на резвые,
На те ли на сапожки зелен сафьян,
На те ли каблучки на серебряны,
На те ли гвоздички золо́чены,
По имени Василий сын Кази́мерский.
Отошедши Василий поклоняется,
Говорит он таковы слова:
«Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир-князь!
Послужу я тебе верой-правдою,
Позаочи-в-очи не изменою;
Я-де съезжу в землю дальнюю,
В дальнюю землю Поленецкую
Ко тому царю Батуру ко Батвесову;
Я свезу твои дани-пошлины
За те годы, годы прошлые,
За те времена – за двенадцать лет.
Я свезу твое золото и серебро,
Я свезу твой скатно́й жемчуг,

Свезу сорок сороков ясных соколов,
Свезу сорок сороков черных соболей,
Свезу сорок сороков черных выжлоков,
Я свезу сорок сивых жеребцов».
Тут Василий закручинился
И повесил свою буйну голову,
И потупил Василий очи ясные
Во батюшко во кирпищат пол.
Надевал он черну шляпу, вон пошел
Из того из терема высокого.
Выходил он на улицу на широку,
Идет по улице по широкой;
Навстречу ему удалый добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад.
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерский!
Что идешь ты с пиру невéселый?
Не дошло тебе от князя место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена́ вина?

Или кто тебя, Василий, избесчествовал?

Или ты захвастался куда ехати?»

И тут Василий ровно бык прошел.

Забегат Добрынюшка во второй раз;

Пухову шляпу снимал, низко кланялся:

«Здравствуешь, удалый добрый молодец,

Ты по имени Василий сын Казимерский!

Что идешь ты с пиру невеселый,

И невесел идешь ты, нерадошен?

Не дошло ль те, Василий, место доброе?

Не дошла ль от князя чара зелена вина?

Али ты захвастался, Василий, куда ехати?»

И тут Василий ровно бык прошел.

Забегат Добрынюшка в третий-де раз;

Пухову шляпу снимат, низко кланется:

«Здравствуешь, удалый добрый молодец,

По имени Василий сын Казимерский!

Что ты идешь с пиру невеселый,
Невесел ты идешь с пиру, нерадошен?
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе,
Не дошла ль тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчествовал?
Али ты захвастался куда ехати?
Я не выдам тебя у дела ратного
И у того часу скоро-смертного!»
И тут Василий возрадуется.
Сохватал Добрыню он в берéмячко,
Прижимат Добрынюшку к сердечушку
И сам говорит таковы слова:
«Гой еси, удалой добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад!
Ты, Добрыня, будь большой мне брат,
А я, Василий, буду меньшой брат:
Я у ласкова князя Владимира
На беседе на почестныя,
На почестныя, на большом пиру
Я захвастался от князя съездити

Во ту во землю во дальнюю
Ко царю Батуру ко Батвесову,
Свезти ему дани-выходы
За те годы – за двенадцать лет:
Свезти туда злато, серебро,
Свезти туда скатный жемчу́г,
Свезти сорок сороков ясных соколов,
Свезти сорок сороков черных соболей,
Свезти сорок сороков черных выжлоков,
Свезти сорок сивых жеребцов».
И проговорит Добрыня Никитич млад:
«Не возьмем везти от князя от Владимира,
Не возьмем от него дани-пошлины;
Мы попросим от собаки Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины».
И тут молодцы побра́тались,
Воротились назад ко князю Владимиру,
Идут они в палаты белокаменны;
Крест кладут по-писаному,

Поклон ведут по-ученому,
Поклоняются на все стороны:
«Здравствуешь, Владимир-князь,
И со душечкой со княгинею!»
Князьям-боярам на особицу.
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро пожаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василий сын Казимерский,
Со Добрынюшкой со Никитичем!
За один бы стол хлеб-соль кушати!»
Наливает князь чары зелена вина,
Не малы чары – в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам
Принимают молодцы единой рукой,
Выпивают чары единым духом,
И садятся на скамеечки дубовые,
Сами говорят таковы слова:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины;

Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
Привезти от него дани пошлины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир-князь,
Садись ты за дубовый стол,
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
«Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена – за двенадцать лет,
И дай ты нам злата-серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжлоков,
И дай ты нам сивых жеребцов».
Подает ласковый Владимир-князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты;
И берет Василий Казимерский.
И кладет ярлыки во карманчики;
И встают молодцы на резвы́ ноги́,

Сами говорят таковы слова:
«Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
Нам съездить в землю Поленецкую».
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистали молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.
Как из далеча, далеча, из чиста поля
Два коня бегут, да два могучие
Со всею сбруею богатырскою.
Брали молодцы коней за шелко́в пово́д
И вставали в стременушки гольяшные,
И садились во седелышки черкасские.
Только от князя и видели,
Как удалы молодцы садилися,
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Подбегают они в землю дальнюю,

В землю дальнюю, Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвесову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрых коней;
Ни к чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников,
Отворяли они двери на́ пяту,
Заходили во палату белокаменну;
Богу молодцы не молятся,
Собаке Батуру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Здравствуешь, собака, царь Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
И вынимат Василий Казимерский,
Вынимат ярлыки скорописчаты
Из того карману шелкового

И кладет на дубовый стол:
«Получай, собака, дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
Распечатывал собака Батур Батвесов,
Распечатывал ярлыки скоропи́счаты,
А сам говорил таковы слова:
«Гой еси, Василий сын Казимерский,
Отсель тебе не уехати!»
Отвечат Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на Мати чудную Пресвятую Богородицу,
Надеюсь на родимого на брателка,
На того ли братца на назва́ного,
На Добрыню ли на Никитича».
Говорит собака Батур таковы слова:
«Поиграем-те-ко, добры молодцы, костью-картами!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Таковой игры я у те не́ знал здесь,
И таковых людей из Киева не́ брал я».
И стал Батур играть костью-картами
Со младым Добрынею Никитичем.

Первый раз собака не мог обыграть,
Обыграл Добрыня Никитич млад.
И второй раз собака не мог о́быграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
И в третий раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.
Тут собаке за беду стало́,
Говорит Батур, собака, таковы слова:
«Что
отсель тебе, Василий, не уехати!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюся на Мати Пресвятую Богородицу
Да надеюсь на родимого на брателка,
На того на братца названого,
На того Добрыню Никитича!»
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,
Станем мы стрелять за три версты,
За три версты пятисотные,
В тот сырой дуб крякóвистый,

Попадать в колечко золоченое».

И проговорит Василий сын Казимерский:

«А такой стрельбы я у тебя не знал,

И таковых людей не брал из Киева».

Выходил собака на красно крыльцо,

Зычал-кричал зычным голосом:

«Гой еси вы, слуги мои верные!

Несите мне-ка ту́гой лук

И несите калену́ стрелу!»

Его тугой лук несут девять татаринов,

Калену стрелу несут шесть татаринов.

Берет собака свой тугой лук

И берет калену стрелу;

Натягает собака свой тугой лук

И кладет стрелу на тетивочку;

И стреляет он за три версты,

За три версты пятисотные.

Первый раз стрелил – не до́стрелил,

Второй раз стрелил – пере́стрелил,

Третий раз стрелил – не мог попасть.
И подает свои тугой лук Добрынюшке,
Добрынюшке Никитичу,
И подает калену стрелу.
Стал натягивать Добрыня тугой лук,
И заревел тугой лук, как лютые звери,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое.
И бросил он тугой лук о сыру землю́,
Направлял он калену стрелу наперед жало́м,
И бросал он стрелу за три версты,
За три версты пятисотные,
И попадал в сырой дуб кряковистый,
В то колечко золо́чено:
Разлетался сырой дуб на драночки.
И тут собаке за беду стало́,
За великую досаду показалося;
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,
Что отсель тебе не уехати!»

Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на Пречистую Богородицу
Да надеюсь на родимого на брателка,
Да на того братца названого,
На того Добрыню Никитича».
Проговорит собака царь Батур:
«Да нельзя ли с вами, молодцы, побороться?»
Проговорит Василий сын Казимерский;
«Я такой борьбы, собака, не зна́вывал,
Таковых людей не брал из Киева».
И тут собаке за беду стало:
Он кричал, зычал, собака, зычным голосом,
Набежало татар и силы-сметы нет.
И выходил Добрыня на улицу на широку,
И стал он по улочке похаживать.
Схватились за Добрыню три татарина:
Он первого татарина взял – ра́зорвал,
Другого татарина взял – ра́стоптал,
А третьего татарина взял за ноги,

Стал он по силе похаживать,
Зачал белыми руками помахивать,
Зачал татар поколачивать:
В одну сторону идет – делат улицу,
Вбок повернет – переулочек.
Стоял Василий на красно́м крыльце,
Не попало Василью палицы боевыя,
Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копья мурзамецкого —
Попала ему ось белодубова,
Ось белодубова семи сажен;
Сохватал он ось белодубову,
Зачал он по силе похаживать
И зачал татар поколачивать.
Тут собака испужается,
По подлавке наваляется;
Выбегал собака на красно крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
«Гой еси, удалы добры молодцы!
Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
Вы оставьте мне татар хоть на пле́ме-

на!»
Тут его голосу молодцы не слушают.
Зычит, кричит собака зычным голосом:
«Я отдам ласкову князю Владимиру,
Отдам ему дани и пошлины
За те годы за прошлые,
За те времена – за двенадцать лет,
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлоков,
Отдам сорок сивых жеребцов».
Тут его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю;
Идут они ко высоку нову терему,
Выдает им собака дани-пошлины,
Насыпает тележки златокованые,
Отправляет в стольный Киев-град

Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тут садились добры молодцы на добрых коней,
Вставали в стременышки гольяшные
И садились в седелышки черкасские.
И поехали молодцы в свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Едут ко высоку нову терему,
Становятся на улицу на широку;
Воходят во палату белокаменну,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь!» —
«Добро жаловать, удалы добры молодцы!»
Он садит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зелена вина,
Не малые чары – в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают добры молодцы единой рукой,

Выпивают добры молодцы единым духом.

На резвы ноги стают, низко кланяются.

«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,

Привезли мы тебе дани-пошлины,

От собаки Батура Батвесова!»

Кланяется им ласковый Владимир-князь,

Кланяется до сырой земли:

«Спасибо вам, удалы добры молодцы,

Послужили вы мне верой-правдою,

Верой-правдою неизменною!»

Бой Добрыни с Дунаем

Еще ездил Добрынюшка во всей земли,
Еще ездил Добрынюшка по всей страны;
А искал собе Добрынюшка наездника,
А искал собе Добрыня супротивника:
Он не мог же найти себе наездничка,
Он не мог же найти себе сопротивничка.
Он поехал во далече во чистó полé,
Он завидял, где во поле шатер стоит.
А шатер-де стоял рытого бархата;
На шатри-то-де подпись была подписана,
А подписано было со угрозою:
«А еще кто к шатру приедет, – дак живомý не быть,
А живому тому не быть, прочь не уехати».
А стояла в шатре бочка с зеленым вином;
А на бочке-то чарочка серебряна,

А серебряна чарочка позолочена,

А не мала, не велика, полтора ведра.

Да стоит в шатри кроваточка тесовая;

На кроваточке перинушка пуховая.

А слезывал-де Добрынюшка со добра́ коня,

Наливал-де он чару зелена вина.

Он перву-ту выпил чару для здоровьица,

Он втору-ту выпил для весельица,

А он третью-ту выпил чару для безумьица,

Сомутились у Добрынюшки очи ясные,

Расходились у Добрынюшки могучи́ плеча́.

Он разорвал шатер дак рытого бархату,

Раскинал он-де по полю по чистому,

По тому же по раздольицу широкому;

Распинал-де он бочку с зеленым вином,

Растоптал же он чарочку серебряну;

Оставил кроваточку только тесовую,

А и сам он на кроваточку спать-де лег.

Да и спит-то Добрынюшка нонче суточки,

Да и спит-де Добрыня двои суточки,

Да и спит-де Добрынюшка трои суточки,

Кабы едет Дунай сын Иванович,

Он и сам говорыт дак таковы слова:

«Кажись, не было не бури и не па́деры, —

А все мое шатрышко развоевано,

А распинана бочка с зеленым вином,

И растоптана чарочка серебряна,

А серебряна чарочка позолочена,

А оставлена кроваточка только тесовая,

На кроваточке спит удалой добрый молодец».

Сомутились у Дунаюшки очи ясные,

Разгорело у Дуная да ретиво́ сердцо́,

Закипела во Дунае кровь горючая,

Расходилися его дак могучи плеча.

Он берет же свою дак сабельку вострую,

Замахнулся на молодца удалого;

А и сам же Дунаюшко що-то приразду-мался:

«А мне сонно́го-то убить на место мертвого;

А не честь моя хвала будет богатыр-ская,

А не выслуга будет молодецкая».

Закричал-то Дунаюшко громким го-лосом,

Ото сну-де Добрынюшка пробужается,

Со великого похмельица просыпается.

А говорыт тут Дунаюшко сын Ивано-вич!

«Уж ты ой еси, удаленький добрый мо-лодец!

Ты зачем же разорвал шатер дак рыта бархата;

Распинал ты мою боченьку с зеленым вином;

Растоптал же ты чарочку мою серебр-яну,

А серебряну чарочку позолочену,

Подаренья была короля ляховинского?»

Говорыт тут Добрынюшка Никитич млад:

«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын ты Иванович!

А вы зачем же пишете со угрозами,

Со угрозами пишете со великими?

Нам бояться угроз дак богатырскиех,

Нам нечего ездить во поле поля́ковать».

Еще тут, молодцы, они прирасспорили,

А скочили, молодцы, они на добрых коней,

Как съезжаются удаленьки добры молодцы;

А они билися ведь палочками буёвыми,

Рукояточки у палочек отвернулися,

Они тем боём друг дружку не ранили.

Как съезжаются ребятушки по второй-де раз;

Они секлися сабельками вострыми,

У них вострые сабельки исщерба́лися,

Они тем боём друг дружку не ранили.

А съезжаются ребятушки во третий раз;
А кололися копьями-де вострыми —
Долгомерные ратóвища по семь сажен,
По насадочкам копьица свернулися,
Они тем боём друг дружку не ранили.
А тянулися тягами железными
Через те же через гривы лошадиные,
А железные тяги да изорвалися,
Они тем боём друг дружку не ранили.
Соскочили ребятушки со добрых коней
А схватилися плотным боем, рукопашкою,
А еще борются удаленьки добрые молодцы,
А еще борются ребятушки двои суточки,
А и борются ребятушки трои суточки;
По колен они в землю да утоптáлися,
Не которой один дрýга не перéборет.
Там ездил стары казак по чисту полю;
А и был с им Алешенька Попович-от,
Да и был с им Потык Михайло Долго-

полович.

Говорыт тут стары казак Илья Муромец:

«Мать сыра да земля дак потряхается,

Где-то борются удалы есть добрые молодцы».

Говорыт тут стары казак Илья Муромец:

«Нам Алешеньку послать – дак тот силой лёгок;

А Михайла послать – дак неповоротливый,

А во полах-де Михайло заплетется же;

А и ехать будет мне самому, старому;

Как два русских-де борются, надо разговаривать,

А и русский с неверным, дак надо помощь дать,

А два же нерусских, дак надо прочь ехать».

А поехал стары казак Илья Муромец;

Он завидел-де на поле на чистоем

Еще борются удалы-то добры молод-

цы.

А подъезжает стары казак Илья Муромец,

Говорит тут Дунаюшко сын Иванович:

«Во́но едет стары казак Илья Муромец,

А стары-то казак мне-ка приятель-друг,

А он пособит убить в поле неприятеля».

А говорит-то Добрынюшка Никитич млад:

«А евоно едет стары казак Илья Муромец;

А стары-то казак мне как крестовый брат,

А мне пособит убить в поле татарина».

А приезжает стары казак Илья Муромец,

Говорыт-то стары казак таковы слова:

«Уж вы ой еси, удаленьки добрые молодцы!

Вы об чем же бьите́сь, да об чем вы бо-

ретесь?»

Говорит-то Дунаюшко сын Иванович:

«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!

Как стоял у меня шатер в поле рытого бархату,

А стояла в шатри бочка с зеленым вином;

А на бочке-то чарочка серебряна,

И серебряна чарочка позолочена,

И не мала, не велика – полтора ведра,

Подареньице короля было ляховинского.

Он разорвал шатер мой рытого бархату,

А раскинал-де по полю по чистому,

По тому же по раздольицу широкому;

Распинал он-де бочку с зеленым вином;

Растоптал он же чарочку серебряну,

А серебряную чарочку позолочену».

А говорит-то стары казак Илья Муромец;

«Ты за это, Добрынюшка, не прав бу-

дешь».

Говорит-то Добрынюшка таковы слова:

«Уж ты ой еси, старый казак Илья Муромец!

Как стоял у него шатер в поле рытого бархата;

А на шатри-то-де подпись была подписана,

И подписана подрезь была подрезана,

И подрезано было со угрозою:

«Еще хто к шатру приедет, – живому тому не быть,

Живому-де не быть, прочь не уехати», —

Нам боеться угроз дак богатырскиех,

Нам нечего ездить-делать во полё поляковать».

А говорыт тут стары казак Илья Муромец:

«Ты за это, Дунаюшко, не прав будешь;

А ты зачем же ведь пишешь со угрозами?

А мы поедем-ко тепериче в красен Киев-град.

А мы поедем ко князю ко Владимиру,

А поедем мы тепере на великий суд».

Скочили ребятушки на добрых коней,

И поехали ребята в красен Киев град,

А ко тому они ко князю ко Владимиру.

Приезжали ребятушки в красен Киев-град,

Заходили ко князю ко Владимиру.

Говорил тут Дунаюшко сын Иванович:

«Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский!

Как стоял у мня шатер во поле рыта бархату,

Во шатри была боченька с зеленым вином;

А на бочке и была чарочка серебряна,

И серебряная чарочка позолочена,

Подаренья короля было ляховинского,

Он разорвал шатер мой рытого бархату,

Распинал он-де боченьку с зеленым ви-

ном,

Растоптал же он чарочку серебряну,

А серебряну чарочку позолочену».

Говорит тут Владимир стольнокиевский:

«И за это, Добрынюшка, ты не прав будешь».

А говорыт тут Добрынюшка таковы слова:

«Уж ты, солнышко Владимир стольнокиевский!

И стоял у его в поле черлен шатер;

А на шатри-то-де подпись была подписана,

И подписано-то было со угрозою:

«А еще хто к шатру приедет, – дак живому не быть,

А живому тому не быть, прочь не уехати»;

А нам бояться угроз дак богатырские,

Нам нечего ездить во поле поляковать».

А говорыт тут Владимир таковы сло-

ва;

«И за это, Дунаюшко, ты не прав будешь;

И зачем же ты пишешь со угрозами?»

А посадили Дуная во темный погреб же

А за те же за двери за железные,

А за те же замочики задвижные.

Добрыня и Дунай сватают невесту князю Владимиру

Во стольном-то городе во Киеве

Да у ласкового князя да у Владимира,

У его было пированье, да был почестен пир.

А и было на пиру у ёго собрано:

Князья и бóяра, купцы-гости тóрговы

И сильны могучи богáтыри,

Да все поляницы да преудалые.

Владимир-от князь ходит весел-радостен,

По светлой-то гридне да он похаживает,

Да сам из речей да выговаривает:

«Уж вы ой еси, князи да нонче бояра,

Да все же купцы-гости торговые,

Вы не знаете ли где-ка да мне обручницы,

Обручницы мне-ка да супротивницы,

Супротивницы мне-ка да красной де-

вицы:

Красотой бы красна да ростом вы́сока,

Лицо-то у ней да было б белый снег,

Очи у ней да быв у сокола,

Брови черны у ей да быв два соболя,

А реснички у ей да два чистых бобра?»

Тут и больш-от хоронится за среднего,

Да средн-ет хоронится за меньшего:

От меньших, сидят, долго ответу нет.

А из-за того стола из-за среднего,

Из-за той же скамейки да белоду́бовой

Выстават тут удалый да добрый молодец,

А не про́велик детинушка, плечьми широк,

А по имени Добрынюшка Никитич млад.

Выстават уж он да низко кланяется,

Он и сам говорит да таково слово:

«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский!

А позволь-ко-се мне-ка да слово молвити:

Не вели меня за слово скоро́ сказнить,

А скоро меня сказнить, скоре того повесити,

Не ссылай меня во ссылочку во дальнюю,

Не сади во глубоки да темны по́гребы.

У тя есть нонь двенадцать да тюрем темныих;

У тя есть там сидит как потюрёмщичек,

Потюрёмщичек сидит есть да добрый молодец,

А по имени Дунай да сын Иванович;

Уж он много бывал да по другим земля́м,

Уж он много служил да нонь многи́м царям,

А царям он служил, много царевичам,

Королям он служил да королевичам;

А не знат ли ведь он тебе обручницы,

А обручницы тебе да супротивницы,

Супротивницы тебе да красной девицы?»

Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:

«Уж вы, слуги, мои слуги да слуги верные!

Вы сходите-тко ведь нонче да в темны погребы,

Приведите вы Дуная сына Ивановича».

Тут и скоро сходили да в темны погребы,

Привели тут Дуная сына Ивановича.

Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:

«Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Иванович!

Скажут, много ты бывал, Дунай, по всем землям,

Скажут, много живал, Дунай, по украи́нам,

Скажут, много ты служил, Дунай, многим царям,

А царям ты служил, много царевичам,

Королям ты служил да королевичам.

Ты не знаешь ли ведь где-ка да мне обручницы,

Обручницы мне да супротивницы,

Супротивницы мне-ка да красной девицы?»

Говорит тут Дунай как да сын Иванович:

«Уж я где не бывал, да нонче всё забыл:

Уж я долго сидел нонь да в те́мной те́мнице».

Еще в та поре Владимир да стольнокиевский

Наливал ему чару да зелена вина,

А котора-де чара да полтора ведра;

Подносил он Дунаю сыну Ивановичу,

Принимал тут Дунай чару да едино́й рукой.

Выпивал он ведь чару да к едину́ духу́;

Он и сам говорит да таково слово́:

«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский!

Уж я много нонь жил, Дунай, по всем землям,

Уж я много нонь жил да по украинам,

Много служивал царям да я царевичам,

Много служивал королям я да королевичам.

Я уж жил-де-был в земли, да в земли в дальнее,

Я во дальней жил в земли да ляхови́нское,

Я у стремена у короля Данила сына Манойловича;

Я не много поры-времени, двенадцать лет.

Еще есть у ёго да как две дочери.

А больша-то ведь дочи да то Настасия,

Еще та же Настасья да королевична;

Еще та же Настасья да не твоя чета,

Не твоя чета Настасья и не тебе жена:

Еще зла поляница да преуда́лая.

А мала-то дочи да то – Апраксия,

Еще та Апраксия да королевична;

Красотой она красива да ростом высока,

А лицо-то у ей дак ровно белый снег,

У ней я́годницы быв красные ма́зовицы,

Ясны очи у ей да быв у сокола,

Брови черны у ей быв два соболя,

А реснички у ей быв два чистыих бобра;

Еще есть-де кого дак уж княгиней назвать,

Еще есть-де кому да поклонитися».

Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:

«Уж ты ой, тихой Дунай да сын Иванович!

Послужи ты мне нонче да верой-правдою;

Ты уж силы-то бери да сколько тебе надобно,

Поезжайте за Апраксией да королевичной:

А добром король дает, дак вы и добром берите;

А добром-то не даст, – берите силою,

А силой возьмите да богатырскою,

А грозою увезите да княженецкою».

Говорит тихой Дунай да сын Иванович:

«Государь ты, князь Владимир да столь-

нокиевский,

Мне-ка силы твоей много не надобно,

Только дай ты мне старого ка́зака,

А второго Добрыню сына Никитича:

Мы поедем за Апраксией да королевичной».

То и будут богатыри на конюшен двор;

А седлали-уздали да коней добрыих;

И подвязывали седелышки черкасские;

И подвязывали подпруги да шелку белого,

Двенадцать подпруг да шелку белого,

Тринадцата подпруга через хребетну кость:

«То не ради басы, да ради крепости,

А все ради храбрости молодецкие,

Да для ради опору да богатырского,

Не оставил бы конь да во чисто́м поли́,

Не заставил бы конь меня пешом ходить».

Тут стоели-смотрели бояра со стены да городовые,

А смотрели поездку да богатырскую;

И не видели поездки да богатырское,

А только они видели, как на коней садились:

Из города поехали не воротами, —

Они через ту стену да городовую,

А через те башни да наугольные;

Только видели: в поле да куревá стоит,

Курева та стоит да дым столбом валит.

Здраво стали они да полем чистыим;

Здраво стали они да реки быстрые;

Здраво стали они да в землю в дальнюю,

А во дальнюю землю да в Ляховинскую

А ко стремену ко королю ко красну́ крыльцу.

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж вы ой еси, два брата назва́ные,

А старый казак да Илья Муромец,

А второй-де Добрынюшка Никитич млад!

Я пойду нонь к королю как на красно

крыльцо,
Я зайду к королю нонь на новы́ сени́,
Я зайду к королю как в светлу да све́тлицу;
А що не тихо, не гладко учинится с королем да
на новых сенях, —
Затопчу я во се́реды кирпичные,
Поезжайте вы по городу ляховинскому,
Вы бейте татаровей со старого,
А со старого бейте да вы до малого,
Не оставляйте на семена татарские».
Тут пошел тихой Дунай как на красно крыльцо, —
Под ним лисвенки-то да изгибаются.
Заходил тихой Дунай да на новы сени;
Отворят он у гридни да широки́ двери́;
Наперед он ступат да ногой правою,
Позади он ступат да ногой левою;
Он крест-от кладет как по-писа́ному,
Поклон-от ведет он да по-ученому;
Поклоняется на все на четыре да кру-

гом стороны,

Он во-первых-то королю ляховинскому:

«Уж ты здравствуешь, стремян король Данило

да сын Манойлович!» —

«Уж ты здравствуешь, тихой Дунай да сын Иванович!

Уж ты ко мне приехал да на пиры пировать,

Али ты ко мне приехал да нонь по-старому служить?»

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж ты, стремян король Данило да сын Манойлович!

Еще я к тебе приехал да не пиры пировать,

Еще я к тебе приехал да не столы сто́ловать,

Еще я к тебе приехал да не по-старому служить,

Мы уж ездим от стольного города от Киева,

Мы от ласкового князя да от Влади-

мира;

Мы о добром деле ездим да все о сва́товстве

На твоей на любимой да нонь на дочери,

На молодой Апраксии да королевичне.

Уж ты дашь, ли не дашь, или откажешь-то?»

Говорит стремян король Данило Манойлович:

«У вас стольн-ёт ведь город да быв холопской дом,

А князь-от Владимир да быв холопищо;

Я не дам нонь своей дочери любимое.

Молодой Апраксии да королевичны».

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж ты ой, стремян король Данило да сын Манойлович!

А добром ты даешь, дак мы и добром возьмем;

А добром-то не дашь, – дак возьмем силою,

А силой возьмем мы да богатырскою,
Грозой увезем мы да княженецкою».
Пошел тут Дунай да вон из горенки,
Он стукнул дверьми да в ободверины, —
Ободверины-ти вон да обе вылетели,
Кирпичны-ти печки да рассыпáлися,
Выходил тут Дунай как да на новы сени,
Заревел-закричел да громким голосом,
Затоптал он во сéреды кирпичные:
«Уж вы ой еси, два брата названые!
Поезжайте вы по городу ляховинскому;
Вы бейте татаровей со старого,
Со старого вы бейте да и до малого;
Не оставляйте на семена татарские».
Сам пошел тихой Дунай тут да по новым сеням,
По новым сеням пошел да ко третьим дверям;
Он замки-ти срывал да будто пуговки.
Он дошел до Апраксии да королевичны:
Апраксеюшка сидит да ведь красéнца ткет,

А ткет она сидит да золоты красна́.

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж ты ой, Апраксии да королевична!

Ты получше которо, дак нонь с собой возьми,

Ты похуже которо, да то ты здесь оставь;

Мы возьмем-увезем да тебя за́ князя,

А за князя да за Владимира».

Говорит Апраксии да королевична:

«А нету у меня нонь да крыла правого,

А правого крылышка прави́льного;

А нету сестрицы у мня родимые,

Молодой-де Настасьи да королевичны;

Она-то бы с вами да приуправилась».

Еще в та поре Дунай тут да сын Иванович

Он брал Апраксию да за белы́ руки́,

За ее же за перстни да за злаченые;

Повел Апраксею да вон из горенки.

Она будет супротив как да дверей батюшковых,

А сама говорит да таковó словó:

«Государь ты, родитель да мой батюшка!

Ты по що же меня нонь да не добром отдаешь,

А не добром ты отдаешь, да ведь уж силою;

Не из-за хлеба давашь ты да не из-зá соли,

Со великого давашь ты да кроволития?

Еще есть где ведь где-ле да у других царей,

А есть-де у их да ведь и дочери,

Все из-за хлеба давают да из-за соли».

Говорит тут король да ляховинские:

«Уж ты, тихой Дунай, ты да сын Иванович!

Тя покорно-де просим хлеба-соли кушати».

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«На приездинах гостя не употчевал,

На поездинах гостя да не учёство-

вать».

Выходил тут Дунай да на красно крыльцо;

Он спускался с Апраксией да с королевичной;

Садил-де он ей да на добра коня,

На добра коня садил да впереди себя.

Вопил он, кричел своим громким голосом:

«Вы ой еси, два брата названые!

Мы пойдем же нонь да в стольно-Киев-град».

Тут поехали они да в стольно-Киев-град,

А едут-де они да ведь чисты́м поле́м, —

Через дорогу тут лошадь да переехала,

А на ископытях у ней подпись подписана:

«Хто-де за мной в сугон погонится,

А тому от меня да живому́ не быть».

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж ты ой, старой казак ты, да Илья

Муромец!

Ты возьми у меня Апраксию да на своя коня,

На своя коня возьми ты да впереди себя;

А хоша ведь уж мне-ка да живому не быть,

Не поступлюсь я полянице да на чистом поли».

А сам он старику да наговаривает:

«Уж ты ой, старой казак да Илья Муромец!

Ты уж честно довези до князя до Владимира

Еще ту Апраксию да королевичну».

А тут-то они да и разъехались;

Поехал Дунай за поляницею,

А богатыри поехали в стольно-Киев-град.

Он сустиг поляницу да на чистом поли.

А стали они да тут стрелетися.

Как устрёлила поляница Дуная сына Ивановича,

А выстрелила у его да она правый глаз;
А стрелил Дунай да поляницу опять, —
А выстрелил ей да из седёлка вон,
Тут и падала поляница да на сыру́ зем-
лю́.
А на ту пору Дунаюшко ухватчив был;
Он и падал полянице да на белы́ груди́,
Из-за налучья выхватил булатный нож,
Он хочет пороть да груди белые,
Он хочет смотреть да ретиво́ сердцо́,
Он сам говорит да таково́ слово́:
«Уж ты ой, поляница да преудалая!
Ты уж коего города, коёй земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, поляница, да именём зовут,
Тебя как величают да из отечества?»
Лежочи́сь поляница да на сырой земле,
А сама говорит да таково́ слово́:
«Кабы я была у тя на белы́х грудя́х, —
Не спросила бы ни имени, ни вотчины,
Ни отечества я, ни молодечества,

Я бы скоро порола да груди белые,

Я бы скоро смотрела да ретиво сердцо».

Замахнулся тут Дунай да во второй након;

А застоялась у ёго да рука правая;

Он и сам говорит да таково слово:

«Уж ты ой, поляница да преудалая,

Ты уж коего города, коей земли,

Ты уж коее дальнее украины?

Тебя как, поляница, да именем зовут,

Тебя как величают да из отечества?»

Лежочись поляница да на сырой земле,

А сама говорит да таково слово:

«Уж ты ой еси, тихой Дунай сын Иванович!

А помнишь ли ты, али не помнишь ли?

Похожено было с тобой, поезжено,

По тихим-то вёшным да все по заводям,

А постреляно гусей у нас, белых ле́бедей,

Переперистых серых да малых утицей».

Говорит тут тихой Дунай сын Иванович:

«А помню-супóмню да я супамятую;

Похожено было у нас с тобой, поезжено,

На белы́х твоих грудях да приулёжано.

Уж ты ой еси, Настасья да королевична!

Увезли ведь у вас мы нонь родну сестру,

Еще ту Апраксию да королевичну,

А за князя да за Владимира.

А поедем мы с тобой в стольно-Киев-град».

Тут поехали они как да в стольно-Киев-град

А ко князю Владимиру на свадебку.

А приехали они тут да в стольно-Киев-град,

Пировали-столовали да они у́ князя.

Говорит тут ведь тихой Дунай сын Иванович:

«Государь ты, князь Владимир да стольнокиевский!

Ты позволь-ко-ся мне-ка да слово молвити;

Хоть ты взял нониче меньшу́ сестру, —

Бласлови ты мне взять нонче большу сестру,

Еще ту же Настасью да королевичну».

Говорит тут князь Владимир да стольнокиевский:

«Тебе Бог бласловит, Дунай, женитися».

Веселым-де пирком да то и свадебкой

Поженился тут Дунай да сын Иванович.

То и сколько-ли времени они по́жили,

Опеть делал Владимир да князь почестей пир.

А Дунай на пиру да прирасхвастался:

«У нас нет нонь в городе сильне меня,

У нас нету нонь в Киеве горазне́ меня».

Говорила тут Настасья да королевична:

«Уж ты ой, тихой Дунай да сын Ива-

нович!

А старый казак будет сильне тебя,

Горазне тебя дак то и я буду́».

А тут-то Дунаю да не зандравилось;

А тут-то Дунаю да за беду пришло,

За велику досаду да показалося.

Говорит тут Дунай да сын Иванович:

«Уж ты ой еси, Настасья да королевична:

Мы пойдем-ка с тобой нонь да во чисто поле;

Мы уж станем с тобой да нонь стрелятися,

Мы во дальнюю приметy да во злачень перстéнь».

И пошли-де они да во чисто поле.

И положила Настасья перстень да на буйну́ главу

А тому же Дунаю сыну Ивановичу;

Отошла-де она да за три поприща;

А и стрелила она да луком я́рым-е,

Еще надвое перстень да расколупится,

Половинка половиночки не у́бьет же.

Тут и стал-де стрелять опеть Дунаюшко:

А перв-от раз стрелил, дак он не до́стрелил,

А втор-от раз стрелил, дак он пере́стрелил.

А и тут-то Дунаю да за беду пришло,

За велику досаду да показалося;

А мети́т-де Настасью да он уж третий раз.

Говорыла Настасья да королевична:

«Уж ты ой, тихой Дунай, ты да сын Иванович!

А и не жаль мне князя да со княгинею,

И не жаль сёго мне да свету белого:

Только жаль мне в утробе да млада отрока».

А тому-то Дунай да не поверовал;

Он прямо спустил Настасье во белы груди, —

Тут и падала Настасья да на сыру землю.

Он уж скоро-де падал Настасье на белы

груди, —
Он уж скоро порол да груди белые,
Он и скоро смотрел да ретиво сердцо;
Он нашел во утробы да млада отрока:
На лбу у него подпись-то подписана:
«А был бы младень этот силен на́ земли».
А тут-то Дунаю да за беду сталó,
За велику досаду да показалося;
Становил ведь уж он свое востро копье
Тупым-де концом да во сыру землю,
Он и сам говорил да таково слово:
«Протеки от меня и от жены моей,
Протеки от меня, да славный тихой Дон».
Подпирался ведь он да на востро копье, —
Еще тут-то Дунаю да смерть случилася.
А затем-то Дунаю да нонь славы́ поют,
А славы-то поют да старины́ скажу́т.

Добрыня и Маринка

В стольном в городе во Киеве
У славного сударь князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятый год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулочкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатьевску
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкий двор,
На ее высокие те́рема.
А у молоды Марины Игнатьевны,

У нее на хорошем высоком терему
Сидят тут два сизые голубя,
Над тем окошком косящатым,
Целуются они, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Добрыне за беду стало,
Будто над ним насмехаются;
Стреляет в сизых голубей;
А спела ведь тетивка у тугá лука,
Звыла да пошла каленá стрела.
По грехам над Добрынею учинилося,
Левая нога его поскользнула,
Права рука удрогнула,
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящатое,
Проломил он оконницу стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб он зеркало стекольчатое;
Белодубовы столы пошатались,
Что питья медяные восплеснулися.
А втапоры Марине безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася

И бросилася на свой широкий двор:
«А кто это, невежа, на двор заходил,
А кто это, невежа, в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб зеркало стекольчатое».
И втапоры Марине за беду стало,
Брала она следы горячие молодецкие,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя следы горячими,
Разжигает дрова палящатым огнем,
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Как у молода Добрынюшки Никитьевича.
А и Божья крепко, вражья-то лепко».

Взяла Добрыню пуще вострого ножа
По его по сердцу богатырскому:
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Он белого свету дожидается.
По его-то щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням.
Встает Добрыня ранешенько,
Подпоясал себе сабельку вострую,
Пошел Добрыня к заутрени;
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкий двор,
У высокого терема послушает.
А у молоды Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкие,
Все тут были жены молодецкие.
Вшел он, Добрыня, во высок терем, —
Которые девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и

прибранивает.
Втапоры Добрыня ни во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел.
А стала его Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчата,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося;
Сбежал на крылечка на красная.
А двери у терема железные,
Заперлася Марина Игнатьевна,
А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железные недоладом,
Из пяты он вышиб вон,
И сбежал он на сени косящаты.
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, засельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольча-

тую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое».
А бросится Змеища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб,
А и сам тут Змей почал бранити его,
Больно пенять:
«Не хочу я звати Добрынею,
Не хочу величать Никитичем,
Называю те детиною деревенщиною,
<Деревенщиною> и засельщиною;
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое?»
Ему тута-тко, Добрыне, за беду стало
И за великую досаду показалося;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хощешь ли тебе, Змея, изрублю я
В мелкие части пирожные,

Разбросаю далече по чистóм полю?»
А и тут Змей Горынич, хвост поджав,
Да и вон побежал;
Взяла его страсть, так зачал…,
Околышки метал, по три пуда…
Бегучи, он, Змей, заклинается:
«Не дай Бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливее».
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс в окно,
В одной рубашке без пояса;
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежа, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню обверну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
А еще хошь, я Добрыню обверну гнедым туром?»
Обвернула его, Добрыню, гнедым туром,

Пустила его далече во чисто поля,
А где-то ходят девять туров,
А девять туров, девять братеников,
Что Добрыня им будет десятый тур,
Всем атаман золотые рога.
Безвестна не стало богатыря,
Молода Добрыни Никитьевича,
Во стольном в городе во Киеве.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть месяцев, —
По-нашему-то, сибирскому, слывет полгода.
У великого князя вечеринка была,
А сидели на пиру честные вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,
Честна вдова Афимья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладные.

Ниоткуль взялась тут Марина Игнатьевна,
Водилася с дитятями княженецкими;
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно, Марина, похваляется.
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольном во городе во Киеве
А я нет меня хитрея, мудрея, —
А и я-де обвернула девять молодцов,
Сильных могучих богатырей, гнедыми турами;
А и ноне я-де опустила десятого,
Молодца Добрыню Никитьевича,
Он всем атаман золотые рога».
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зелена вина,
Подносила любимой своей кумушке,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,

Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича, —
Извела его Марина Игнатьевна,
А и ноне на пиру похваляется».
Проговорит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышала,
А слышала речи ее похваленые».
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
Сшибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белы́м грудям,
Сама она Марину больно бранит:
«А и сука ты..., еретница...!
Я-де тебе хитрея и мудреней,
Сижу я на пиру, не хвастаю,
А и хошь ли, я тебя сукой обверну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина, много за собой псов водить».

А и женское дело прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое.
Обвернулася Маринка касаточкой,
Полетела далече во чисто поле,
А где-то ходят девять туров,
Девять братеников,
Добрыня-то ходит десятый тур;
А села она на Добрыню, на правый рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чи́сто поле наскучило
И зыбучие болота напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, женитися?
Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?»
—
«А право, возьму, ей-богу возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат».
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула его добрым молодцем,
По-старому, по-прежнему,

Как бы сильным могучим богатырем,
Сама она обвернулася девицею;
Они в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчалися.
Повел он ко городу ко Киеву,
А идет за ним Марина раскорякою.
Пришли они ко Марине на высок терем,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися.
А и чай моя вострая сабля заржавела?»
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу… безбожницу:
Он первое ученье – ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчища»;

А второе ученье – ноги ей отсек:
«А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчищем»;
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти-де мне губы не надобны,
Целовали они Змея Горынчища»;
Четвертое ученье – голову отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретические».

Женитьба Добрыни

Как ехал он, Добрыня, целы суточки,
Как и выехал на дорожку на почтовую.
Как едет Добрынюшка-то почтовоей,
Как едет-то Добрынюшка, посматривать,
Как видит – впереди его проехано,
На коне-то, видит, ехано на богатырскоем.
Как стал-то он коня свого подшевеливать,
Как стал-то он плетью натягивать,
Догнать надь и этого богатыря.
Как ехал-то Добрынюшка скорёшенько
Как нагнал-то богатыря да чужестранного,
Скричал Добрыня тут да во всю голову:
«Как сказывай топерику, какой земли,
Какой же ты земли да какой орды,
Чьего же ты отца да чьей матери?»
Как говорит богатырь нунеку:

«Если хочется узнать тебе-то теперику,

Дак булатом-то переведаемся».

Как налетел-то Добрынюшка скорёшенько,

Как разгорелось его сердце богатырское,

Как хотел-то еще хлопнуть палицей богáтыря,

Как рука у него в плечи застоялася,

Как отвернулся тут Добрыня поскорёшенько,

Как повыехал Добрыня в сторонку,

Поразъехался теперь да на палицы

И ударил палицей стародревний дуб;

Как все тут на куски разлетелося,

И знает, что силушка по-старому;

Как отправился по-старому к богатырю

И кричал-то тут Добрыня во всю голову:

«Как сказывай, дружище, ты какой земли,

Какой земли да какой орды,
Чьего же ты отца да чьей ты матери?»
—
«Если хочется тебе узнать, какой земли,
Так булатом переведаем».
Как разгорелося сердце богатыря,
Как хлыстнул Добрынюшка добра́ коня́,
Как занес-то он палицу во сорок пуд,
Как в плечи-то тут рука застоялася,
Как скочил-то тут Добрынюшка с добра коня,
Как прибегал Добрынюшка к богатырю,
Как ставал Добрыня пред богатырем,
Как говорил ему да таково слово:
«Ну сказывай топерику, какой земли,
А сказывай топерику, какой орды,
А сказывай, чьего отца, чьей ты матери?» —
«Послушай-ка топерику, я что скажу:
Земли-то нахожусь я Ханаанскоей,
А я и ведь Настасьюшка Никулична».

Как подходил-то тут Добрынюшка скорёшенько,

Опускал ее с коня тихошенько,

И говорил-то он Настасьюшке Никуличной:

«Рука у мня в плечи да застоялася,

То убил бы я Настасьюшку Никуличну».

Как стал-то он к Настасьюшке похаживать,

Как стал-то он Настасьюшку подсватывать:

«Поди-ка ты, Настасьюшка Никулична,

Поди-ка ты да замуж за́ меня».

Как садились да тут-то на Добрынина коня,

Как поехали-то они в одну сторону,

Приехали к Добрыне на широкий двор,

Как заходили в терема они в высокие,

Как царю они топерику доложилися:

«Красно солнышко Владимир стольнекиевский!

Как приехал-то Добрынюшка Никитинец,

Как привез-то он невесту из другой земли,

Как хочет-то на ней да женитися,

Приглашает-то да тебя да на почестный пир.

Красно солнышко Владимир стольнекиевский,

Приходи-ка ты ко мни да на почестный пир

Со своей-то дорогой своей Апраксией».

Как тут да у них почестный пир пошел,

Свадьбой провели да и окончили

И все да на пиру напивалися,

И все да на пиру да наедалися.

Добрыня Никитич и Алеша Попович

Добрынюшка-тот матушке говаривал,

Да Никитинич-от матушке наказывал:

«Ты, свет, государыня да родна матушка,

Честна вдова Офимья Александровна!

Ты зачем меня, Добрынюшку, несчастного спорóдила?

Породила, государыня бы родна матушка,

Ты бы беленьким горючим меня камешком,

Завернула, государыня да родна матушка,

В тонкольняный было белый во рукавчичек,

Да вздынула, государыня да родна матушка,

Ты на вы́соку на гору сорочинскую

И спустила, государыня да родна матушка,

Меня в Черное бы море, во турецкое, —
Я бы век бы там, Добрыня, во мори́ лежал,
Я отныне бы лежал да я бы до веку,
Я не ездил бы, Добрыня, по чисту́ полю́.
Я не убивал, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил, Добрыня, отцов, ма́терей,
Не вдовил бы я, Добрынюшка, моло́дых жен,
Не спущал бы сиротать да малых детушек».
Ответ держит государыня да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
«Я бы рада бы тя, дитятко, спородити:
Я талантом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да Бога́тыря,
Я бы смелостью во смелого Алешу во Поповича,
Я походкою тебя щапли́вою

Во того Чурилу во Пленко́вича,

Я бы вежеством в Добрыню во Никитича,

Только тыи ста́тьи есть, а других Бог не дал,

Других Бог статьей не дал да не пожаловал».

Скоро-наскоро, Добрыня, он коня седлал,

Садился он скоро на добра коня,

Как он потнички да клал да на потнички,

А на потнички клал войлочки,

Клал на войлочки черкасское седелышко,

Всех подтягивал двенадцать тугих по́дпругов,

Он тринадцатый-от клал да ради крепости,

Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,

Добра молодца в чистом поле не вы́рушил.

Подпруги были шелко́вые,

А спеньки у подпруг все булатные,

Пряжи у седла да красна золота.

Тот да шелк не рвется, да булат не трется,

Красно золото не ржáвеет.

Молодец-то на кони сидит, да сам не стáреет.

Провожала-то Добрыню родна матушка.

Простилася и воротилася,

Домой пошла, сама заплакала.

А у тыя было у стремины у правыя,

Провожала-то Добрыню любимá семья,

Молода Настасья дочь Никулична,

Она была взята из земли Политовския,

Сама говорит да таково слово:

«Ты, душкá, Добрынюшка Никитинич!

Ты когда, Добрынюшка, домой будешь?

Когда ожидать Добрыню из чиста поля?»

Ответ держит Добрынюшка Никитинич:

«Когда меня ты стала спрашивать,

Так теперича тебе я стану сказывать:

Ожидай меня, Добрынюшку, по три́ года́.

Если в три года не буду, жди по дру́го три,

А как сполнится то время шесть годов,

Как не буду я, Добрыня, из чиста поля,

Поминай меня, Добрынюшку, убитого.

А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная:

Хоть вдовой живи да хоть заму́ж поди,

Хоть ты за́ князя поди, хоть за боярина,

А хоть за русского могучего богатыря,

Столько не́ ходи за мо́его за брата за назва́ного,

Ты за смелого Алешу за Поповича».

Его государыня-то родна матушка,

Она учала как по полати-то похаживать,

Она учала как голосом поваживать,

И сама говорит да таково́ слово́:

«Единое ж было́ да солнце красное,

Нонь тепере за темны леса да закатилося,

Стольки оставлялся млад светёл месяц.

Как единое ж было́ да чадо милое,

Молодой Добрыня сын Никитинич,

Он во да́лече, дале́че, во чистом поле,

Судит ли Бог на веку хоть раз видать?»

Еще стольки оставлялась любима семья,

Молода Настасья дочь Никулична,

На роздей тоски великоя кручинушки.

Стали со́жидать Добрыню из чиста поля по три года,

А и по три года, еще по́ три дня,

Сполнилось времени цело три года.

Не бывал Добрыня из чиста поля.

Стали сожидать Добрыню по другое три,

Тут как день за днем да будто дождь дожжит,

А неделя за неделей как трава растет,

Год тот за годом да как река бежит.

Прошло тому времени другое три,

Да как сполнилось времени да целых шесть годов,

Не бывал Добрыня из чиста поля.

Как во тую пору, да во то время

Приезжал Алеша из чиста поля.

Привозил им весточку нерадостну,

Что нет жива Добрынюшки Никитича,

Он убит лежит да на чистом поле:

Буйна го́лова да испроломана,

Могучи плеча да испрострелены.

Головой лежит да в част ракитов куст.

Как тогда-то государыня да родна матушка

Слезила-то свои да очи ясные,

Скорбила-то свое да лицо белое

По своем рожоноем по дитятке,

А по молодом Добрыне по Никитичу.

Тут стал солнышко Владимир-то похаживать,

Да Настасью-то Никуличну посваты-

вать,

Посватывать да подговаривать;

«Что как тебе жить да молодой вдовой,

А и моло́дый век да свой коро́тати,

Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,

Хоть за русского могучего богатыря,

Хоть за смелого Алешу за Поповича».

Говорит Настасья дочь Никулична:

«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!

Я исполнила заповедь ту мужнюю —

Я ждала Добрыню цело шесть годов,

Я исполню заповедь да свою женскую;

Я прожду Добрынюшку друго́ шесть лет.

Как исполнится времени двенадцать лет,

Да успею я в те поры́ замуж пойти».

Опять день за днем да будто дождь дожжит,

А неделя за неделей как трава растет,

Год тот за годом да как река бежит.

А прошло тому времени двенадцать лет,

Не бывал Добрыня из чиста поля.

Тут стал солнышко Владимир тут похаживать,

Он Настасьи-той Никуличной посватывать,

Посватывать да подговаривать:

«Ты эй, молода Настасья дочь Никулична!

Как тебе жить да молодой вдовой,

А молодый век да свой коротати.

Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,

Хоть за русского могучего богатыря,

А хоть за смелого Алешу да Поповича».

Не пошла замуж ни за князя, ни за боярина,

Ни за русского могучего богатыря,

А пошла замуж за смелого Алешу за Поповича.

Пир идет у них по третий день,

А сегодня им идти да ко Божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу.
В тую ль было пору, а в то времѧ́,
А Добрыня-то случился у Царя-градá,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, волчья сыть да ты медвежья шерсть!
Ты чего сегодня подтыкаешься?»
Испровéщится как ему добрый конь,
Ему голосом да человеческим:
«Ах ты эй, хозяин мой любимыя!
Над собой невзгодушки не ведаешь:
А твоя Настасья-королевична,
Королевична – она замýж пошла
За смелого Алешу за Поповича.
Как пир идет у них по третий день,
Сегодня им идти да ко Божьёй церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу».
Тут молодой Добрыня сын Никитинич,
Он бьет бурка промеждý ушѝ,

Промежду уши да промежду́ ноги́,
Что стал его бурушка поскакивать,
С горы на горы да с хо́лма на́ холму,
Он реки и озера перескакивал,
Где широкие раздолья – между ног пущал.
Буде во́ граде во Киеве,
Как не ясный сокол в перелёт летел,
Добрый молодец да в перегон гони́т,
Не воротми ехал он – чере́з стену́,
Через тую стену городо́вую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому придворью ко вдовиному;
Он на двор заехал безобсылочно,
А в палаты идет да бездокладочно,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников;
Всех он взашей прочь отталкивал,
Смело про́ходил в палаты во вдовиные,
Крест кладет да по-писа́ному,
Он поклон ведет да по-ученому,

На все три, четыре да на стороны,

А честной вдове Офимье Александровне да в особину:

«Здравствýешь, честная вдова, Офимья Александровна!»

Как вслед идут придверники да приворотники,

Вслед идут, всё жалобý творят:

Сами говорят да таково слово:

«Ах ты эй, Офимья Александровна!

Как этот-то удалый добрый молодец,

Он наехал с поля да скорым гонцом,

Да на двор заехал безобсылочно,

В палаты-ты идет да бездокладочно,

Нас не спрашивал у ворот да приворотников,

У дверей не спрашивал придверников,

Да всех взашей прочь отталкивал,

Смело прóходил в палаты во вдовиные».

Говорит Офимья Александровна:

«Ты эй, удалый добрый молодец!

Ты зачем же ехал на сиротский двор да

безобсылочно,

А в палаты ты идешь да бездокладочно,

Ты не спрашивать у ворот да приворотников,

У дверей не спрашивать придверников,

Всех ты взашей прочь отталкиваешь?

Кабы было живо мóе чадо милое,

Молодой Добрыня сын Никитинич,

Отрубил бы он тебе-ка буйну голову

За твои поступки неумильные».

Говорил удалый добрый молодец:

«Я вчера с Добрыней поразъехался,

А Добрыня поехал ко Царю-граду,

Я поехал да ко Киеву».

Говорит честна вдова Офимья Александровна:

«Во тую ли было пору, во первó шесть лет

Приезжал Алеша из чиста поля,

Привозил нам весточку нерадостну,

Что нет жива Добрынюшки Никитича,

Он убит лежит да во чистом поле:

Буйна голова его испроломлена,

Могучи плеча да испрострелены,

Головой лежит да в част ракитов куст.

Я жалешенько тогда ведь по нем плакала,

Я слезила-то свои да очи ясные,

Я скорбила-то свое да лицо белое

По своем роженоем по дитятке,

Я по молодом Добрыне по Никитичу».

Говорил удалый добрый молодец:

«Что наказывал мне братец-от названыя,

Молодой Добрыня сын Никитинич,

Спросить про него, про любиму семью,

А про моло́ду Настасью про Никуличну».

Говорит Офимья Александровна:

«А Добрынина любима семья замуж пошла

За смелого Алешу за Поповича.

Пир идет у них по третий день,

А сегодня им идти да ко Божьёй церк-

ви,
Принимать с Алешкой по злату венцу».
Говорил удалой добрый молодец:
«А наказывал мне братец-от названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич:
Если слу́чит Бог быть на́ пору тебе во Киеве,
То возьми мое платье скоморошское,
Да возьми мои гуселышки яро́вчаты
В новой горенке да все на стопочке».
Как бежала тут Офимья Александровна,
Подавала ему платье скоморошское,
Да гуселышки ему яровчаты.
Накрутился молодец как скоморошиной,
Да пошел он на́ хорош почестный пир.
Идет, как он да на княженецкий двор,
Не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил во палаты княженец-

кие;

Тут он крест кладёт да по-писа́ному,

А поклон ведет да по-ученому,

На все три, четыре да на стороны,

Солнышку Владимиру да в особину:

«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевский

С молодой княгиней со Апраксией!»

Вслед идут придверники да приворотники,

Вслед идут, все жалобу́ творят,

Сами говорят да таково слово:

«Здравствуй, солнышко Владимир стольный киевской!

Как этая удала скоморошина

Наехал из чиста поля скоры́м гонцом,

А теперича идет да скоморошиной,

Нас не спрашивал у ворот да приворотников,

У дверей он нас не спрашивал, придверников,

Да всех нас взашей прочь отталкивал.

Смело про́ходил в палаты княженец-

кие».

Говорил Владимир стольный киевский:

«Ах ты эй, удала скоморошина!

Зачем идешь на княженецкий двор да безобсылочно,

А и в палаты идешь бездокладочно,

Ты не спрашивашь у ворот да приворотников,

У дверей не спрашивашь придверников,

А всех ты взашей прочь отталкивал?»

Скоморошина к речам да не вчуется,

Скоморошина к речам не примется,

Говорит удала скоморошина:

«Солнышко Владимир стольный киевский!

Скажи, где есть наше место скоморошское?»

Говорит Владимир стольнокиевский:

«Что ваше место скоморошское

А на той на печке на муравленой,

На муравленой на печке да на за́печке».

Он вскочил скоро на место на показано,

На тую на печку на муравлену.
Он натягивал тетивочки шелковые,
Тыи струночки да золоченые,
Он учал по стрункам похаживать,
Да он учал голосом поваживать
Играет-то он ведь во Киеве,
А на выигрыш берет во Цари-граде.
Он повыиграл во ограде во Киеве,
Он во Киеве да всех пои́мянно,
Он от старого да всех до малого.
Тут все на пиру игры заслушались,
И все на пиру призамо́лкнулись,
Самы́ говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!
Не быть этой удалой скоморошине,
А какому ни́ быть надо русскому,
Быть уда́лому да добру молодцу».
Говорит Владимир стольнокиевский:
«Ах ты эй, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую,
Опущайся-ко из печи из-за́печка,

А садись-ко с нами да за ду́бов стол,

А за дубов стол да хлеба кушати.

Теперь дам я ти три места три любимыих:

Перво место сядь подли́ меня,

Друго место сопротив меня,

Третье место куда сам захошь,

Куда сам захошь, ещё пожалуешь».

Опущалась скоморошина из печи из муравленой,

Да не села скоморошина подле́ князя́,

Да не села скоморошина да сопротив князя,

А садилась на скамеечку

Сопротив княгини-то обру́чныя,

Против молодой Настасьи да Никуличны.

Говорит удала скоморошина:

«Ах ты, солнышко Владимир стольнокиевский!

Бласлови-ко налить чару зелена́ вина,

Поднести-то эту чару кому я знаю,

Кому я знаю, еще пожалую».

Говорил Владимир стольнокиевский:

«Ай ты эй, удала скоморошина!

Была дана ти пово́лька да великая,

Что захочешь, так ты то делай,

Что ты вздумаешь, да ещё и то твори».

Как тая удала скоморошина

Наливала чару зелена вина,

Да опустит в чару свой злаче́н персте́нь,

Да подносит-то княгине поручёныя,

Сам говорил да таково слово:

«Ты эй, молода Настасья, дочь Никулична!

Прими-ко сию чару едино́й рукой,

Да ты выпей-ко всю чару едины́м духом.

Как ты пьешь до дна, так ты ведашь добра,

А не пьешь до дна, так не видашь добра».

Она приняла чару единой рукой,

Да и выпила всю чару единым духом,

Да обсмотрит в чаре свой злачен перстень,

А которым с Добрыней обручалася,

Сама говорит таково слово:

«Вы эй же, вы, князи, да вы, бóяра,

Вы все же, князи вы и двóряна!

Ведь не тот мой муж, да кой подлú меня,

А тот мой муж, кой супротив меня:

Сидит мой муж да на скамеечке,

Он подносит мне-то чару зелена вина».

Сама выскочит из стола да из-за дубова,

Да и упала Добрыне во резвы ноги,

Сама говорит да таково слово:

«Ты эй, молодой Добрыня сын Никитинич!

Ты прости, прости, Добрынюшка Никитинич,

Что не по-твоему наказу да я сделала,

Я за смелого Алешеньку замуж пошла,

У нас волос долог, да ум короток,

Нас куда ведут, да мы туда идём,

Нас куда везут, да мы туда едем».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую разуму я женскому:
Муж-от в лес, жена и замýж пойдет,
У них волос долог, да ум короток.
А дивую я солнышку Владимиру
Со своей княгиней со Апраксией,
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Апраксии да была свахою,
Они у жива мужа жóну да просватали».
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свою буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю.
Говорит Алешенька Левонтьевич:
«Ты прости, прости, братец мои названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты в той вине прости меня во глупости,
Что я пóсидел подлú твоей любимой

семьи,

Подле мóлодой Настасий да Никуличной».

Говорил Добрыня сын Никитинич:

«А в той вины, братец, тебя Бог простит,

Что ты посидел подли моей да любимой семьи,

Подле молодой Настасий Никуличны.

А в другой вине, братец, тебя нé прощу,

Когда приезжал из чиста поля во перво шесть лет,

Привозил ты весточку нерадостну,

Что нет жива Добрынюшки Никитича;

Убит лежит да на чистом поле.

А тогда-то государыня да моя родна матушка,

А жалешенько она да по мне плакала,

Слезила-то она свои да очи ясные,

А скорбила-то свое да лицо белое, —

Так во этой вине, братец, тебя нé прощу».

Как ухватит он Алешу за желты куд-

ри,

Да он выдернет Алешку через дубов стол,

Как он бросит Алешку о кирпичей мост,

Да повыдернет шалыгу подорожную,

Да он учал шалыгищем охаживать,

Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь;

Да только-то Алешенька и женат бывал,

Ну столько-то Алешенька с женой спа́л.

Всяк-то, братцы, на́ веку ведь женится,

И всякому женитьба удавается,

А не дай Бог женитьбы той Алешиной.

Тут он взял свою да любиму́ семью,

Молоду Настасью да Никуличну,

И пошел к государыне да и родной матушке,

Да он здыял доброе здоровьице.

Тут век про Добрыню старину́ скажут,

А синему морю на ти́шину,
А всем добрым людям на послу́шанье.

Алеша Попович едет в Киев

Во славном было во городе во Ростове,
У того попа Ростовского
Едино было чадо милое,
Удал добрый молодец на возрасте,
По имени Алешенька млад;
И стал Алешенька конем владеть,
И стал Алешенька мечом владеть.
Приходит Алешенька ко своему родителю,
К тому попу Ростовскому,
И падает ему во резвы ноги
И просит у него благословеньица
Ехать да во чисто поле во раздольице,
К тому ли ко синю морю,
На те же тихи заводи —
Стрелять гусей, белых лебедей,
Перистых пушистых серых утицей,
И стрелять во мерочки во польские,
Во то ли вострие ножевое.

И просил он себе у родного батюшки,
У того ли попа Ростовского,
Себе дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую.
И дал ему Ростовский поп,
Своему чаду милому,
Благословенье с буйной головы до резвых ног.
И пошел же Алешенька на конюшен двор
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрыих,
Надевали они на коней седелушка черкальские,
И затягивали подпруги шелковые,
И застегивали костылечки булатные
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговаривают:
«Уж ты, конь, ты, конь, лошадь добрая!
Не оставь ты, конь, во чистом поле
Серым волкам на растерзанье,
Черным воронам на возграенье,

А сильным поляницам на восхваленье».
Надевали на коней узду тесмяную,
И сами коню приговаривают:
«То не для-ради басы – ради крепости,
А не для-ради поездки богатырския,
Для-ради выслуги молодецкия».
Надевал Алешенька латы кольчужные,
Застегивал пуговки жемчужные
И нагрудничек булатный
И брал свою сбрую богатырскую:
Во-первых, копье долгомерное,
Во-вторых, саблю острую,
Во-третьих, палицу боевую,
В налушничек тугой лук
Да двенадцать стрелочек каленых;
Не забыл чинжалище, свой острый нож.
Только видели удала, как в стремена вступил,
А не видели поездки богатырския;
Только видели – в чистом поле курево стоит,

Курево стоит да дым столбом валит.
У рек молодцы не стаивали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ехали из утра день до вечера
И доехали до расстаньюшка великого
На три дорожечки широкие:
Первая дорожечка во Киев-град,
Друга дорожечка во Чернигов-град,
Третья дорожечка ко синю морю,
Ко тому ко камешку ко серому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На те же тихи вешни заводи.
И говорил тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружина добрая!
В котору дорожку наш путь лежит —
В Киев ли ехать, аль в Чернигов,
Аль к тому морю синему?»
И говорит дружина хоробрая:
«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!
Если ехать нам да во Чернигов-град,
Есть во Чернигове вина заморские,
Вина заморские да заборчивые:

По стаканчику выпьем – по другому хочется,

А по третьему выпьешь – душа горит;

Есть там калашницы хорошие:

По калачику съедим – по другому хочется,

По другому съедим – по третьему душа горит.

Есть там девушки хорошие:

Если на девушку взглянешь, так загуляешься,

И пройдет про нас славушка немалая,

Ото востока слава до запада,

До того города до Ростовского,

До того ли попа до Ростовского,

До твоего батюшки-родителя.

Поедем-ка мы, Алешенька, в Киев-град

Божьим церквам помолитися,

Честным монастырям поклонитися».

И поехали они ко городу ко Киеву.

Под тем под городом под Киевом

Сослучилося несчастьице великое:

Обостала его сила неверная

Из той орды да великия,
По имени Василий Прекрасный,
И страшно, грозно подымается,
Нехорошими словами похваляется:
Хочет красен Киев в полон взять,
Святые церкви в огонь спустить,
А силу киевску с собою взять,
А князя Владимира повесить,
Евпраксию Никитичну взамуж взять.
И говорил-то тут Алеша Попович млад:
«Уж ты гой еси, дружинушка хоробрая!
Не поедем-ка мы теперича во Киев-град,
А напустимся на рать-силу великую,
На того ли Василия Прекрасного,
И слободим от беды крашен Киев-град;
Выслуга наша не забудется,
А пройдет про нас слава великая
Про выслугу нашу богатырскую,
И узнат про нас старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец сын Иванович,
Не дошедши старик нам поклонится».
И попускал он с дружинушкой хороброю
На ту силу-рать великую,
На того Василия Прекрасного,
И прибили тую силу-рать великую —
Кое сами, кое кони топчут,
И разбежалась рать-сила великая
По тому полю широкому,
По тем кустам ракитовым,
Очистила дорожку прямоезжую.
Заезжали они тогда во красен Киев-град,
Ко тем же ко честным монастырям.
И спросил-то их Владимир-князь:
«И откуль таки вы, добры молодцы,
И коими дорогами, каким путем?» —
«Заехали мы дорожкой прямоезжею».
И не просил их князь на почестей стол,
И садились тут добры молодцы на добрых коней,

И поехали они во чисто поле,
Ко тому ли городу Ростовскому,
Ко тому ли попу Ростовскому.
Прошла славушка немалая
От того ли города Ростовского
До того ли до города до Киева,
До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистого,
До тое ли березоньки кудрявыя,
До того ли шатра белополотняного,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоезжая
От того ли Алешеньки Поповича.
И сам же старый да удивляется:
Уж как ездили добры молодцы да по чисту полю,
А не заехали удалы добры молодцы ко старому
Хлеба-соли есть да пива с медом пить.
Садится стар да на добра коня,
Приезжает стар да в красен Киев-град,

Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжескому,
Ко тому ли крылечику прекрасному.
Не ясен сокол да опускается,
А то стар казак с коня соскакивает,
Оставляет коня не приказана, не привязана;
Забегает стар на красно крыльцо,
И проходит новы сени,
И заходит во светлу гридню,
И приходит старый, Богу молится,
На все стороны поклоняется,
Челом бьет ниже пояса:
«Уж ты здравствуешь, князь стольно-киевский!
Уж ты здравствуешь, Апраксия-королевична!
Поздравляем вас с победою немалою.
Залетали ль сюда добры молодцы,
По имени и Алешенька Попович млад
Со своей дружинушкой хороброю?»

Отвечает ему князь стольнокиевский:

«Заезжали добры молодцы ко тем честным

монастырям,

Уж я их к себе в дом да не принял,

И уехали они во далече чисто поле».

И сказал тут стар казак:

«Собери-тко-ся, князь Владимир, почестен пир,

Позови-тко-ся Алешу Поповича на почестен пир,

Посади-тко-ся Алешу во большо место

И уподчуй-ка-ся Алешу зеленым вином,

Зеленым вином да медом сладкиим,

И подари-тко-ся Алешу подарочком великиим.

И прошла уж славушка немалая

Про того Алешеньку Поповича

До той орды до великия,

До той Литвы до поганыя,

До того Батея Батеевича». —

«Да кого же нам послать за Алешенькой,

Да попросить его на почестей пир?

И послать нам Добрынюшку Никитича».

И поехал Добрынюшка Никитич млад.

Не дошедши, Добрынюшка низко кланялся:

«Уж ты гой еси, Алеша Попович млад!

Поедем-ка-ся во красен Киев-град,

Ко ласкову князю ко Владимиру,

Хлеба-соли есть да пива с медом пить,

И хочет тебя князь пожаловать».

Ответ держит Алеша Попович млад:

«На приезде гостя не употчевал,

На отъезде гостя не употчевать».

Говорит тут Добрынюшка во второй након:

«Поедем, Алешенька, во красен Киев-град

Хлеба-соли есть, пива с медом пить,

И подарит тебя князь подарочком хорошим.

Да еще звал тебя старый казак

Илья Муромец сын Иванович,

Да звал тебя Дунаюшко Иванович,
Да звал тебя Василий Касимеров,
Да звал тебя Потанюшко Хроменький,
Да звал тебя Михайлушко Игнатьевич».
Тогда садился Алеша на добра коня
С той дружинушкой хороброю,
Поехали они во далече чисто поле,
Ко тому ко граду ко Киеву,
И заезжают они не дорожкой, не воротами,
А скакали через стены городовые,
Мимо тое башенки наугольные,
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясен сокол с воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своих коней соскакивают —
У того же столба у точеного,
У того же колечка золоченого;
А оставили коней неприказанных, непривязанных.
Выходил тут на крыльцо старый казак

Со князем со Владимиром, со княгинюшкой

Апраксиею;

По колено-то у Апраксии наряжены ноги в золоте,

А по локоть-то руки в скатном жемчуге,

На груди у Апраксии камень и цены ему нет.

Не дошедши, Апраксия низко поклонилася

И тому же Алешеньке Поповичу:

«Уж многодетно здравствуй, ясен сокол,

А по имени Алешенька Попович млад!

Победил ты немало силы нонь,

И слободил ты наш красен Киев-град

От того ли Василия Прекрасного;

Чем тебя мы станем теперь, Алешу, жаловать?

Пожаловать нам села с приселками,

А города с пригородками!

И тебе будет казна не затворена,

И пожалуй-ка-ся ты к нам на почестен стол».

И брала Алешеньку за белу руку

И вела его в гридни столовые,

Садила за столы дубовые,

За скатерти перчатные,

За кушанья сахарные,

За напитки разналивчатые,

За тую же за матушку белу лебедь.

Да сказал же тут Владимир стольно-киевский:

«Слуги верные, наливайте-ткось зелена вина,

А не малую чарочку – в полтора ведра;

Наливайте-ткось еще меду сладкого,

Наливайте-ткось еще пива пьяного,

А всего четыре ведра с половиною».

И принимает Алешенька одною рукой,

И отдает чело на все четыре стороны,

И выпивал Алешенька чары досуха;

А особенно поклонился старику Илье Муромцу,

И тут-то добры молодцы поназвани-

лись:

Назвался старый братом старшим,

А середниим – Добрынюшка Никитич млад,

А в-третьих – Алешенька Попович млад,

И стали Алешеньку тут жаловать:

Села с приселками, города с пригородками,

А казна-то была ему не закрыта.

И ставал тут Алеша на резвы ноги,

И говорил Алеша таково слово:

«Не надоть мне-ка села с приселками,

Не надоть мне города с пригородками,

Не надоть мне золотой казны,

А дай-ка мне волю по городу Киеву,

И чтобы мне-ка кабаки были не заперты,

А в трактирах чтобы гулять дозволялося».

И брал он тут свою дружинушку хорошую да хоробрую

И своих братьицей названых.

И гуляли они времени немало тут, —
Гуляли неделю, гуляли две,
А на третью неделю просыпалися,
И садилися удалы на добрых коней,
Поехали во далече чисто поле,
В то раздольице широкое.

Бой Добрыни с Ильей Муромцем

Ай доселева Рязанюшка слободой слыла,
Уж нонче Рязань слывет городом.
А во той во Рязани да во Великои
Уж жил-то был да торговый гость
На имя Микитушка Романович.
Ай живучи Микитушка престарился,
Престарился Микитушка, преставился.
Оставалась у Микиты любима семья,
Любима семья да молода жена;
Оставалось у Микиты да чадо милое,
Чадо милое у Микитушки любимое
На имя Добрынюшка Микитич млад,
Малешенек оставался да все глупешенек,
Уж стал Добрынюшка ровно трех годов.
Прошло времечка тут много, прокатилося,

Уж стал-то Добрыня да семи годов,
Уж стал-то Добрынюшка побегивать,
На улочку он стал да похаживать
Да со малыми ребятами всё поигрывать.
Он стал-то ведь ребят приобиживать:
Которого ребенка хватит за руку,
Которого ребенка да хватит за ногу.
Непомерная игра была да вредная, —
Уж вредил-то много он ребятушек.
Отцы-матери да они жалились
На того на Добрынюшку на Микитича.
Ай он стал Добрынюшка лет двенадцати,
Захотелося Добрыне в поле съездити,
Посмотреть-то нонче широка́ поля,
Посмотреть-то раздольицев широких,
Испытать бы нонче да коня доброго,
Посмотреть уж сбруи да лошадинои,
Захотелось посмотреть платьица богатырского.
Надевал он нонче латы богатырские:

«Посмотри-ко ты, матушка родимая,

Нахожу ли я да на богатыря?»

Ой сговорил он матушке родимои:

«Дай-ко мне, матушка, благословленьице

Уж ехать бы мне во чисто поле

Посмотреть-то раздольица широкого,

Посмотреть-то шоломя окатисто».

Говорит ему матушка таково слово:

«Уж ты ой еси, дитя мое рожоное!

Ты малешенек, Добрынюшка, глупешенек

Да неполного ума да пути-разума».

Ай говорил-то Добрыня да во второй након,

Уж падал-то ей да во резвы ноги:

«Уж хочется, матушка, ехать во чисто поле,

Посмотреть-то мне раздолья широкого».

Он уже падал-то нонче во третей након:

«Уж ты дай, матушка, благословле-

ньице

С буйной головы мне до резвых ног».

Заплакала Омельфа да Тимофеевна:

«Не хотелось бы спустить тебя, чадо милое, —

Не знаешь ты ухватки богатырскои,

Не слыхал ты весточки богатырскои,

Не спроведал ты силы богатырскои».

Еще дала ему матушка благословленьице

Да с буйной-то главы да все до резвых ног.

Распростился Добрыня с матушкой,

Он пошел-то на конюшен двор,

Уздал-то, седлал коня доброго,

Подстегивал двенадцать подпруг шелковых,

Тринадцату подпругу через степь лошадиную.

Он брал с собой палицу тяжелую,

Не малу – не велику да сорока пудов;

Он брал копейце бестрименское,

Бестрименское копьице долгомерное;

Уж брал он сабельку да вострую,
Вострую-то сабельку не кровавленую.
Скакал Добрынюшка на добра коня[…].
Да не видели поездки богатырскои.
Прошла славушка да всё великая
По всем-то землям, по всем городам,
Дошла та славушка до города до Мурома,
До старого казака да Ильи Муромца.
А седучи старóй он не мог сидеть,
Скочил-то старóй да на резвы ноги,
Да умом-то своим он рóзмышлял:
«Доселева Рязань да слободой слыла,
Отчего же нонче словет она городом?»
Пошел-то старóй да одеватися.
Надевал он на себя да платье цветное,
Надевал он на себя кунью шубочку[…],
Опоясочку опоясывал во пятьсот рублей,
Шапочку-курчавочку во пятьсот рублей:
«Да пускай-то бьют, грабят ведь,

Как у старого нонче силы не по-прежнему,

Как у старого догадки не по-прежнему,

Борода-то бела да голова седа».

Как уздал-то, седлал да коня доброго,

Подстегивал двенадцать подпруг шелковых,

Тринадцату тянул через степь лошадиную,

Да не ради басы, да ради крепости,

Уж той прикрепы да богатырскои.

Он скакал старой да на добра коня.

Ай ступал Илья да во стремена,

Во те же во стремена во булатные,

Да садился он на добра коня,

Да поехал-то нонче да по чисту полю,

По тому же по раздольицу по широкому, —

Уж пыль-то была нонче да все столбом валит.

Выезжал он на шоломя на окатисто

Да смотрел он на Рязань да на Великую:

Хорошо-то Рязанюшка да изукрашена,

Красным золотом Рязань да испосажена,

Скатным жемчугом она да вся украшена.

Приезжает во Рязанюшку во Великую,

Играют тут маленьки ребятушка.

Говорил-то старой да таково слово:

«Еще где то вдовиное подворьице,

Еще где живет Омельфа да Тимофеевна?»

Ай говорят-то уж маленьки ребятушка:

«Уж эвоно вдовиное подворьице,

И не мало – не велико, на семи верстах».

Приезжал он к Омельфе да Тимофеевне,

Кричал-то, зычал громким голосом:

«Уж ты ой еси, Омельфа да Тимофеевна!

Уж ты дай мне нонче да такова борца,

Уж на имя Добрынюшку Микитича».

Испугалася нонче да молода вдова:
Приопали да руки белые,
Подломилися да резвы ножечки.
Говорила Омельфа да Тимофеевна:
«Старый казак да Илья Муромец,
Уж милости просим ко мне в гости ведь,
Пить-то у меня да зелена вина,
Пить-то бы нонче да пива сладкого».
Ай он кричал во всю да нонче голову.
Мать сыра земля да потрясалася,
Как околенки у вдовы да поломалися,
Уж питья разналичные да поплескалися,
Стакашки со подносов да покатилися.
Ай поворачивал Илья да коня доброго.
Говорила она стару казаку Илье Муромцу:
«Уж ждать мне гостя, не дождатися,
Уж звать мне гостя, не дозватися.
Ты наедешь моего да чада милого, —
Не моги ты его сказнить, моги помиловать,

Не ослези моёго да всё подворьица».
Не видела поездки да богатырскои,
Только видела: в поле курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит.
Поехал-то старой да по чисту полю
Да выезжал он на шоломя на окатисто,
Разъехался нонче да по чисту полю,
Утешался утехами богатырскими:
А выкидывал палицу тяжелую,
Высоко выкидывал по поднебесью;
Уж востро-то копьице выкидывал,
Единой-то рукой все подхватывал;
Как выкидывал саблю вострую,
Высоко ведь выкидывал по поднебесью,
Да подхватывал единой рукой левою.
Ай Добрынюшка выезжал из чиста поля,
Выезжал-то на шоломя на окатисто.
Захотелося Добрыне да посмотрети ведь
Да во ту же во трубочку во подзорную,

Во подзорную трубочку в одноглядную.
Ай да утешался ведь Добрынюшка,
Забавлялся утехами богатырскими;
А выкидывал он палицу тяжелую,
Высоко выкидывал по поднебесью:
«Уж так же мне бы владать палицей,
Еще так же владать да Ильей Муромцем».
А выкидывал он копьице беструпенское:
«Уж так же мне владать да Ильей Муромцем».
Уж тут же было да нонче сабелькой:
«Ай бы мне сабельку окровавити, —
Захотелось мне с Ильей Муромцем поборотися».
Ай поезжал скоренько во чисто поле,
Приезжал он к старому близко-на́близко.
Да не две же тученьки скатилося,
Да не две же горы сдвигалося, —
Ай соезжалися богатыри на коничках, —

Они друг-то друга да не ранили;
Ударили друг друга да палицьми,
Тяжелыми палицьми, сорока пудов, —
Они друг друга да тем не ранили;
Сотыкнулися богатыри да ведь копьями, —
Уж копьица по насадочкам свернулися;
Ай секлись они саблями вострыми —
Только сабельки да пощербалися,
Они друг друга да все не ранили.
Ай скакали богатыри да со добрых коней
Да схватились плотным боем, рукопашкою.
Они день-то боролись да всё до вечера,
Уж красного солнышка все до запада,
А до запада да все до заката.
По колен-то в землю втоптались.
По суду-то было да все по-божьему,
По Добрыниной-то было все по у́части.
Как у старого скользёнула да права ножечка,
Сдала-то у старого да лева ручушка, —

Уж мастер был Добрынюшка бороти-ся,

Он бросил старого да на сыру землю.

Мать сыра земля да потрясалася,

Во озерах вода да сколыбалася,

Дубьё-то нонче да пригибалося,

Вершинка с вершиночкой сплеталася.

А Добрынюшка у Ильи Муромца на доб-рых грудях.

Уж у старого Добрынюшка спрашивает:

«Уж коего ты города, коей земли?

Да чьего ты отца да родной матуш-ки?»

Говорит-то старой да таково слово:

«Кабы я у тебя был да на белы́х грудях,

Я порол бы у тебя да груди белые,

Я смотрел бы у тебя да ретиво́ сердце».

Ай выспрашивает Добрыня во второ́й након,

Уж выспрашивает Добрыня во трете́й након:

«Уж коего ты города, коей земли?

Да которого ты отца, которой матуш-

ки?»

Говорит-то старой да таково слово:

«Кабы был я у тебя на белых грудях,

Я порол бы твои да груди белые,

Досмотрел бы у тебя да ретиво сердце».

А сказался после Илья Муромец:

«Я того же города да Мурома,

Я старой казак да Илья Муромец».

А скакал-то Добрыня на резвы ноги,

Подымал он его да за белы руки,

Говорил старому таково слово:

«Прости ты, батюшко да старóй казак,

Ты прости меня да во первóй вины,

Не ослези ты вдовиного подворьица».

Уж тут-то старой да выговаривал:

«Уж ты мастер, Добрынюшка, боротися.

А прошло-то старому нонче времечко:

Не стало ухватки да богатырскои,

Да не стало у меня силы прежние.

Тебя бог простит, да Добрынюшка,

Во первой-то вины я прощу тебя[…].

Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад!

Ты малешенек, Добрыня, да глупешенек,

Уж от роду тебе да всё двенадцать лет».

Тут-то богатыри побра́тались,

Побратались они да покрестовались

Да честными крестами да Леванидовыми;

Они клали заповедь великую:

При боях бы нонче, при компаньюшках,

При великом бы нонче да кроволитьице

Не находить-то дружку да ведь на друга.

Скакали-то они на добрых коней

Да поехали богатыри по чисту полю.

Захотелось старому позабавиться,

Говорит он Добрыне таково слово:

«Поправдаемся мы добрым конем».

Добрынюшка бил коня по крутым

ребрам, —

Полетел-то у Добрыни добрый конь,

Полетел Добрыня, аки сокол же.

Оглянулся назад Добрынюшка, —

Назади-то старого не видно ведь.

Он кричал-то, зычал да громким голосом:

«Уж ты ой еси, да названый брат!

Уж где ты нонче да оставляешься?»

Старой скричал, зычал громким голосом:

«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад!

Не по-прежнему у меня Сивушка-Бурушко».

Они съехались богатыри, вдруг поехали

Да во ту же во Рязань да во Великую.

Приезжали во Рязанюшку Великую

Да к тому же широку двору.

Ай встречает Добрынина матушка,

Да встречает его, всех от радости,

От великого она да от желания.

Заезжали богатыри на широкий двор,

Разуздали своих коней добрых,
А скидывали сбрую лошадиную,
Насыпали пшеницы белояровой,
Наливали воды да все медовыи.
Заходили богатыри в светлу светлицу,
Скидывали платьице богатырское.
Нонче ведь богатыри пировать стали.
Прошло время трои суточки, —
Говорит-то старой да таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка названый брат!
Пора мне ехать да во Муром-град».
Распростились богатыри скоро-на́скоро,
Провожали старого да ведь нонеча.
Благодарила его Добрынина матушка:
«Спасибо те, старой казак Илья Муромец!
Ты оставил моего да чада милого».
Провожали ведь старого с широка двора.
Да поехал-то старой скоро-на́скоро.

Алеша Попович и Тугарин Змеевич

Из да́лече-дале́че, из чиста́ поля

Тут едут удалы два молодца,

Едут конь-о́-конь да седло-о́-седло,

Узду-о́-узду да тосмяную,

Да сами меж собой разговаривают:

«Куцы нам ведь, братцы, уж как ехать будёт?

Нам ехать – не ехать нам в Суздаль град?

Да в Суздале-граде питья много,

Да будет добрым молодцам испропитися, —

Пройдет про нас славушка недобрая.

Да ехать – не ехать в Чернигов-град?

В Чернигове граде девки хороши,

С хорошими девками спознаться будёт,

Пройдёт про нас славушка недобрая.

Нам ехать – не ехать во Киев-град?

Да Киеву-городу на оборону,

Да нам, добрым молодцам, на вы́хвальбу».

Приезжают ко городу ко Киеву,

Ко тому же ко князю ко Владимиру,

Ко той же ко гриденке ко светлоей.

Ставают молодцы да со добрых коней,

Да мецют коней своих невязаных,

Никому-то коней да неприказанных,

Никому-то до коней да, право, дела нет.

Да лазят во гриденку во светлую,

Да крест-от кладут-де по-писаному,

Поклон-от ведут да по-ученому,

Молитву творят да все Исусову.

Они бьют челом на вси четыре стороны,

А князю с княгиней на особинку:

«Ты здравствуй, Владимир стольнокиевской!

Ты здравствуй, княгина мать Апраксия!»

Говорит-то Владимир стольнокиевской:

«Вы здравствуй, удалы добры молодцы!
Вы какой же земли, какого города?
Какого отца да какой матушки?
Как вас молодцов да именём зовут?»
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Меня зовую Олёшей нынь Поповицём,
Попа бы Левонтья сын Ростовского,
Да другой-от Еким – Олёшин паробок».
Говорит тут Владимир стольнокиевской:
«Давно про тя весточка прохаживала,
Случилося Олёшу в очи видети.
Да пе́рво те место да подле́ меня,
Друго тебе место – супроти́в меня,
Третье тебе место – куды сам ты хошь».
Говорит-то Олёшенька Поповиць-от:
«Не седу я в место подле тебя,
Не седу я в место супротив тебя,
Да седу я в место куды сам хоцю,
Да седу на пецьку на муравленку,
Под красно хоро́шо под трубно́ окно».

Немножно поры де миновалося
Да на пяту гриня отпиралася,
Да лазат-то чудо поганоё,
Собака Тугарин был Змеевич-от.
Да Богу собака не молится,
Да князю с княгиней не кланятся,
Князьям и боярам он челом не бьет.
Вышина у собаки ведь уж трех сажон,
Ширина у собаки ведь двух охват,
Промеж ему глаза да калена стрела,
Промеж ему ушей да пядь бумажная.
Садился собака он за дýбов стол,
По праву руку князя он Владимира,
По леву руку княгины он Апраксин.
Олёшка на запечье не ýтерпел:
«Ты ой есь, Владымир стольнокиевской!
Али ты с княгиней не в любе живешь?
Промежу вами чудо сидит поганое,
Собака Тугарин-от Змеевич-от».
Принесли-то на стол да как белу лебедь,
Вынимал-то собака свой булатен нож,

Поддел-то собака он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,
Со щеки-то на щеку перемётыват,
Лебяжьё костьё да вон выплюиват.
Олёша на запечье не у́терпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского
Было старо собачишшо дворовоё,
По подстолью собака волочилася,
Лебяжею костью задавилася,
Собаке Тугарину не мину́ть того, —
Лежать ему во да́лече в чистом поле».
Принесли-то на стол да пирог столовой.
Вымал-то собака свой булатен нож,
Поддел-то пирог да на булатен нож,
Он кинул, собака, себе в гортань.
Олёша на запечье не у́терпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского
Было старо коровишшо дворовое,
По двору-то корова волочилася,

Дробиной корова задавилася,
Собаке Тугарину не мину́ть того, —
Лежать ему во далечем чисто́м поле».
Говорит-то собака нынь Тугарин-от:
«Да што у тя на запечье за смерд сидит,
За смерд-от сидит да за заселбщина?»
Говорит-то Владымир стольнокиевской:
«Не смерд-от сидит да не засельщина,
Сидит руськой могучей да богатырь
А по имени Олёшенька Попович-от».
Вымал-то собака свой булатен нож,
Да кинул собака нож на запечьё,
Да кинул в Олёшеньку Поповиця.
У Олёши Екимушко подхватчив был,
Подхватил он ведь ножицёк за че́решок;
У ножа были припои нынь серебряны,
По весу-то припои были двенадцать пуд.
Да сами они-де похваляются:
«Здесь у нас дело заезжее,

А хлебы у нас здеся завозныя,

На вине-то пропьём, хоть на калаче проедим».

Пошел-то собака из застолья вон,

Да сам говорил-де таковы речи:

«Ты будь-ко, Олёша, со мной на полё».

Говорит-то Олёша Поповиць-от:

«Да я с тобой, с собакой, хоть топерe готов».

Говорит-то Екимушко да паробок:

«Ты ой есь, Олёшенька названой брат!

Да сам ли пойдешь али меня пошлешь?»

Говорит-то Олёша нынь Поповиць-от:

«Да сам я пойду да не тебя пошлю».

Пошел Олёша пеш дорогою,

В руки взял шалыгу подорожную

Да этой шалыгой подпирается.

Он смотрел собаку во чистом поле —

Летает собака по поднебесью,

Да крыльё у коня ноньце бумажноё,

Он в та поры Олёша сын Поповиць-от,

Он молится Спасу Вседержителю,
Чудной Мати Божьей Богородици:
«Уж ты ой еси, Спас да Вседержитель наш!
Чудная есть Мать да Богородиця!
Пошли, Господь, с неба крупна дождя,
Подмочи, Господь, крыльё бумажноё,
Опусти, Господь, Тугарина на сыру землю».
Олёшина мольба Богу доходна была,
Послал Господь с неба крупна дождя,
Подмочилось у Тугарина крыльё бумажное,
Опустил Господь собаку на сыру землю.
Да едёт Тугарин по чисту полю,
Кричит он, зычит да во всю голову:
«Да хошь ли, Олёша, я конем стопчу?
Да хошь ли, Олёша, я копьем сколю?
Да хошь ли, Олёша, я живком сглону?»
На то де Олёшенька ведь вёрток был —
Подвернулся под гриву лошадиную.
Да смотрит собака по чисту полю:

«Да где же Олёша нынь стоптáн лежит?»
Да в та поры Олёшенька Поповиць-от
Выскакивал из-под гривы лошадиноей,
Он машет шалыгой подорожною
По Тугариновой де по буйной головы.
Покатилась голова да [с] плеч как пуговиця,
Свалилось трупьё да на сыру землю.
Да в та поры Олёша сын Поповиць-от
Имает Тугаринова добра коня,
Левой-то рукой да он коня держит,
Правой-то рукой да он трупьё секет.
Россек-то трупьё да по мелкý частью,
Розметал-то трупьё да по чистý полю,
Поддел-то Тугаринову буйну голову,
Поддел-то Олёша на востро копье,
Повез-то ко князю ко Владимиру.
Привез-то ко гриденке ко светлоей,
Да сам говорил де таковы речи:
«Ты ой есь, Владимир стольнокиевской!
Буде нет у тя нынь пивна котла, —

Да вот те Тугаринова буйна голова;
Буде нет у тя дак пивных больших чаш,
—
Дак вот те Тугариновы ясны оци;
Буде нет у тя да больших блюдишшов,
—
Дак вот те Тугариновы больши ушишша».

Алеша Попович и сестра братьев Петровичей

А во стольном во городе во Киеве,

Вот у ласкова князя да у Владимира,

Тут и было пирóванье-столóванье,

Тут про русских могучих про богáтырей,

Вот про думных-то бояр да толстобрюхиих,

Вот про дальних-то купцей-гостей торговыих,

Да про злых-де поляниц да преудáлыих,

Да про всех-де хрестьян да православныих,

Да про честных-де жен да про купеческих.

Кабы день-от у нас идет нынче ко вечеру,

Кабы солнышко катится ко западу,

А столы-те стоят у нас полýстолом,

Да и пир-от идет у нас полýпиром;

Кабы вси ле на пиру да напивалися,

Кабы вси-то на честном да пьяны-веселы,

Да и вси ле на пиру нынь прирасхвасталисъ,

Кабы вси-то-де тут да приразляпались;

Как иной-от-де хвастат своей силою,

А иной-от-де хвастат своей сметкою,

А иной-от-де хвастат золотой казной,

А иной-от-де хвастат чистым серебром,

А иной от-де хвастат скатным жемчугом,

И иной-от-де домом, высоким теремом,

А иной-от-де хвастат нынь добры́м конем,

Уж как умной-от хвастат старой матерью,

Как глупой-от хвастат молодой женой.

Кабы князь-от стал по полу похаживать,

Кабы с ножки на ножку переступывать,

А сапог о сапог сам поколачиват,

А гвоздёк о гвоздёк да сам пощалкиват,

А белыми-ти руками да сам размахиват,

А злачными-то перстнеми да принабрякиват,

А буйной головой да сам прикачиват,

А желтыми-то кудрями да принатряхиват,

А ясными-то очами да приразглядыват,

Тихо-смирную речь сам выговариват;

Кабы вси-ту-де тут нонь приумолкнули,

Кабы вси-ту-де тут нонь приудрогнули:

«Ох вы ой есь, два брата родимые,

Вы Лука-де, Матвей, дети Петровичи!

Уж вы что сидите будто не веселы?

Повеся вы держите да буйны головы,

Потупя вы держите да очи ясные,

Потупя вы держите да в мать сыру

землю.

Разве пир-от ле для вас да всё нечестен был:

Да подносчички для вас были невежливы,

А невежливы были, да не очéстливы?

Уж как винны-то стаканы да не дохóдили,

Али пивны-то чары да не донóсили?

Золота ле казна у вас потратилась?

Али добры-ти кони да приуезжены?»

Говорят два брата, два родимые:

«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!

А пир-от для нас право честен был,

А подносчички для нас да были вежливы,

Уж как вежливы были и очестливы,

Кабы винны стаканы да нам доносили,

Кабы пивные-ти чары да к нам доходили,

Золотая казна у нас да не потратилась,

Как и добрых нам коней не заездити,

Как скачен нам жемчуг да все не выслуга,

Кабы чистое серебро – не по́хвальба,

Кабы есть у нас дума да в ретиво́м сердце́:

Кабы есть у нас сестра да всё родимая,

Кабы та же Анастасья да дочь Петровична,

А никто про нее не знат, право, не ведает,

За семима-те стенами да городовыми,

За семима-ти дверьми да за железными,

За семима-те замками да за немецкими».

А учуло тут ведь ухо да богатырское,

А завидело око да молодецкое,

Тут ставает удалый да добрый молодец

Из того же из угла да из переднего,

Из того же порядку да богатырского,

Из-за того же из-за стола середнего,

Как со той же со лавки, да с дубовой доски,

Молодые Алешенька Попович млад;

Он выходит на сéреду кирпищат пол,

Становился ко князю да ко Владимиру:

«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!

Ты позволь-ко, позволь мне слово вымолвить,

Не позволишь ле за слово ты сказнить меня,

Ты казнить, засудить, да голову сложить,

Голову-де сложить, да ты под меч склонить».

Говорит-то-де тут нынче Владимир-князь:

«Говори ты, Алеша, да не упадывай,

Не единого ты слова да не уранивай».

Говорит тут Алешенька Попович млад:

«Ох вы ой еси, два брата, два родимые!

Вы Лука-де, Матвей, дети Петровичи!

Уж я знаю про вашу сестру родимую, —
А видал я, видал да на руки сыпал,
На руки я сыпал, уста целóвывал».
Говорят-то два брата, два родимые:
«Не пустым ли ты, Алеша, да похваляешься?»
Говорит тут Алешенька Попович млад:
«Ох вы ой еси, два брата, два родимые!
Вы бежите-ко нынь да вон на улицу,
Вы бежите-ко скоре да ко свою двору,
Ко свою вы двору, к высоку терему,
Закатайте вы ком да снегу белого,
Уж вы бросьте-ткось в окошечко косящато,
Припадите вы ухом да ко окошечку, —
Уж как чё ваша сестра тут говорить станет».
А на то-де ребята не ослушались,
Побежали они да вон на улицу,
Прибежали они да ко свою двору,
Закатали они ком да снегу белого,
Они бросили Настасье да во окошечко,

Как припали они ухом да ко окошечку,

Говорит тут Настасья да дочь Петровична:

«Ох ты ой еси, Алешенька Попович млад!

Уж ты что рано идешь да с веселá пирý?

Разве пир-от ле для те право не честен был?

Разве подносчички тебе были не вежливы?

А невежливы были да не очестливы?»

Кабы тут-де ребятам за беду сталó,

За великую досаду показалося,

А хочут они вести ее во чистó поле.

Кабы тут-де Алешеньке за беду стало,

За великую досаду показалося.

«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!

Ты позволь мне, позволь сходить посвататься,

Ты позволь мне позвать да стара кáзака,

Ты позволь мне – Добрынюшку Никитича,

А ребята-ти ведь роду-ту ведь вольного,

Уж как вольного роду-то, смиренного».

Уж позволил им солнышко Владимир-князь,

Побежали тут ребята скоро-наскоро,

Они честным порядком да стали свататься.

Подошли тут и русски да три богатыря,

А заходят во гридню да во столовую,

Они Богу-то молятся по-ученому,

Они крест-от кладут да по-писаному.

Как молитву говорят полну Исусову,

Кабы кланяются да на вси стороны,

А Луки да Матвею на особицу:

«Мы пришли нынь, ребята, к вам посвататься,

Кабы с честным порядком, с весела пиру,

А не можно ле как да дело сделати?

А не можно ле отдать сестра родимая?»

Говорит тут стар казак Илья Муромец:

«Не про нас была пословица положена,

А и нам, молодцам, да пригодилася:

Кабы в первой вины да, бывать, Бог простит,

А в другой-то вины да можно вам простить,

А третья-то вина не надлежит еще».

Подавал тут он ведь чару зелена́ вина,

Не великую, не малу – полтора ведра,

Да припалнивал меду тут да сладкого,

На закуску калач да бел крупищатый;

Подают они чару да обема́ рукми́,

Поближешенько они к има́ да придвигаются,

Понижешенько они им да поклоняются,

А берут-то-де чару едино́й рукой,

А как пьют-ту-де чару к едину́ духу́,

Кабы сами они за чарой выговаривают:

«А оммыло-де наше да ретиво сердцё,
Звеселило у нас да буйну голову».
Веселы́м-де пирком да они свадебкой
Как повыдали сестру свою родимую
За того же Алешеньку Поповича.

Богатыри Киевского цикла

Глеб Володьевич

А как падала погодушка да со синя́ моря́,

А со синя морюшка с Корсу́ньского

А со дожжами-то, с туманами.

А в ту-ту погоду синеморскую

Заносила тут неволя три черненых три-то ка́рабля

Что под тот под славен городок под Ко́рсунь жа,

А во ту-то всё гавань всё в Корсуньскую.

А во том-то городе во Корсуни

Ни царя-то не было, ни царевича,

А ни короля-то не было и ни королевича,

Как ни князя не было и ни княже́вича;

Тут жила-была Маринка дочь Кайдаловна,

Она…, еретица была, безбожница.

Они как ведь в гавни заходили, брала

пошлину,

Паруса ронили – брала пошлину,

Якори-ти бросали – брала пошлину,

Шлюпки на воду спускали – брала пошлину,

А как в шлюпочки садились – брала пошлину,

А к мосту приставали – мостову́ брала,

А как по мосту шли, да мостову брала,

Как в таможню заходили, не протамо́жила;

Набирала она дани-пошлины немножко-немало —

сорок тысячей.

А да взяла она трои́ рука́вочки,

Что да те трои рукавочки, трои перчаточки;

А как эти перчаточки а не сшиты были, не вязаны,

А вышиваны-то были красным золотом,

А высаживаны дорогим-то скатным

жемчугом,

А как всажено было каменье самоцветное;

А как первы-то перчатки во пятьсот рублей,

А други-то перчатки в целу тысячу,

А как третьим перчаткам цены не было.

Везены эти перчатки подареньице

А тому жо ведь князю всё Володьему.

Отбирала эти черны карабли она начисто,

Разгонила она трех младых корабельщичков

А как с тех с черных с трех-то караблей,

Она ставила своих да крепких сторожов.

А как корабельщички ходят по городу

по Корсуню,

Они думают-то думушку за единую,

За едину-ту думу промеждý собой.

А да что купили они чернил, бумаг,

А писали они да ярлыки-ти скоропис-чаты

Что тому же князю Глебову Володье-му:

«Уж ты гой, ты князь да Глеб ты сын Володьевич!

Уж как падала погодушка со синя моря,

Заметало нас под тот жо городок под Корсунь жо.

А во том жо было городе во Корсуни

Ни царя не было, ни царевича,

Ни короля-то не было и ни королевича,

А ни князя не было, и ни княжевича;

Как княжила Маринка дочь Кайдалов-на;

Она…, еретица была, безбожница.

А мы как ведь в гавань заходили, брала с нас ведь

пошлины,

А ведь как паруса ронили, брала пошли-ну,

Якори-ти бросали – брала пошлину,

Шлюпки на воду спускали – брала по-

шлину,

Уж мы в шлюпочки садились – брала с нас ведь

пошлину,

А как к плоту приставали, плотово́ брала,

А ведь как по мосту шли, дак мостово́ брала,

А в таможню заходили – не протамо-жила;

Да взяла она дани-пошлины сорок ты-сячей,

Да взяла у нас трои перчаточки —

Везены были, тебе, князю, в подареньи-це:

А как первы-то перчатки во пятьсот рублей,

А вторы-то перчатки в целу тысячу,

А третьим перчаткам цены не было».

Они скоро писали, запечатали,

Отослали князю Глебову Володьеву.

А тут скоро пришли ярлыки к ему,

Он их скоро распечатывал, просмат-

ривал.

Как его жо сердце было неуступчиво;

Разъярилось его сердце богатырское,

А он скоро брал свою-то золоту трубу разрывчату,

Выходил-то скоро на красно́ крыльцо коси́щато,

Он кричал-то, зычал зычным голосом,

Зычным голосом да во всю голову:

«Уж вы гой еси, дружины мои хоробрые!

Уж вы скоро вы седлайте-уздайте добры́х коней,

Уж вы скоро-легко скачите на добрых коней,

Выезжайте вы скоро́ да на чисто́ поле».

А как услыхала его дружья-братья-товарищи,

Они скоро-то добрых коней да собирали же,

Выседлали-уздали они добрых коней

Да скоро садились на добрых коней,

А из города поехали не воротами,

Не воротами-то ехали, не широкими,

А скакали через стену городовую.

Выезжала-се дружина на чисто поле,

А как съехались дружины тридцать тысячей.

Выезжал-то князь Глеб-сударь Володьевич,

Со своей дружиночками хоробрыми;

Прибирал он дружью-ту, дружины все хоробрые,

Чтобы были всё да одного росту,

А да голос к голосу да волос к волосу;

А из тридцать тысяч только выбрал триста добрых

молодцов,

Их-то голос к голосу да волос к волосу.

«Уж вы поедемте, дружина моя хоробрая,

А ко тому-то славну городу ко Корсуню,

А ко той жо ти Марине дочери Кайдаловне,

А ко той Маринке, еретице..., все безбожнице».

А как садились они скоро на добрых коней,

А поехали они путем-дорогою.

Как доехали они до города до Корсуня,

Становил-то Глеб своего добра коня:

«Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая!

Сходите вы скоро́ со добрых коней,

Становите вы шатры поло́тняны,

А да спите-тко, лежите во белых шатрах,

А держите караулы крепкие и строгие;

Уж вы слушайте – неровно-то зазвенит да моя сабля,

Заскрипят да мои плечи богатырские, —

Поезжайте-тко ко городу ко Корсуню,

А скачите вы через стену городовую,

Уж вы бейте-ко по городу старого и малого,

Ни единого не оставляйте вы на се́мена.

Я как поеду теперече ко городу ко Корсуню,

К той Маринке дочери Кайдаловне».

Подъезжает Глеб под стену ту

Да под ту жа башню наугольную;

Закричал-то он зычным голосом:

«Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!

А зачем ты обрала у мня да черны карабли,

Ты зачем жа у мня сгонила с караблей моих трех-то

корабельщиков,

А на что поставила да своих караульщиков?»

Услыхала Маринка дочь Кайдаловна;

Скоро ей седлали, уздали всё добра коня;

Выезжала она на ту же стену городовую:

«Здравствуй-ко, Глеб, ты князь да сын Володьевич!» —

«Уж ты здравствуй-ко, Маринка дочь Кайдаловна!

А зачем ты у мня взяла мои-то три-то

карабля,

А сгонила моих трех-то корабельщичков

со караблей?» —

«Уж ты гой еси, ты князь да сын Володьевич!

Я отдам тебе три черненых три-то карабля;

А да только отгани-тко три мои загадки

хитромудрые, —

Я отдам тебе-то три черненых карабля». —

«Только загадывай ты загадки хитромудрые;

А как буду я твои загадочки отгадывать». —

«А как перва-та у мня загадка хитромудрая:

Еще что же в лете бело, да в зимы́ зе́лено?»

Говорит-то Глеб да таковы речи:

«Не хитра твоя мудра загадка хитромудрая,

А твоей глупе́ загадки на свете нет:

А как в лете-то бело – Господь хлеб дает,

А в зимы-то зелено – да тут ведь ель цветет». —

«А загану тебе втору загадку хитромудрую:

А что без кореньица растет да без лыж катится?» —

«Без кореньица растут белы́ снеги́,

А без лыж-то катятся быстры ручьи». —

«Загану тебе третью загадку хитромудрую:

А как есть у вас да в каменной Москвы,

В каменной Москвы да есть мясна гора;

А на той на мясной горе да кипарис растет,

А на той парисе-дереве соко́л сидит». —

«Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!

Не хитра твоя загадка хитромудрая,

А твоей загадочки глупе на свете нет:

Как мясна-то гора – да мой ведь добрый конь,

Кипарисово дерево – мое седелышко,

А как соловей сидит – то я, удалой добрый

молодец». —

«Я теперече отсыплю от ворот да пески, камешки,

А сама-то я, красна девица, за тебя замуж иду».

Как поехала Маринка с той стены да белокаменной,

Приезжала к себе да на широкий двор,

Наливала чару зелена́ вина да в полтора ведра,

А да насыпала в чару зелья лютого,

Выезжала на ту жо стену городовую,

Подавала Глебушку она чару зелена вина:

«Уж ты на-тко на приезд-от чару зелена вина!»

А как принимается-то Глеб да единой

рукой,

Еще хочет он пить да зелена вина;

А споткнулся его конь на ножечку на правую,

А сплескал-то чару зелена вина

А да за тою да гриву лошадиную.

Загорелась у добра коня да грива лошадиная.

А как тут да Глеб испугался жа,

А бросал-то чару на сыру землю;

Еще как тут мать сыра земля да загорелася.

А как разъярилось его сердце богатырское,

А стегал он добра коня да по крутым бедра́м;

Как поскочит его конь во всю-ту прыть да лошадиную

А как скакал с прыти его добрый конь да через стену

городовую,

А состиг-то ей, Маринку, середи двора,

А отсек тут ей, Маринке, буйну голову;

А как тут Маринке и смерть пришла.
Смерть пришла ей да середи двора.

Данило Ловчанин

У князя было у Владимира,
У киевского солнышка Сеславича
Было пированьице почестное,
Честно и хвально, больно радышно
На многи князья и бóяра,
На сильных могучих богáтырей.
В пóлсыта бояра наедалися,
В пóлпьяна бояра напивалися,
Промеж себя бояра похвалялися:
Сильн-ат хвалится силою,
Богатый хвалится богатеством;
Купцы-те хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояра-та хвалятся поместьями,
Они хвалятся вотчинами.
Один только не хвалится Данила Денисьевич,
Тут возгóворит сам Володимир-князь:
«Ой ты гой еси, Данилушка Денисьевич!

Еще что ты у меня ничем не хвалишься?
Али нечем те похвалитися?
Али нету у тебя золотой казны?
Али нету у тебя молодой жены?
Али нету у тебя платья светного?»
Ответ держит Данила Денисьевич:
«Уж ты батюшка наш, Володимир-князь!
Есть у меня золота казна,
Еще есть у меня молода жена,
Еще есть у меня и платье светное;
Не́што так я это призадумался».
Тут пошел Данила с широка́ двора.
Тут возговорит сам Володимир-князь:
«Ох вы гой есте, мои князья-бояра!
Уж вы все у меня переженены,
Только я один холо́ст хожу,
Вы ищите мне невестушку хорошую,
Вы хорошую и пригожую,
Чтоб лицом красна и умом сверстна:
Чтоб умела русскую грамоту

И четью́-петью́ церковному,

Чтобы было кого назвать вам матушкой,

Величать бы государыней».

Из-за левой было из-за сторонушки

Тут возговорит Мишатычка Путятин сын:

«Уж ты батюшка, Володимир-князь!

Много я езжал по иным земля́м,

Много видал я королевишен,

Много видал и из ума пытал:

Котора лицом красна – умом не сверстна,

Котора умом сверстна – лицом не красна.

Не нахаживал я такой красавицы,

Не видывал я эдакой пригожицы.

У того ли у Данилы у Денисьича,

Еще та ли Василиса Никулична:

И лицом она красна, и умом сверстна,

И русскую умеет больно грамоту;

И четью-петью горазда церковному;

Еще было бы кого назвать нам матуш-

кой,

Величать нам государыней!»

Это слово больно князю не показалося,

Володимиру словечко не полюбилося.

Тут возговорит сам батюшка Володимир-князь:

«Еще где это видано, где слыхано:

От живого мужа жену отнять!»

Приказал Мишатычку казнить-вешати.

А Мишатычка Путятин приметлив был,

На иную на сторону перекинулся:

«Уж ты батюшка, Володимир-князь!

Погоди меня скоро́ казнить-вешати,

Прикажи, государь, слово молвити».

Приказал ему Володимир слово молвити:

«Мы Данилушку пошлем во чисто поле,

Во те ли луга Леванидовы,

Мы ко ключику пошлем ко гремячему.

Велим пымать птичку белогорлицу,

Принести ее к обеду княженецкому;

Что еще убить ему льва лютого,
Принести его к обеду княженецкому».
Это слово князю больно показалося,
Володимиру словечко полюбилося.
Тут возговорит старой казак,
Старой казак Илья Муромец:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Изведешь ты ясного сокола —
Не пымать тебе белой лебеди!»
Это слово князю не показалося,
Посадил Илью Муромца во́ погреб.
Садился сам во золот стул,
Он писал ярлыки скорописные,
Посылал их с Мишатычкой в Чернигов-град.
Тут поехал Мишатычка в Чернигов-град
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину,
На двор-ат въезжает безопасочно,
Во палатушку входит безобсылочно.
Тут возговорит Василиса Никулична:

«Ты невежа, ты невежа, неотецкий сын!

Для чего ты, невежа, эдак делаешь:

Ты на двор-ат въезжаешь безопасочно,

В палатушку входишь безобсылочно?»

Ответ держит Мишатычка Путятин сын:

«Ох ты гой еси, Василиса Никулична!

Не своей я волей к вам в гости зашел,

Прислал меня сам батюшка Володимир-князь

Со теми ярлыками скорописными».

Положил ярлычки, сам вон пошел.

Стала Василиса ярлыки пересматривать:

Заливалася она горючими́ слезьми́.

Скидывала с себя платье светное,

Надевает на себя платье молодецкое,

Села на добра коня, поехала во чисто поле

Искать мила дружка своего Данилушка.

Нашла она Данилу свет Денисьича;

Возговорит ему таково слово:

«Ты надежинька, надежа, мой сердечный друг,

Да уж молодой Данила Денисьевич!

Что останное нам с тобой свиданьице!

Поедем-ка с тобою к широку́ двору».

Тут возговорит Данила Денисьевич:

«Ох ты гой еси, Василисушка Никулична!

Погуляем-ка в остатки по чисту полю,

Побьем с тобой гуськов да лебедушек!»

Погулямши, поехали к широку двору.

Возговорит Данила свет Денисьевич:

«Внеси-ка мне малóй колчан каленых стрел».

Несет она большой колчан каленых стрел,

Возгóворит Данилушка Денисьевич:

«Ты невежа, ты невежа, неотецка дочь!

Чего ради, ты, невежа, ослушáешься?

Аль не чаешь над собою большего?»

Василисушка на это не прогневалась,

И возговорит ему таково слово:

«Ты надежинька, мой сердечный друг,
Да уж молодой Данилушка Денисьевич!
Лишняя стрелочка тебе приго́дится
Пойдет она ни по князе, ни по барине,
А по свым брате богатыре».
Поехал Данила во чисто поле,
Что во те луга Леванидовы,
Что ко ключику ко гремячему,
И к колодезю приехал ко студеному.
Берет Данила трубоньку подзорную
Глядит ко городу ко Киеву:
Не белы снеги забелелися,
Не черные грязи зачернелися.
Забелелася, зачернелася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тут заплакал Данила горючьми слезьми,
Возговорит он таково слово:
«Знать, гораздо я князю стал ненадобен,
Знать, Володимиру не слуга я был!»
Берет Данила саблю боёвую,

Прирубил Денисьич силу русскую.
Погодя того времечко манешенько,
Берет Данила трубочку подзорную,
Глядит ко городу ко Киеву:
Не два слона в чистым поле слонятся,
Не два сыры дуба шатаются:
Слонятся-шатаются два богатыря
На того ли на Данилу на Денисьича:
Его родной брат Никита Денисьевич
И назва́ный брат Добрыня Никитинич.
Тут заплакал Данила горючьми слезьми:
«Уж и в правду, знать, на меня Господь прогневался,
Володимир-князь на удалого осердился!»
Тут возговорит Данила Денисьевич:
«Еще где это слыхано, где видано:
Брат на брата со боём идет?»
Берет Данила сво востро копье,
Тупым концом втыкат во сыру землю,
А на острый конец сам упал;

Спорол себе Данила груди белыя,
Покрыл себе Денисьич очи ясныя.
Подъезжали к нему два богатыря,
Заплакали об нем горючьми слезьми.
Поплакамши, назад воротилися,
Сказали князю Володимиру: «Не стало́ Данилы,
Что того ли удалого Денисьича!»
Тут собирает Володимир поезд-ат,
Садился в колясочку во зо́лоту,
Поехали ко городу Чернигову.
Приехали ко дво́ру ко Данилину;
Восходят во терем Василисин-ат.
Целовал ее Володимир во саха́рные уста.
Возговорит Василиса Никулична:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь,
Не целуй меня в уста во кро́вавы,
Без мово друга Данилы Денисьича».
Тут возговорит Володимир-князь:
«Ох ты гой еси, Василиса Никулична!
Наряжайся ты в платье светное,

В платье светное, подвенечное».
Наряжалась она в платье светное,
Взяла с собой булатный нож.
Поехали ко городу ко Киеву.
Поверсталися супротив лугов Левани-довых;
Тут возговорит Василиса Никулична:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Пусти меня проститься с милым дружком,
Со тем ли Данилой Денисьичем».
Посылал он с ней двух богатырей.
Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Даниле Денисьичу:
Поклонилась она, да восклонилася,
Возговорит она двум богатырям:
«Ох вы гой есте, мои вы два богатыря!
Вы подите, скажите князю Володими-ру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружком,
*Со тем ли Данилой Денисьичем».

Берет Василиса свой булатный нож,
Спорола себе Василисушка груди белые,
Покрыла себе Василиса очи ясные.
Заплакали по ней два богатыря.
Пошли они ко князю Володимиру:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Не стало нашей матушки Василисы Никуличны,
Перед смертью она нам промолвила:
«Ох вы гой есте, мои два богатыря!
Вы подите, скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружком,
Со тем ли Данилой Денисьичем».
Приехал Володимир во Киев-град,
Выпущал Илью Муромца из погреба,
Целовал его в головку, во темечко:
«Правду сказал ты, старой казак,
Старой казак Илья Муромец!»
Жаловал его шубой соболиною,

А Мишатке пожаловал смолы котел.

Иван Гостиный сын

В стольном городе во Киеве
У славного князя Владимира
Было пированье – почестный пир,
Было столованье – почестный стол
На многи князи, бóяра,
И на русские могучие богáтыри,
И <на> гости богатые.
Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире;
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князи и бояра
И все русские могучие богатыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на триста жеребцов,
На триста жеребцов и на три жеребца похваленые:
Сив жеребец, да кологрив жеребец,

И который полонян Воронко во Большой орде, —

Полонил Илья Муромец сын Иванович

Как у молода Тугарина Змеевича;

Из Киева бежать до Чернигова

Два девяноста-то мерных верст,

Промеж обедней и заутренею?»

Как бы большой за меньшого хоронится,

От меньшого ему тут, князю, ответу нету.

Из того стола княженецкого,

Из той скамьи богатырския

Выступается Иван Гостиный сын;

И скочил на свое место богатырское,

Да кричит он, Иван, зычным голосом:

«Гой еси ты, сударь ласковый Владимир-князь!

Нет у тебя в Киеве охотников

А и быть перед князем невольником!

Я похвалюсь на триста жеребцов

И на три жеребца похваленые:

А сив жеребец, да кологрив жеребец,

Да третéй жеребец полонян Воронко,
Да который полонян во Большой орде, —
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича;
Ехать дорога не ближняя,
И скакать из Киева до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст,
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что выметывать раздолья широкие;
А бьюсь я, Иван, о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысячу, —
О своей буйной голове».
За князя Владимира держат поруки крепкие
Все тут князи и бояра, тута-де гости корабельщики,
Закладу они за князя кладут на сто тысячей;
А никто-де тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка Чернигов-

ский,
А и он-то за Ивана поруки держит.
Те он поруки крепкие,
Крепкие на сто тысячей.
Подписался молоды Иван Гостиный сын,
Он выпил чару зелена вина в полтора ведра,
Походил он на конюшню белоду́бову,
Ко своему доброму коню,
К Бурочку-косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копытечко.
Плачет Иван, что река течет:
«Гой еси ты, мой добрый конь,
Бурочко косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь, не ведаешь, —
А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою, добрым конем;
Бился с князем о велик заклад,
А не о сте рублях, не о тысячу —
Бился с ним о сте тысячей,

Захвастался на триста жеребцов,
А на три жеребца похваленые:
Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И третей жеребец полонян Воронко;
Бегати-скакать на добрых на конях,
Из Киева скакать до Чернигова
Промежу обедни-заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что выметывать раздолья широкие».
Провещится ему добрый конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:
«Гой еси, хозяин ласковый мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся;
Сива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блюдусь.
В задор войду – у Воронка уйду.
Только меня води по три зори,
Медвяною сытою пои
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочные,
И <пройдут> те часы урочные,

Придет от князя грозен посол
По тебя-то, Ивана Гостиного,
Чтобы бегати-скакати на добрых на конях;
Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелков поводок,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную, —
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговки в пять тысячей;
Поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, Бурка, передóм ходить,
Копытами за шубу посапывати
И по черному соболю выхватывати,
На все стороны побрасывати;
Князи, бояра подивуются,
И ты будешь жив – шубу на́живешь,
А не будешь жив – будто нашивал».
По-сказанному и по-писаному:
От великого князя посол пришел,
А зовет-то Ивана на княженецкий двор.

Скоро-де Иван наряжается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
Которой шубе цена три тысячи,
А пуговки вальящатые в пять тысячей;
И повел он коня за шелкóв поводок.
Он будет-де, Иван, середи двора княженецкого,
Стал его Буркó передом ходить,
И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Он на все стороны побрасывати;
Князи и бояра дивуются,
Купецкие люди засмотрелися.
Зрявкает Бурко по-туриному,
Он шип пустил по-змеиному,
Триста жеребцов испужалися,
С княженецкого двора разбежалися.
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонян Воронко в Золоту Орду бежит,

Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князи-то и бояра испужалися,
Все тут люди купецкие,
Окарачь они по двору наползáлися;
А Владимир-князь со княгинею печален стал,
По подполью наползалися;
Кричит сам в окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иван Гостиный сын!
Уведи ты уродья со двора долой;
Просты поруки крепкие,
Записи все изодранные!»
Втапоры владыка Черниговский
У великого князя на почестном пиру
Велел захватить три корабля на быстрóм Непру,
Велел похватить корабли
С теми товары заморскими, —
«А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут».

Ставр Годинович

Во стольном было городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Как было пирование – почестный пир
На многие князи, на бóяры,
На всех тех гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.
Все на пиру наедалися,
Все на честном напивалися,
Все на пиру порасхвастались:
Инный хвалится добрым конем,
Инный хвалится шелковым портом,
Инный хвалится селами со приселками,
Инный хвалится городами с пригородками,
Инный хвалится родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.
Из тоя из земли Ляховицкия
Сидел молодой Ставер сын Годинович,

Он сидит за столом – да сам не хвастает.

Испроговорил Владимир стольнокиевский:

«Ай же ты, Ставер сын Годинович!

Ты что сидишь – сам да не хвастаешь?

Аль нет у тебя села со приселками,

Аль нет городов с пригородками,

Аль нет у тебя добрых комоней,

Аль не славна твоя родна матушка,

Аль не хороша твоя молода жена?»

Говорит Ставер сын Годинович:

«Хотя есть у меня села со приселками,

Хотя есть города с пригородками, —

Да то мне, молодцу, не похвальба;

Хотя есть у меня добрых комоней,

Добры комони стоят – всё не ездятся, —

Да то мне, молодцу, не похвальба;

Хоть славна моя родна матушка, —

Да и то мне, молодцу, не похвальба;

Хоть хороша моя молода жена, —

Так и то мне, молодцу, не похвальба:

Она всех князей, бояр да всех повыманит,

Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет».

Все на пиру призамолкнули,

Сами говорят таково слово:

«Ты солнышко Владимир стольнокиевский!

Засадим-ка Ставра в погреба глубокие:

Так пущай-ка Ставрова молода жена

Нас, князей, бояр, всех повыманит,

Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет,

А Ставра она из погреба повыручит!»

А был у Ставра тут свой человек.

Садился на Ставрова на добра коня,

Уезжал во землю Ляховицкую

Ко той Василисты Микуличной:

«Ах ты ей, Василиста дочь Микулична!

Сидишь ты – пьешь да прохлаждаешься,

Над собой невзгодушки не ведаешь:

Как твой Ставер да сын Годинович
Посажен в погреба глубокие;
Похвастал он тобой, молодой женой,
Что князей, бояр всех повыманит,
А солнышка Владимира с ума сведет».
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Мне-ка деньгами выкупать Ставра – не выкупить,
Мне-ка силой выручать Ставра – не выручить,
Я могу ли, нет Ставра повыручить
Своею догадочкою женскою!»
Скорешенько бежала она к фельдшерам,
Подрубила волоса по-молодецки-де,
Накрутилася Васильем Микуличем,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорок молодцов удалых стрельцов,
Сорок молодцов удалых борцов,
Поехала ко-о граду ко Киеву.
Не доедучи до-о града до Киева,
Пораздернула она хорош бел шатер,

Оставила дружину у бела шатра,
Сама поехала ко солнышку Владимиру.
Бьет челом, поклоняется:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольнокиевский
С молодой княгиней со Опраксией!»
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Ты откудашный, удалый добрый молодец,
Ты коей орды, ты коей земли,
Как тебя именем зовут,
Нарекают тебя по отечеству?»
Отвечал удалый добрый молодец:
«Что я есть из земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич-де;
Я приехал к вам о добром деле – о сватовстве
На твоей любимыя на дочери».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Я схожу – со дочерью подумаю».
Приходит он ко дочери возлюбленной:

«Ах ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал к нам посол из земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич-де,
Об добром деле – об сватовстве
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!
Речь-поговоря – всё по-женскому;
Пересни тоненьки – всё по-женскому;
Где жуковинья были – тут место знать;
Стегна жмет – всё добра бережет».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Я схожу посла да поотведаю».
Приходит к послу земли Ляховицкия,
Молоду Василью Микуличу:
«Уж ты, молодой Василий сын Мику-

лич-де!
Не угодно ли с пути, со дороженьки
Сходить тебе во парную во баенку?»
Говорил Василий Микулич-де:
«Это с дороги не худо бы!»
Стопили ему парну баенку;
Покуда Владимир снаряжается,
Посол той поры во баенке испарился,
С байны идет – ему честь отдает:
«Благодарствуй на парной на баенке!»
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Что же меня в баенку не подождал?
Я бы в байну пришел – тебе жару поддал,
Я бы жару поддал и тебя обдал?»
Говорил Василий Микулич-де:
«Что ваше дело домашнее,
Домашнее дело, княженецкое;
А наше дело посольское, —
Недосуг-то долго нам чваниться,
Во баенке долго нам париться;
Я приехал об добром деле – об сватов-

стве
На твоей любимыя на дочери».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Я схожу – с дочерью подумаю».
Приходит он ко дочери возлюбленной:
«Ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия
Об добром деле – об сватовстве
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорит как дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь мой родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину за женщину!
Речь-поговоря – всё по-женскому;
Перести тоненьки – всё по-женскому;
Где жуковинья были – тут место знать».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Я схожу посла да поотведаю!»
Приходит ко Василию Микуличу,
Сам говорил таково слово:

«Молодой Василий Микулич-де!
Не угодно ль после парной тебе баенки
Отдохнуть во ложне во теплыя?» —
«Это после байны не худо бы!»
Как шел он во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился где ногами быть,
А ногами ложился на подушечку.
Как шел туда Владимир стольнокиевский,
Посмотрел во ложню во теплую:
Есть широкие плеча богатырские.
Говорит посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де:
«Я приехал о добром деле – об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Что же ты со мной будешь делати?»
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Я пойду – с дочерью подумаю».
Приходит ко дочери возлюбленной:
«Ай же дочь моя возлюбленна!

Приехал посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де,
За добрым делом – за сватовством
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!»
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Я схожу посла да поотведаю».
«Ах ты, молодой Василий Микулич-де!
Не угодно ли с моими дворянами потешиться,
Сходить с ними на широкий двор,
Стрелять в колечко золоченое,
Во тоя в острии ножевые,
Расколоть-то стрелочка надвое,
Чтоб были мерою равненьки и весом равны».
Стал стрелять стрелок перво князевый:

Первой раз стрелил – он недо́стрелил,
Другой раз стрелил – он пере́стрелил,
Третий раз стрелил – он не попал.
Как стал стрелять Василий Микулич-де,
Натягивал скоренько свой ту́гий лук,
Налагает стрелочку каленую,
Стрелял в колечко золоченое,
Во тоя острея во ножевая, —
Расколол он стрелочку надвое,
Они мерою равненьки и весом равны,
Сам говорит таково слово:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!
Я приехал об добром деле – об сватовстве
На твоей на любимыя на дочери:
Что же ты со мной будешь делати?»
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Я схожу-пойду – с дочерью подумаю».
Приходит к дочери возлюбленной:
«Ай же ты, дочь моя возлюбленна!

Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де,
Об добром деле – об сватовстве
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Что у тебя, батюшко, на разуме:
Выдаваешь ты девчину за женщину!
Речь-поговоря – всё по-женскому;
Пересни тоненьки – всё по женскому;
Где жуковинья были – тут место знать». —
«Я схожу посла поотведаю».
Он приходит к Василью Микуличу,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Василий Микулич-де,
Не угодно ли тебе с моими боярами потешиться,
На широком дворе поборотися?»
Как вышли они на широкий двор,
Как молодой Василий Микулич-де
Того схватил в руку, того в другую, тре-

тьего
склеснет в середочку,
По трою за раз он на зень ложил,
Которых положит – тыи с места не стают.
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Ты молодой Василий Микулич-де!
Укроти-ка свое сердце богатырское,
Оставь людей хоть нам на семена!»
Говорил Василий Микулич-де:
«Я приехал о добром деле – об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Буде с чести не дашь – возьму не́ с чести,
А не с чести возьму – тебе бок набью!»
Не пошел больше к дочери спрашивать,
Стал он дочь свою просватывать.
Пир идет у них по третий день,
Сего дни им идти к Божьей церкви;
Закручинился Василий, запечалился.
Говорил Владимир стольнокиевский:

«Что же ты, Василий, не весел есть?»
Говорит Василий Микулич-де:
«Что буде на разуме не весело —
Либо батюшко мой помер есть,
Либо матушка моя померла.
Нет ли у тебя загусельщичков,
Поиграть во гусельника яровчаты?»
Как повыпустили они загусельщиков,
Все они играют, – всё не весело.
«Нет ли у тя молодых затюремщичков?»
Повыпустили младых затюремщичков,
Все они играют, – всё не весело.
Говорит Василий Микулич-де:
«Я слыхал от родителя от батюшка,
Что посажен наш Ставер сын Годинович
У тебя во погреба глубокие:
Он горазд играть в гусельники яровчаты».
Говорил Владимир стольнокиевский:
«Мне повыпустить Ставра, —

Мне не видеть Ставра;
А не выпустить Ставра, —
Так разгневить посла!»
А не смет посла он поразгневати, —
Повыпустил Ставра он из погреба.
Он стал играть в гуселышка яровчаты, —
Развеселился Василий Микулич-де,
Сам говорил таково слово:
«Помнишь, Ставер, памятуешь ли,
Как мы маленьки на улицу похаживали,
Мы с тобой сваечкой поигрывали:
Твоя-то была сваечка серебряная,
А мое было колечко позолоченное?
Я-то попадывал тогда-всегда,
А ты-то попадывал всегда-всегда?»
Говорит Ставер сын Годинович:
«Что я с тобой сваечкой не игрывал!»
Говорит Василий Микулич-де:
«Ты помнишь ли, Ставер, да памятуешь ли,

Мы ведь вместе с тобой в грамоты училися:

Моя была чернильница серебряная,

А твое было перо позолочено?

А я-то помакивал тогда-всегда,

А ты-то помакивал всегда-всегда?»

Говорит Ставер сын Годинович:

«Что я с тобой в грамоты не учивался!»

Говорил Василий Микулич-де:

«Солнышко Владимир стольнокиевский!

Спусти-ка Ставра съездить до бела шатра,

Посмотреть дружинушки хоробрыя?»

Говорил Владимир стольнокиевский:

«Мне спустить Ставра – не видать Ставра,

Не спустить Ставра – разгневить посла!»

А не смеет он посла да поразгневати:

Он спустил Ставра съездить до бела шатра,

Посмотреть дружинушки хоробрыя.
Приехали они ко белу шатру,
Зашел Василий в хорош бел шатер,
Снимал с себя платье молодецкое,
Одел на себя платье женское,
Сам говорил таково слово:
«Тепереча, Ставер, меня знаешь ли?»
Говорит Ставер сын Годинович:
«Молода Василиста дочь Микулична!
Уедем мы во землю Политовскую!»
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Не есть хвала добру молодцу
Тебе воровски из Киева уехати:
Поедем-ка свадьбы доигрывать!»
Приехали ко солнышку Владимиру,
Сели за столы за дубовые.
Говорил Василий Микулич-де:
«Солнышко Владимир стольнокиевский!
За что был засажен Ставер сын Годинович
У тебя во погреба глубокие?»

Говорил Владимир стольнокиевский:
«Похвастал он своей молодой женой,
Что князей, бояр всех повыманит,
Меня, солнышка Владимира, с ума сведет». —
«Ай ты ей, Владимир стольнокиевский!
А нынче что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину,
За меня, Василисту за Микуличну?»
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Повесил свою буйну голову,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Ставер сын Годинович!
За твою великую за похвальбу
Торгуй во нашем городе во Киеве,
Во Киеве во граде век беспошлинно!»
Поехали во землю Ляховицкую
Ко тому королю Ляховицкому.
Тут век про Ставра старину поют,
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послуша-

нье.

Иван Годинович

Во стольном во городе во Киеве
У ласкова осударь князя Владимира
Вечеренка была,
На пиру у него сидели честные вдовы.
Пригодился тут Иван Годинович,
И проговорит ему
Стольнокиевский Владимир-князь:
«Гой еси, Иван ты Годинович!
А зачем ты, Иванушка, не женишься?»
Отвечает Иван сын Годинович:
«Рад бы, осударь, женился, да негде взять;
Где охота брать – за меня не дают,
А где-то подают – ту я сам не беру».
А проговорит ласковый Владимир-князь.
«Гой еси, Иван сын Годинович!
А садися ты, Иван, на ременчат стул,
Пиши ерлыки скорописчаты».

А садился тотчас Иван на ременчат стул,
Написал ерлык скорописчатый
А о добром деле – о сватанье,
К славному городу Чернигову,
К Дмитрию, гостю богатому.
Написал он ерлык скорописчатый,
А Владимир-князь ему руку приложил:
«А не ты, Иван, поедешь свататься,
Сватаюсь я-де, Владимир-князь».
А скоро-де Иван снаряжается,
А скоря того поездку чинит
Ко <славному> городу Чернигову.
Два девяноста-то мерных верст
Переехал Иванушка в два часа.
Стал он, Иван, на гостином дворе,
Скочил он, Иван, со добра́ коня.
Привязавши коня к дубову́ столбу,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрию-гостю кланяется,
Положил ерлык скорописчатый на

круглый стол.
Дмитрий-гость распечатывает,
<Распечатывает> и рассматривает,
Просматривает и прочитывает:
«Глупый Иван, неразумный Иван!
Где ты, Иванушка, пе́рво был?
Ноне Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена
В дальну землю Загорскую,
За царя Афромея Афромеевича.
За царя отдать – ей царицею слыть,
Панове все поклонятся,
Пановя и улановя,
А немецких языков счету нет;
За тебя, Иван, отдать – холопкой слыть,
Избы мести, заходы скрести».
Тут Иванушку за беду стало,
Схватя ерлык, Иван да и вон побежал.
Садился Иван на добра коня,
Побежал он ко городу Киеву.
Скоро Иван на двор прибежал,

И приходит он во светлу гридню,
Ко великому князю Владимиру,
Спасову образу молится,
А Владимиру-князю кланяется.
Вельми он, Иван, закручинился,
Стал его Владимир-князь спрашивати,
А стал Иван рассказывати:
«Был я у Митрия во дому,
Положил ерлык на круглый стол,
Дмитрий-гость не задерживал меня в том,
Скоро ерлыки прочитывал
И говорил таковы слова:
«Глупый ты-де Иван, неразумный Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана
В дальну землю Загорскую,
За царя Афромея Афромеевича.
За царя-де ее отдать – царицею слыть,
Панове все поклонятся,
Панове все и улановья,
А немецких языков счету нет;

За тебя-де, Иван, отдать – холопкой слыть,
Избы мести да заходы скрести».
Тут ему, князю, за беду стало,
Рвет на главе черны кудри свои,
Бросает их о кирпичет пол:
«Гой еси, Иван Годинович!
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя, Иван, третье сто,
Поезжай ты о добром деле – о сватанье;
Честью не даст, – ты и силою бери!»
Скоро молодцы те собираются,
А скоря того поездку чинят.
Поехали к городу Чернигову;
А и только переехали быстрого Непра —
Выпала пороха снегу белого.
По той по порохе, по белу́ снегу,
И лежат три следа звериные:

Первóй след гнедого тура,
А другой след лютого зверя,
А третéй след дикого вепря.
Стал он, Иван, разъясачивати:
Послал он за гнедым туром сто человек
И велел поймать его бережно,
Без той раны кровавыя;
И за лютым зверем послал другое сто
И велел изымать его бережно,
Без той раны кровавыя;
И за диким вепрем послал третье сто,
А велел изымать его бережно,
Без тоя раны кровавыя,
И привесть их во стольный Киев-град
Ко великому князю Владимиру.
А сам он, Иван, поехал единой во Чернигов-град,
И будет Иван во Чернигове,
А у Дмитрия, гостя богатого,
Скачет Иван середи двора,
Привязал коня к дубову столбу,

Походил он во гридню светлую,
К Дмитрию, гостю богатому;
Спасову образу молится,
Дмитрию-гостю не кланяется;
Походил за занавесу белую
Он к душке Настасье Дмитревне.
А тут у Дмитрия, гостя богатого,
Сидят мурзы-улановья,
По-нашему, сибирскому, – дружки слывут.
Привезли они платьице цветное,
Что на душку Настасью Дмитревну,
Платья того на сто тысячей,
От царя Афромея Афромеевича;
А сам царь Афромей Афромеевич
Он от Чернигова в трех верстах стоит,
А силы с ним три тысячи.
Молоды Иванушка Годинович
Он из-за занавесу белого
Душку Настасью Дмитревну
Взял за руку за белую,

Потащил он Настасью, лишь туфли звенят.
Что взговорит ему Дмитрий-гость:
«Гой еси ты, Иванушка Годинович!
Суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь;
Можно тебе взять не гордостью, —
Веселым пирком-свадебкой!»
Только Иван слово выговорил:
«Гой еси ты, славный Дмитрий-гость!
Добром мы у тебя сваталися,
А сватался Владимир-князь;
Не мог ты честью мне отдать,
Ноне беру – и не кланяюсь!»
Вытащил ее середи двора,
Посадил на добра коня
И сам метался в седелечко черкесское.
Некому бежать во Чернигов-град
За молодым Иванушком Годиновичем;
Переехал он, Иван, девяносто верст,
Поставил он, Иван, тут свой бел шатер,

Развернул ковры сорочинские,
Постлал потнички бумажные,
Изволил он, Иван, с Настасьею опочив держать.
Донеслась скоро вестка нерадошна
Царю Афромею Афромеевичу;
А приехали мурзы-улановья,
Телячьим языком рассказывают:
«Из славного-де города из Киева
Прибежал удал молодец,
Увез твою противницу Настасью Дмитревну».
Царь Афромей Афромеевич
Скоро он вражбу чинил:
Обвернется гнедым туром,
Чистые поля туром перескакал,
Темные лесы соболем пробежал,
Быстрые реки соколом перлетал,
Скоро он стал у белá шатра.
А и тут царь Афромей Афромеевич
Закричал-заревел зычным голосом:
«Той еси, Иванушка Годинович!

А и ты суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь;
Почто увез ты Настасью Дмитревну?»
А скоро Иван выходит из бела шатра,
Говорил тут Иванушка Годинович:
«Гой еси, царь Афромей Афромеевич!
Станем мы с тобою боротися о большине,
Что кому наша Настасья достанется».
И схватилися они тут боротися;
Что-де ему, царю, делати
Со молодым Иваном Годиновичем!
Согнет он царя корчагою,
Опустил он о сыру землю;
Царь Афромей Афромеевич
Лежит на земли, свету не видит.
Молоды Иван Годинович
Он ушел за кустик мочитися,
Царь Афромей едва пропищал:
«Думай ты, Настасья, не продумайся!
За царем, за мною, быть – царицею

слыть,
Панове все поклонятся,
Пановя все, улановя,
А немецких языков счету нет;
За Иваном быть – холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести».
Приходит Иван ко белу шатру,
Напустился с ним опять боротися,
Схватилися они руками боротися, —
Душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Годиновича за ноги,
Тут его двое и осилили.
Царь Афромей на грудях сидит,
Говорит таково слово:
«А и нет чингалища булатного,
Нечем пороть груди белые».
Только лишь царь слово выговорил:
«Гой еси ты, Настасья Дмитревна!
Подай чембур от добра коня».
И связали Ивана руки белые,
Привязали его ко сыру дубу.
Царь Афромей в шатер пошел,

Стал с Настасьею поигрывати,
А назолу дает ему, молоду Ивану Годиновичу.
По его было талану добра молодца,
А и молода Ивана Годиновича,
Первая высылка из Киева бежит —
Ровно сто человек;
Прибежали ко тому белу шатру,
Будто зайца в кусте изъехали:
Спиря скочил – тот поспиривает,
Сема прибежал – тот посемывает;
Которы молодцы они поглавнея,
Срезали чомбуры шелкóвые,
Молода Ивана Годиновича опростовали.
Говорил тут Иванушка Годинович:
«А и гой вы еси, дружина хоробрая!
Их-то, царей, не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают!
Повозите его ко городу ко Киеву,
Ко великому князю Владимиру».
А и тут три высылки все сбиралися,

Нарядили царя в платье цвéтное,
Повезли его до князя Владимира.
И будут в городе Киеве,
Рассказали тут удалы добры молодцы
Великому князю Владимиру
Про царя Афромея Афромеевича.
И Владимир-князь со княгинею
Встречает его честно, хвально и радошно,
Посадил его за столы дубовые.
Тут у князя стол пошел
Для царя Афромея Афромеевича.
Молоды Иванушка Годинович
Остался он во белом шатре,
Стал он, Иван, жену свою учить,
Он душку Настасью Дмитревну:
Он перво ученье-то – руку ей отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна, —
Трепала она, рука, Афромея-царя»;
А второе ученье – ноги ей отсек:
«А и та-де нога мне не надобна, —

Оплеталася со царем Афромеем неверным»;
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти губы мне не надобны, —
Целовали они царя неверного»;
Четверто ученье – голову ей отсек
И с языком прочь:
«Эта голова мне не надобна,
И этот язык мне не надобен, —
Говорил со царем неверным
И сдавался на его слова прелестные!»
Втапоры Иван Годинович
Поехал ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
И будет в городе Киеве,
Благодарит князя Владимира
За велику милость, что женил его
На душке Настасье Дмитревне.
Втапоры его князь спрашивал:
«Где же твоя молодая жена?»
Втапоры Иван о жене своей сказал,

что хотела с Вахрамеем-царем в шатре его убить,

за что ей поученье дал, голову срубил.

Втапоры князь весел стал, что отпускал Вахрамея-царя,

своего подданника, в его землю Загорскую.

Только его увидели, что обвернется гнедым туром, поскакал далече во чисто поле к силе своей.

Михайло По́тык

А и старый казак он, Илья Муромец,
А говорит Ильюша таково́ слово́:
«Да ай же, мои братьица крестовые,
Крестовые-то братьица назва́ные,
А молодой Михайло По́тык сын Иванович,
Молодой Добрынюшка Никитинич.
А едь-ко ты, Добрыня, за синё морё,
Кори-тко ты язы́ки там неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А ты-то едь еще, Михайлушка,
Ко тыи ко ко́рбы ко темныи,
Ко тыи ко грязи ко черныи,
Кори ты там языки всё неверные,
Прибавляй земельки святорусские.
А я-то ведь, старик, да постарше вас,
Поеду я во далечо ещё во чисто́ поле́,
Корить-то я языки там неверные,
Стану прибавлять земельки святорус-

ские».

Как тут-то молодцы да поразъехались.

Добрынюшка уехал за сине море,

Михайло, он уехал ко корбы ко темныи,

А ко тыи ко грязи ко черныи,

К царю он к Вахрамею к Вахрамееву.

Ильюшенька уехал во чисто поле

Корить-то там языки всё неверные,

А прибавлять земельки святорусские.

Приехал тут Михайло, сын Иванов он,

А на тоё на далечо на чисто полё,

Раздернул тут Михайлушка свой бел шатер,

А бел шатер ещё белополо́тняный.

Тут-то он, Михайлушка, раздумался:

«Не честь-то мне хвала молодецкая

Ехать молодцу мне-ка томному,

А томному молодцу мне, голодному;

А лучше, молодец, я поем-попью».

Как тут-то ведь Михайло сын Иванович

Поел, попил Михайлушка, покушал он,
Сам он, молодец, тут да спать-то лег.
Как у того царя Вахрамея Вахрамеева
А была-жила там да любезна дочь,
А тая-эта Марья – лебедь белая.
Взимала она трубоньку подзорную,
Выходит что на выходы высокие,
А смотрит как во трубоньку подзорную
Во далече она во чисто поле;
Углядела-усмотрела во чистом поли:
Стоит-то там шатер белополотняный,
Стоит там шатер, еще смáхнется,
Стоит шатер там, еще размáхнется,
Стоит шатер, ещё ведь уж сóйдется,
Стоит шатер, там еще разóйдется.
Как смотрит эта Марья – лебедь белая,
А смотрит что она, ещё думу думает:
«А это есте зде да русский богатырь же».
Как бросила тут трубоньку подзор-

ную,

Приходит тут ко родному ко батюшку:

«Да ай же ты, да мой родной батюшка,

А царь ты, Вахрамей Вахрамеевич!

А дал ты мне прощенья-благословленьица

Летать-то мне по тихиим заводям,

А по́ тым по зеленыим по за́тресьям

А белой лебедью три́ году́.

А там я налеталась, нагулялася,

Еще ведь я наволевалася

По тыим по тихиим по заводям,

А по́ тым по зеленыим по за́тресьям.

А нунчу ведь ты да позволь-ка мне,

А дру́го ты мне-ка три году,

Ходить-гулять-то во далечем мни во чистом поли,

А красной мне гулять ещё девушкой».

Как он опять на то ей ответ держит:

«Да ах же ты, да Марья – лебедь белая,

Ай же ты, да дочка та царская мудреная!

Когда плавала по тихиим по заводям,
По тым по зеленыим по затресьям,
А белой ты лебедушкой три году,
Ходи же ты, гуляй красной девушкой
А друго-то ещё три да три году,
А тожно тут я тебя замýж отдам».
Как тут она ещё поворотилася,
Батюшке она да поклонилася.
Как батюшка да давает ей нянек-мамок тых,
Ах тых ли, этих верных служаночек.
Как тут она пошла, красна девушка,
Во далече она во чисто поле
Скорым-скоро, скоро да скорешенько;
Не могут за ней там гнаться няньки ты,
Не могут за ней гнаться служаночки.
Как смотрит тут она, красна девушка,
А няньки эты все да оставаются,
Как говорит она тут таковó словó:
«Да ай же вы, мои ли вы нянюшки!

А вы назад теперь воротитесь-ко,

Не нагоняться вам со мной, красной девушкой».

Как нянюшки ведь ёй поклонилися,

Назад оны обратно воротилися.

Как этая тут Марья – лебедь белая,

Выходит она ко белу шатру.

Как у того шатра белополотняна

Стоит-то тут увидел ю добрый конь,

Как начал ржать да еще копьём-то мять

Во матушку-ту во сыру землю,

А стала мать-землюшка продраги-вать.

Как это сну богатырь пробуждается,

На улицу он сам пометается,

Выскака́л он в тонкиих белых чулочках без чоботов,

В тонкой белой рубашке без пояса.

Смотрит тут Михайло на вси стороны,

А никого он не наглядел тут был.

Как говорит коню таково слово:

«Да эй ты, волчья сыть, травяной мешок!

А что же ржешь ты да копьем-то мнешь

А вот тую во матушку сыру землю.

Тревожишь ты русийского богатыря?»

Как взглянет на дру́гую шатра еще другу сторону,

Ажно там-то ведь стоит красна девушка.

Как тут-то он, Михайлушка, подскакивал,

А хочет целовать, миловать-то ю,

Как тут она ему воспрого́ворит:

«Ай же ты, удалый добрый молодец!

Не знаю я теби да ни имени,

Не знаю я теби ни изотчины.

А царь ли ты есте, ли царевич был,

Король ли ты, да королевич есть?

Только знаю, да ты русский-то богатырь здесь.

А не целуй меня, красной девушки:

А у меня уста были поганые,

А есть-то ведь уж веры я не вашии,
Не вашей-то ведь веры есть, поганая.
А лучше-то возьми ты меня к себе еще,
Ты возьми, сади на добра коня,
А ты вези меня да во Киев-град,
А проведи во веру во крещеную,
А тожно ты возьми-тко меня за себя замуж».
Как тут-то ведь Михайло сын Иванов был;
Садил он-то к себе на добра коня,
Повез-то ведь уж ю тут во Киев-град.
А привозил Михайлушка во Киев-град,
А проводил во веру во крещеную,
А приняли оны тут златы венцы.
Как клали оны заповедь великую:
Который-то у их да наперед умрет,
Тому идти во матушку сыру землю на три году
С тыим со телом со мертвыим.
Ино оны ведь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,

Как стали-то они детей наживать.

Да тут затым князь тот стольноки-евский,

Как сделал он, заде́рнул свой почестный пир

Для князей, бояр да для киевских,

А для русийских всих могучиих бога-тырей.

Как вси-то о́ны на́ пир собираются,

А вси тут на пиру наедаются,

А вси тут на пиру напиваются,

Стали вси оны там пьянешеньки,

А стали вси оны веселешеньки;

Стало красно солнышко при вечере,

Да почестный пир, братцы, при веселе.

Как тут-то ведь не ясные соколы

Во чистом поле ещё разлеталися,

Так русийские могучие богатыри

В одно место съезжалися

А на тот-то на почестный пир.

Ильюшенька приехал из чиста поля,

Хвастает Ильюшенька, спроговорит:

«А был-то я ещё во чистом поли,

Корил-то я языки всё неверные,

А прибавлял земельки святорусские».

Как хвастает-то тут Добрынюшка:

«А был-то я за славным за сини́м мо-ре́м,

Корил там я языки всё неверные,

А прибавлял земельки святорусские».

Как ино что Михайлушке да чим будет повыхвастать?

Сидит-то тут Михайло, думу думает:

«Как я, у меня, у молодца

Получена столько есть молода жена.

Безумный-от как хвастат молодой женой,

А умный-от как хвастат старой матушкой».

Как тут-то он, Михайлушка, повыдумал:

«Как был-то я у корбы у темныи,

А у тыи у грязи я у черныи,

А у того царя я Вахрамея Вахрамеева.

Корил-то я языкушки неверные,

А прибавлял земельки святорусские.
Еще-то́ я с царем там во дру́гиих,
Играл-то я во доски там во шахматны,
А в дороги тавле́и золоченые;
Как я у его ещё там повыиграл
Бессчетной-то еще-то золотой казны,
А сорок-то телег я ордынскиих;
Повез-то я казну да во Киев-град,
Как отвозил я то на чисто поле,
Как оси-ты тележные железны подломилися;
Копал-то тут я погребы глубокие,
Спустил казну во погребы глубокие».
На ту пору еще, на то времячко
Из Киева тут дань попросилася
К царю тут к Вахрамею к Вахрамееву,
За двенадцать лет, за прошлые годы, что за нунешний.
Как князи тут-то киевски, все бо́яра,
А тот ли этот князь стольнокиевский
Как говорит-промолвит таково слово:

«Да ей же вы, бояра вы мои всё киевски,
Русийски всё могучие богатыри!
Когда нунь у Михайлушки казна ещё повыиграна
С царя с Вахрамея Вахрамеева, —
Да нунечку ещё да теперечку
Из Киева нунь дань поспросилася
Царю тут Вахрамею Вахрамееву, —
Пошлем-то мы его да туды-ка-ва
Отдать назад бессчетна золота казна,
А за двенадцать лет за прошлые годы,
что за нунешний».
Накинули тут службу великую
А на того Михайлу на Потыка
Вси князи тут, бояра киевски,
Все российские могучие богатыри.
Как тут-то ведь Михайло отряжается,
Как тут-то он, Михайло, снаряжается
Опять назад ко корбы ко темныи,
А ко тыи ко грязи ко черныи,
К царю он к Вахрамею Вахрамееву.

А ехал он туды да три месяца.
Как приезжал он тут во царство то,
К царю он к Вахрамею Вахрамееву;
А заезжал на его да на ши́рок двор,
А становил он добра коня ведь середь широка́ двора
К тому столбу ко точеному,
А привязал к кольцу к золоченому,
Насыпал коню он пшены белояровой.
Сам он шел тут по новым сеням,
А заходил в палату во царскую
К царю он к Вахрамею Вахрамееву.
Как скоро он, Михайлушка, доклад держал,
Клонится Михайло на вси стороны,
А клонится на четыре сторонушки,
Царю да Вахрамею в особину:
«Здравствуй, царь ты, Вахрамей Вахрамеевич!» —
«Ах, здравствуй-ко, удалый добрый молодец!
Не знаю я тебе да ни имени,
Не знаю я тебе ни изотчины.

А царь ли ты ведь есть, ли царевич зде,
Ай король, ли ты королевич есть,
Али с тиха Дону ты донской казак,
Аль грозный есть посол ляховитскии,
Аль старый казак ты Илья Муромец?»
Как говорит Михайло таково слово:
«Не царь-то ведь уж я, не царевич есть,
А не король-то я, не королевич есть,
Не из тиха Дону не донской казак,
Не грозный я посол ляховитский был,
Не старый я казак Илья Муромец, —
А есть-то я из города из Киева
Молодой Михайло Потык сын Иванович». —
«Зачим же ты, Михайло, заезжал сюда?» —
«Зашел-то я сюда, заезжал к тебе,
А царь ты, Вахрамей Вахрамеевич,
А я слыхал – скажут, ты охвоч играть
Да в доски-ты шахматны,
А в дороги тавлеи золоченыя,
А я-то ведь ещё уж также бы.

Поиграем-ка во доски мы шахматны,

В дороги тавлеи золоченые.

Да ах же ты, царь Вахрамей Вахрамеевич!

Насыпь-ко ты да бессчетной золотой казны

А сорок-то телег да ордынскиих».

Как ино́ тут Михайлушка спроговорит:

«Ах ты, царь же Вахрамей Вахрамеевич!

А бью я о головке молодецкий:

Как я теби буду служить да слугою верною

А сорок-то годов тебе с годичком

За сорок-то телег за ордынскиих».

Как этот-то царь Вахрамей Вахрамеев был

Охвоч играть во доски-ты шахматны,

А в дороги тавлеи золоченыя,

Всякого-то ведь он да по́играл,

Как тут-то себе да ведь думает:

А наб мне молодца да повыиграть.

Как тут они наставили дощечку ту

шахматну,

Начали они по дощечке ходить-гулять.

А тут Михайлушка ступень ступил – не до́ступил,

А дру́гой как ступил, сам приза́ступил,

А третий что ступил, его по́играл,

А выиграл бессчетну золоту казну —

А сорок-то телег тых ордынскиих.

Говорит-промолвит таково слово:

«Да ах ты, царь Вахрамей Вахрамеевич!

Теперечку еще было нунечку

Дань из города из Киева спросилася;

Тебе-то ведь нунь она назад пойдет,

Как эта бессчетна золота казна,

А за двенадцать год – за прошлые что годы,

что за нунешний,

Назад то ведь тут дань поворотилася».

Как тут-то ведь царю да Вахрамею Вахрамееву

А стало зарко есть, раззадорило,

Стало жаль бессчетной золотой каз-

ны.

Как говорит Михайле таково слово:

«А молодой Михайло Потык сын Иванович!

А поиграем ещё со мной ты другой-от раз.

Насыплю я бессчетной золотой казны,

А сорок я телег да ордынскиих,

А ты-то мне служить да слугой будь верною

А сорок-то годов еще с годичком».

Как бьет опять Михайлушка о своей головке

молодецкии.

Наставили тут доску-то шахматну,

Как начали они тут ходить-гулять

По той дощечке по шахматной.

Как тут Михайлушка ступень ступил – не доступил,

А другой ступил, сам призаступил,

А третий-то ступил, его и поиграл,

Как выиграл бессчетной золотой казны —

Сорок-то телег да ордынскиих.

Как тут-то ведь царь Вахрамей Вахрамеевич,

Воспроговорит опять он таково слово:

«Молодой Михайле Потык сын Иванович!

Сыграем-ко мы ещё остатний раз

В тыи во дощечки во шахматные.

Как я-то ведь уж, царь Вахрамей Вахрамеевич,

Я бью с тобой, Михайло сын Иванович,

А о тоем, о том велик залог:

А буду я платить дань во Киев-град,

А за тыих двенадцать лет – за прошлые что годы,

что за нунешний,

А сорок я телег да ордынскиих;

А ты бей-ко головки молодецкии:

Служить-то мне слугой да верною,

А будь ты мне служить да до смертито».

Как тут-то он, Михайлушка,

А бьет-то он о головке молодецкии,

Служить-то царю до смерти-то.

Остатний раз наставили дощечку тут шахматну.

А и тут Михайлушка ступень ступил – не доступил,

А другой-то ступил, сам призаступил,

А третий как ступил, его и поиграл,

Выиграл бессчетну золоту казну:

А дань платить во Киев-град великую.

На ту пору было, на то времячко

А налетел тут голубь на окошечко,

Садился-то тут голубь со голубкою,

Начал по окошечку похаживать,

А начал он затым выговаривать

А тым, а тым языком человеческим:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Ты играешь, молодец, прохлаждаешься,

А над собой незгодушки не ведаешь:

Твоя-то есть ведь молода жена,

А тая-то ведь Марья – лебедь белая, преставилась».

Скочил тут как Михайло на резвы но-

ги,

Хватил он эту доску тут шахматну,

Как бросил эту доску о кирпичный мост

А во палаты тут во царские.

А терема вси тут пошатались,

Хрустальные оконницы посыпались,

Да князи тут, бояра все мертвы лежат,

А царь тот Вахрамей Вахрамеевич,

А ходит-то ведь он раскорякою.

Как сам он говорит таково слово:

«А молодой Михайло Потык сын Иванович!

Оставь ты мне бояр хоть на семена,

Не стукай-ко доской ты во кирпичный мост».

Как говорит Михайло таково слово:

«Ах же ты царь, Вахрамей Вахрамеевич был!

А скоро же ты вези-тко бессчетну золоту казну

Во стольнёй-от город да во Киев-град».

Как скоро сам бежал на широкий двор,

Как ино ведь седлает он своего добра коня,

Седлат, сам приговариват:

«Да ах же ты, мой-то ведь уж добрый конь!

А нёс-то ты сюды меня три месяца,

Неси-тко нунь домой меня во три часу́».

Приправливал Михайлушка добра коня.

Пошел он, поскакал его добрый конь

Реки-то, озера перескакивать,

А темный-от лес промеж ног пустил;

Пришел он, прискакал да во Киев-град,

Пришел он, прискакал ведь уж в три часу.

Расседлывал коня тут, разуздывал,

А насыпал пшены белояровой,

А скоро сам бежал он на выходы высокие,

Закричал Михайло во всю голову:

«Да ай же мои братьица крестовые,

Крестовые вы братьица, назва́ные,

Ай старый казак ты, Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Никитинич!
А подьте-ко вы к брату крестовому
А на тую на думушку великую».
Как тут-то ведь уж братьица справлялися,
Тут-то оны удалы снаряжалися,
Приходят оны к брату крестовому,
К молоду Михайле да к Потыку:
«Ай же брат крестовый, наш названыи!
А ты чего же кричишь, нас тревожишь ты,
Русийских могучих нас богатырёв?»
Как он на то ведь им ответ держит:
«Да ай же, мои братьица крестовые,
Крестовые вы братьица, названые!
Стройте вы колоду белоду́бову:
Идти-то мне во матушку во сыру́ землю́
А со тыим со телом со мертвыим,
Идти-то мне туды да на три году, —
Чтобы можно класть-то хлеба-соли, воды да туда-ка-ва,

Чтобы было там мни на три году запасу-то».

Как этыи тут братьица крестовые

Скорым-скоро, скоро да скорешенько

Как строили колоду белодубову.

Как тот-этот Михайло сын Иванов был,

Как скоро сам бежал он во кузницу,

Сковал там он трои-ты клеща-ты,

А трои прутья еще да железные,

А трои еще прутья оловянные,

А третьи напослед еще медные.

Как заходил в колоду белодубову

А со тыим со телом со мертвыим.

Как братьица крестовы тут названые,

Да набили они обручи железные

На тую колоду белодубову.

А это тут ведь дело не деется

А во тую во субботу во христовскую;

Как тут это старый казак и да Илья Муромец

Молодой Добрынюшка Никитинич,

А братья что крестовые, названые,
Копали погреб тут оны глубокии,
Спустили их во матушку во сыру землю,
Зарыли-то их в желты́ пески.
Как там была змея подземельная,
Ходила там змея по подзе́мелью.
Приходит ко той колоде белодубовой;
Как раз она, змея, тут да дернула,
А обручи на колоде тут лопнули;
Другой-то раз ещё она и дернула,
А ряд-то она тесу тут сдернула
А со тыи колоды белодубовой.
Как тут-то ведь Михайле не дойдет сидеть,
А скоро как скочил он тут на ноги,
Хватил-то он тут клещи железные.
Как этая змея тут подземельная,
Третий еще раз она дернула,
Остатний-то ряд она сдернула.
Как тут Михайло с женой споказалися,
Да тут тая змея зрадова́лася:

«А буду-то я нунчу сытая,
Сытая змея, не голодная!
Одно е́сте тело да мертвое,
Друга жи́ва головка человеческа».
Как скоро тут Михайло сын Иванович
Захватил змею ю во клещи-то,
Хватил он тут-то прутья железные,
А почал бить поганую ю в одноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется;
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,
А принесу я ти живу воду́ да в три году».
Как бьет-то змею в одноконечную.
Как молится змея тут, поклоняется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,
А я принесу я-то живу воду да в два году». —
«Да нет мне, окаянна, всё так долго

ждать».

Как бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

Принесу-то я тебе живу воду в один-то год».

А расхлыстал он прутья-то железные

О тую змею о проклятую,

Хватил он тут-то прутья оловянные,

А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

Принесу тебе живу воду я в полгоду». —

«А нет мне, окаянна, всё так долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

А принесу живу воду в три месяца». —

«А нет-то мне, поганая, всё долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

А принесу живу воду в два месяца». —

«А нет-то мне, поганая, всё долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

А расхлыстал он прутья оловянные,

Хватил-то он прутья да медные,

А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

А принесу я ти живу воду а в месяц-то». —

«А нет мне, окаянна, всё так долго

ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Как молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей-ко ты змеи, не кровавь меня,

Принесу я ти живу воду в неделю-то».

—

«А нет мне, окаянна, всё так долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

А принесу я те живу воду в три-то дни».

—

«А нет, мне, окаянна, всё так долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Принесу я ти живу воду в два-то дни».

—

«А нет мне, окаянна, всё так долго ждать».

А бьет-то он змею в одноконечную.

Молится змея тут, поклоняется,

А говорит змея да таково слово:

«А принесу живу воду в один-то день».

—

«А нет, мне, окаянна, всё так долго ждать».

Как бьет-то он змею в одноконечную.

А молится змея тут, поклоняется:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Не бей больше змеи, не кровавь меня,

Принесу я те живу воду в три часу».

Как отпускал Михайло сын Иванов был,

Как эту змею он погануюю,

Как взял в заклад себи змеенышов,

Не пустил их со змеей со поганою.

Полетела та змея по подземелью,

Принесла она живу воду в три часу.

Как скоро тут Михайло сын Иванов

был,

Взял он тут да ведь змееныша:

Ступил-то он змеенышу на ногу,

А как раздернул-то змееныша надвое,

Приклал-то ведь по-старому в одно местó,

Помазал-то живой водой змееныша,

Как сросся-то змееныш, стал по-старому;

А в других помазал – шевелился он,

А в третьих-то сбрызнул – побежал-то как,

Как говорит Михайло таково слово:

«Ай же ты, змея да поганая!

Клади же ты да заповедь великую,

Чтобы те не ходить по подзéмелью,

А не съедать-то бы тел ти мертвыих».

Как клала она заповедь, поганая, великую:

А не ходить больше по подземелью,

А не съедать бы тел да ведь мертвыих.

Спустил-то он поганую, не ранил ли.

Как скоро тут Михайло сын Иванов

был,

Сбрызнул эту Марью – лебедь белую

Живой водой да ю да ведь этою,

Как тут она еще да ведь вздрогнула;

Как другой раз сбрызнул, она сидя села-то;

А в третьих-то он сбрызнул, она повыстала;

А дал воды-то в рот, она заговорилато:

«Ах молодой Михайло Потык сын Иванович!

А долго-то я нунечу спала-то». —

«Кабы не я, так ты ведь век бы спалато,

А ты ведь да Марья – лебедь белая».

Как тут-то ведь Михайлушка раздумался,

А как бы им повыйти со сырой земли.

Как думал-то Михайлушка, удумал он,

А закричал Михайло во всю голову.

Как этое дело-то ведь деется,

Выходит что народ тут от заутренки

христосския
На тую на буевку да на ту сырую землю.
Как ино ведь народ еще приуслыхались
А что это за чудо за диво есть,
Мертвые в земле закричали все?
Как этыи тут братьица крестовые,
Старый казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Никитинич,
В одно место оны сходилися,
Сами тут оны ведь уж думу думают:
«А видно, наш есть братец был крестовыи,
А стало душно-то ему во матушке сырой земли,
А со тыим со телом со мертвыим,
А он кричит ведь там громким голосом».
Как скоро взимали лопаты железные,
Бежали тут оны да на яму ту,
Разрыли как оны тут желты пески, —
Ажно там оны да обы́ живы́.
Как тут выходил Михайло из матушки

сырой земли,

Скоро он тут с братцами христоскался.

Как начал тут Михайлушка жить да быть,

Тут пошла ведь славушка великая

По всёй орды, по всёй земли, по всёй да селенныи,

Как есть-то есте Марья – лебедь белая,

Лебедушка там белая, дочь царская,

А царская там дочка мудреная,

Мудрена она дочка, бессмертная.

Как на эту на славушку великую

Приезжает тут этот прекрасный царь Иван Окульевич

А со своей со силою великою

А на тот-то да на Киев-град,

Как на ту пору было, на то времячко

Богатырей тут дома не случилося,

Стольки тут дома да случился

Молодой Михайло Потык сын Иванович.

Как тут-то ведь Михайлушка сряжа-

ется,

А тут-то ведь Михайло снаряжается

Во далече еще во чисто поле

А драться с той со силою великою.

Подъехал тут Михайло сын Иванов был,

Прибил он эту и силу всю в три часу,

Воротился тут, Михайлушка, домой он во Киев-град,

Да тут-то ведь, Михайлушка, он спать-то лег.

Как спит он, молодец, прохлаждается,

А над собой незгодушки не ведает.

Опять-то приезжает тот прекрасный царь

Иван Окульевич,

Больше того он со силой с войском был,

А во тот-то, во тот да во Киев-град.

А начал он тут Марьюшку подсватывать,

А начал он тут Марью подговаривать:

«Да ай же ты, да Марья – лебедь белая!

А ты поди-ка, Марья, за меня замýж,

А за царя ты за Ивана за Окульева».

Как начал улещать ю, уговаривать:

«А ты поди, поди за меня замуж,

А будешь слыть за мной ты царицею,

А за Михайлом будешь слыть не царицею,

А будешь-станешь слыть портомойница

У стольного у князя у Владимира».

Как тут она еще да подумала:

«А что-то мне-ка слыть портомойница?

Лучше буде слыть мне царицею

А за тем за Иваном за Окульевым».

Как ино тут она ещё на то укидалася,

Позвалась, пошла за его замуж.

Как спит-то тут Михайло прохлаждается,

А ничего Михайлушка не ведает.

А тут-то есть его молода жена,

А тая-то ведь было любимá семья,

А еще она, Марья – лебедь белая,

Замуж пошла за прекрасного царя-то

за Окульева,
Поехал тут-то царь в свою сторону.
Как это сну богатырь пробуждается,
Молодой Михайло Потык сын Иванович,
Как тут-то его братьица приехали,
Старый казак да Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Никитинич.
Как начал он у их тут доспрашивать,
Начал он у их тут доведывать:
«Да ай же мои братьица крестовые,
Крестовые вы братьица названые!
А где-то есть моя молода жена,
А тая-то ведь Марья – лебедь белая?»
Как тут ему оны воспроговорят:
«Как слышали от князя от Владимира,
Твоя-то там есте молода жена,
Она была ведь нынечку замуж пошла
А за царя-то за Ивана за Окульева».
Как он на то ведь им ответ держит:
«Ай же мои братьица крестовые!
Пойдемте мы, братьица, за им след с

угоною».

Говорят ему таково слово:

«Да ай же ты, наш братец крестовый был!

Не честь-то нам хвала, молодцам,

А ехать за чужой женой ещё след с угоною.

Кабы ехать нам-то ведь уж след тебя,

Дак ехали бы мы след с угоною.

А едь-ко ты один, добрый молодец,

А едь-ко, ничего да не спрашивай;

А застанешь ты ведь их на чистом поли,

А отсеки ты там царю да головушку».

Поехал тут Михайло след с угоною,

Застал-то ведь уж их на чистом поли.

Как этая тут Марья – лебедь белая

Увидала тут Михайлушка Потыка,

Как тут скоро наливала пи́тей она,

А питей наливала да сонных.

Подходит тут к Михайле да к Потыку:

«Ах молод-то ты, Михайло Потык сын Иванович!

Меня силóм везет да прекрасный царь Иван Окульевич,

Как выпей-ко ты чару зелена́ вина

С тоски-досады со великии».

Как тут этот Михайло сын Иванович,

Выпивал он чару зелена вина,

А по другой да тут душа горит;

Другую-то он выпил, да ведь третью вслед.

Напился тут, Михайло, он дóпьяна,

Пал-то на матушку на сыру землю.

Как этая тут Марья – лебедь белая

А говорит Ивану таково слово:

«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!

А отсеки Михайле ты головушку».

Как говорит Иван тут таково слово:

«Да ай же ты, да Марья – лебедь белая!

Не честь-то мне хвала молодецкая

А сонного-то бить, что мне мертвого.

А лучше он проспится, протверезится,

Дак буду я бить-то его силою,

Силою, я войском великим:

А будет молодцу мне честь-хвала».

Как тут она ещё да скорым-скоро,

Приказала-то слугам она верныим

А выкопать что яму глубокую.

Как слуги ей тут да верные,

Копали они яму глубокую,

Взимала тут Михайлу под пазухи,

Как бросила Михайла во сыру землю,

А приказала-то зарыть его в песочки желтые.

Как ино тут вперед оны поехали,

Оставался тут Михайло на чистом поли.

Как тут-то у Михайлы ведь добрый конь

А побежал ко городу ко Киеву,

А прибегал тут конь да во Киев-град,

А начал он тут бегать да по Киеву.

Увидали-то как братья тут крестовые,

Молодой Добрынюшка Никитинич

А старый казак тут Илья Муромец,

Сами как говорят промежду́ собой:

«А нет жива-то братца же крестового,

Крестового-то братца, названого,

Молода Михайлушки Потыка».

Садились тут оны на добрых коней,

Поехали они след с угоною.

А едут тут оны по чисту поли,

Михайлин еще конь наперед бежит.

А прибегал на яму на глубокую,

Как начал тут он ржать да копьем-то мять

Во матушку во ту во сыру землю.

Как смотрят эти братьица крестовые:

«А видно этта братец наш крестовый был,

А молодой Михайло Потык сын Иванович»,

Как тут-то ведь они да скорым-скоро

Копали эту яму глубокую.

А он-то там проспался, прохмелился, протверезился,

Скочил-то тут Михайло на резвы ноги,

Как говорит Михайло таково слово:
«Ай же мои братьица крестовые!
А где-то есте Марья – лебедь белая?»
Говорят тут братья таково слово:
«А тая-та ведь Марья – лебедь белая,
Она-то ведь уж нунечку замуж пошла
А за прекрасного царя да за Окульева».
—
«Поедемте мы, братьица, с угоною».
Как говорят оны тут таково слово:
«Не честь-то нам хвала молодецкая
А ехать нам за бабой след с угоною,
А стыдно нам будет да похабно е.
А едь-ко ты один, добрый молодец,
Застанешь-то ведь их ты на чистом поли,
А ничего больше ты не следуй-ко,
А отсеки царю ты буйну голову,
Возьми к себе ты Марью – лебедь белую».
Как тут-то он, Михайлушка, справляется,
Как скоро след с угоной снаряжается,

Застал-то их опять на чистом поли,
А у тых расстанок у крестовскиих,
А у того креста Левани́дова.
Увидала тая Марья – лебедь белая
Молода Михайлу тут Потыка,
Как говорит она таково слово:
«Ай же ты, прекрасный царь, Иван Окульев ты!
А не отсек Михайле буйной гóловы,
А отсекет Михайло ти головушку».
Как тут она опять скорым-скоро
А налила питей ещё сонных,
Подносит-то Михайлушке Потыку,
Подносит, сама уговариват:
«А как меженный день не может живто быть,
Не может жив-то быть да без красного солнышка,
А так я без тебя, молодой Михайло Потык сын
Иванович,
А не могу-то я ни есть, ни пить,
Ни есть, ни пить, не могу больше жива

быть

А без тебя, молодой Михайло Потык сын Иванович!

А выпей-ка с тоски, нунь с кручинушки,

А выпей-ка ты чару зелена вина».

Как тут-то ведь Михайлушка на то да укидается,

А выпил-то он чару зелена вина,

А выпил – по другой душа горит;

А третью-то он выпил, сам пьян-то стал,

А пал на матушку на сыру землю.

Как тая-эта Марья – лебедь белая

А говорит-промолвит таково слово:

«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!

А отсеки Михайле буйну голову:

Полно тут Михайле след гонятися».

А говорит тут он таково слово:

«Ай же ты, Марья – лебедь белая!

А сонного-то бить, что мне мертвого.

А пусть-ко он проспится, прохмелится, протверезится,

А буду ведь я его бить войском-то,

А рат-то я ведь силушкой великою».
Она ему на то ответ держит:
«Прибьет-то ведь силу-ту великую».
Опять-то царь на то не слагается,
А поезжат-то царь да вперед опять.
Как этая тут Марья – лебедь белая
Взимала тут Михайлушку Потыка,
Как бросила Михайлу через плечо,
А бросила, сама выговаривать:
«А где-то был удалый добрый молодец,
А стань-то бел горючий камешек,
А этот камешек пролежи да на верх земли три году,
А через три году пройди-ка он скрозь матушку,
скрозь сыру землю».
Поехали оны тут вперед опять,
А приезжали в эту землю Сарацинскую.
Как познали тут братьица крестовые,
Старый казак тут Илья Муромец
А молодой Добрынюшка Никитинич,
А не видать что братца есть кресто-

вого,
Молода Михайлы Потыка Иванова,
Сами тут говорят промежу собой:
«А наб искать-то братца нам крестового,
А молода Михайлу Потыка Иванова»,
Как справились они тут кали́ками,
Идут они путем да дорожкою.
Выходит старичок со сторонушки:
«А здравствуйте-тко, братцы, добры молодцы,
А старыи казак ты Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Никитинич!»
А он-то их знает, да оны не знают, кто:
«А здравствуй-ка ты еще, дедушка». —
«А Бог вам на пути, добрым молодцам.
А возьте-ка вы, братцы, во товарищи,
Во товарищи вы возьте, в атаманы вы».
Как тут-то оны ведь думу думают,
Сами-то говорят промежу собой:
«Какой-то есть товарищ ещё нам-то

был,
А где ему да гнаться за нами-то!..
А рады мы ведь, дедушка, товарищу».
Пошел рядом с нима́ тут дедушка,
Пошел рядом, еще наперед-то их.
А стали как оны оставляться бы,
Едва-то старичка на виду его держат-то.
Как тут пришли в землю Сарацинскую,
К прекрасному к царю да к Ивану Окульеву,
Ко тыи ко Марье Вахрамеевной,
Как стали тут оны да рядом еще,
Закричали тут оны во всю голову:
«Ах же ты, да Марья – лебедь белая,
Прекрасный ты царь Иван Окульев был!
А дайте нам злату милостыню спасеную».
Как тут-то в земли Сарацинскии
Теремы во царствии пошатались,
Хрустальные оконницы посыпались
А от того от крику от каличьего.

Как тут она в окошко по поясу бросалася,

А этая-то Марья – лебедь белая,

А смотреть-то калик что перехожиих.

А смотрит, что сама воспрогóворит:

«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!

А это не калики, есте русские богáтыри:

Старый казак Илья Муромец,

А молодой Добрынюшка Никитич-он,

А третий, я не знаю, какой-то е.

Возьми калик к себи, ты корми, пои».

Взимали тут калик да к себе оны

А во тую палату во царскую,

Кормили-то, поили калик оны досыта.

А досыта кормили их да допьяна,

А надали им злата тут, серебра,

Насыпали-то им да по пóдсумку.

Как тут оны пошли назад еще, добры молодцы,

К стольному ко городу ко Киеву.

А отошли от царства ровно трú версты,

Забыли они братца что крестового,
А молода Михайлу Потыка Иванова.
Как пошли они, затым вспомнили:
«Зачим-то мы пошли, а не то сделали,
Забыли-то мы братца-то крестового,
Молода Михайлу Потыка Иванова».
Как тут скоро назад ворочалися,
Сами тут говорят таково слово:
«Ай же ты, да Марья – лебедь белая!
Куда девала ты да братца-то крестового,
А молода Михайлушку Потыка?»
Как тут она по поясу в окошко-то бросалася,
Отвечат-то им таково слово:
«А ваш-то есте братец крестовыи —
Лежит он у расстанок у крестовскиих,
А у того креста Леванидова,
А белыим горючшим камешком».
Как тут оны поклонились, воротилися,
Как тут пошли путем да дорогою;
Смотрят, ищут братца-то кресто-

вого,

Проходят оны братца тут крестового;

Как этая калика перехожая

А говорит тут им таково слово:

«Ай же вы, да братья всё крестовые!

Прошли да вы что братца есть крестового,

А молода Михайлу Потыка Иванова».

Как тут-то воротился старичок тот был,

Приводит этих братьицев крестовыих

К тому горючему ко камешку,

Да говорит тут старичок таково слово;

«А скидывайте-ка вы, братцы, с плеч подсумки,

А кладьте вы еще на сыру землю,

А высыпайте вы да злато-серебро,

А сыпьте-тко все вы в одно место».

Как высыпали злато они, серебро

А со тыих, со тых да со подсумков,

А сыпали оны тут в одно место.

Как начал старичок тут живота делить:

Делит он на четыре на части бы.

Как тут-то говорят они таково слово:

«Ай же ты, да дéдушко древний был!

А что же ты живот делишь не ладно бы,

А на четыре-то части не ровно-то бы?»

Как говорит старик тут таково слово:

«А кто-то этот здынет да камешек,

А кинет этот камень черéз плечо,

Тому две кучи да злата, серебра».

А посылат Ильюшенька Добрынюшку

А приздынуть тут камешек горючии.

Скочил-то тут Добрынюшка Никитич-он,

Хватил он этот камень, здынул его,

Здынул-то столько до колен-то он,

А больше-то Добрынюшка не мог здынуть,

А бросил этот камень на сыру землю.

Подскакивал ведь тут Илья Муромец,

Здынул он этот камень до пояса,

Как больше-то Ильюшенька не мог здынуть.

Как этот старичок тут подхаживал,

А этот-то он камешек покатывал,

А сам он камешку выговаривал:

«А где-то был горючий белый камешек,

А стань-ко тут удалый добрый молодец,

А молодой Михайло Потык сын Иванович.

Подлегчись-то, Михайлушка, легким-легко!»

Взимал-то он да кинул черéз плечо,

А назади там стал удалый добрый молодец,

Молодой Михайло Потык сын Иванович.

Как тут-то старичок им спроговорит:

«Ай же вы, богатыри русские!

А я-то есть Никола Можайскиц,

А я вам пособлю за веру-отечество,

А я-то вам есть русскиим богатырям».

Да столько они видели старичка тут бы.

Как строили оны тут часовенку,

Тому оны Николе Можайскому.

Как тут этот Михайло сын Иванович

А говорит-то им таково слово:

«Ах же мои братьица крестовые!

А где-то есть моя молода жена,

А тая-то ведь Марья – лебедь белая?»

Как говорят оны таково слово:

«Твоя-та еще есть молода жена

Замуж пошла за царя за Ивана за Окульева».

Как говорит он им таково слово:

«Поедемте-ко мы, братцы, след с угоною».

Как говорят оны таково слово:

«Не честь-то нам хвала молодецкая

Идти нам за чужой-то женой, ведь за бабою.

Как мы-то за тобой, добрый молодец,

Идем-то мы да след-то с угоною.

Поди-тка ты один, добрый молодец,

А ничего не следуй-ко, не спрашивай,

А отсеки царю ты буйну голову,

Тут возьми ты Марью – лебедь белую».

Как скоро шел Михайло, он Потык тот,

А приходил в землю Сарацинскую;

Идет-то он к палаты ко царскии.

Увидала тая Марья – лебедь белая,

Как налила питей она сонныих

А тую эту чару зелена вина,

Сама тут говорит таково слово:

«Прекрасный ты царь Иван Окульев был!

А не отсек Михайле буйной головы,

А он-то нонь, Михайлушка, живой-то стал».

Как тут она подходит близешенько,

А клóнится Михайле понизешенько:

«А ты, молодой Михайла Потык сын Иванович!

Силом увез прекрасный царь Иван Окульевич,

Как нунечку ещё было теперечку

Меженный день не может жив-то быть

А без того без красного без солнышка,

А так я без тебя, молодой Михайло Потык

сын Иванович,

А не могу-то я да ведь жива быть,

А жива быть, не могу-то есть, ни пить,

Теперь твои уста были печальные,

А ты-то ведь в великой во кручинушке.

А выпей-ко с тоски ты, со досадушки

А нынечку как чару зелена вина».

Как выпил-то он чару, по другой душа горит,

А другу выпил, еще третью след.

Напился тут Михайлушка допьяна,

Пал он тут на матушку на сыру землю.

Как этая тут Марья – лебедь белая

А говорит-промолвит таково слово:

«Прекрасный ты царь Иван Окульевич!

А отсеки Михайле буйну голову».

А говорит-то царь таково слово:
«Да ай же ты, да Марья – лебедь белая!
Не честь-то мне хвала молодецкая
А бить-то мне-ка сонного, что мертвого,
А лучше пусть проспится, прохмелится, протверезится,
А буду бить его я ведь войском тым,
А силушкой своей я великою.
Как я его побью, а мне-ка будет тут честь-хвала
По всей орды ещё да селенныи».
Как тут-то эта Марья – лебедь белая
Бежала ведь как скоро в кузницу,
Сковала тут она да ведь пять гвоздов,
Взимала она молот три пуда тут,
Хватила тут Михайлу как под пазухи,
Стащила что к стены-то городóвыи,
Распялила Михайлу она на стену,
Забила ему в ногу да гвоздь она,
А в другую забила другой она,
А в ру́ку-то забила она, в дру́гу так,

А пятой-от гвоздь она оборонила-то.

Как тут она ещё да Михайлушку

Ударила ведь молотом в бело́ лицо,

Облился-то он кровью тут горючею.

Как ино тут у того прекрасного царя Ивана

да Окульева

А была-то сестрица да ро́дная,

А та эта Настасья Окульевна;

Пошла она гулять по городу,

Приходит ко стене к городовыи,

А смотрит тут задернута черна́я за́веса:

Завешан тут Михайлушко Потык-он,

Как тут она ведь завесы отдернула,

А смотрит на Михайлушку Потыка.

Как тут он прохмелился, добрый молодец,

Как тут она ему воспрого́ворит:

«Молодой Михайло Потык сын Иванович!

Возьмешь ли ты меня за себя замуж?

А я бы-то тебя да избавила

А от тыи от смерти безнапрасныи». —
«Да ай же ты, Настасья Окульевна!
А я тебя возьму за себя замуж».
А клал-то он тут заповедь великую.
Как этая Настасья тут Окульевна
Скорым-скоро бежала в кузницу,
Взимала она клещи там железные,
Отдирала от стены городовыи
А молода Михайлушку Потыка,
Взимала там она с тюрьмы грешника,
На место да прибила на стену городовую,
Где висел Михайлушка Потык тот,
А утащила тут Михайлушку Потыка
В особой-то покой да в потáйныи.
Как взяла она снадобей здравыих,
Скорым-скоро излечила тут Михайлушку.
Сама тут говорит таково слово:
«Ай же ты, Михайло сын Иванов был!
А наб-то теби латы и кольчуги нунь,
А наб-то теби сабля-то вострая,

А палица ещё богатырская,
А наб-то теби да добра коня?» —
«Ай же ты, Настасья Окульевна!
А надо, нужно, мне-ка-ва надо ведь».
Как тут она да скорым-скоро-скорешенько
Приходит да ко родному братцу-то:
«Ай же ты, мой братец родимыи,
Прекрасныи ты царь Иван Окульевич!
А я-то, красна девушка, нездрава е.
Ночесь мне во́ сне-виденье казалось ли,
Как дал ты уж мне бы добра коня,
А латы-ты уж мне-ка, кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Саблю да, во-третьиих, вострую,
Да здрава-то бы стала красна девушка».
Как он ей давал латы еще да кольчуги-ты,
А палицу ещё богатырскую,
Давает,
в-третьиих, саблю-ту вострую,
Давал он ей еще тут добра коня.

Доброго коня богатырского.
Как тут она сокрутилась, обладилась,
Обседлала коня богатырского,
Как отъезжала тут она на чисто поле,
Говорила-то Михайлушке Потыку,
Как говорила там она ему в потай еще:
«Приди-ко ты, Михайло, на чисто поле,
А дам я теби тут добра коня,
А дам я теби латы, кольчуги вси,
А палицу еще богатырскую,
А саблю ещё дам я ти вострую».
А отходил Михайло на чисто поле,
А приезжат Настасья-то Окульевна
На тое, на то на чисто поле
А ко тому Михайлушке к Потыку,
А подават скоро ему тут добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырские,
А саблю-ту ещё она вострую,
Сокрутился тут Михайлушка богатырем.
Как тут эта Настасья Окульевна,

Бежала-то она назад домой скорым-скоро,

Приходит-то ко родному брату-то:

«Благодарим-те тебя, братец мой родимыи!

А дал-то ведь как ты мне добра коня,

А палицу ты мни богатырскую,

А саблю ты мне-ка да вострую,

А съездила я ведь, прогуляласе,

Стала здрава я ведь нунчу, красна девушка».

Сама она подвыстала на печку тут.

Как едет молодой Михайло Потык сын Иванович

Как на тоем на том добром кони.

Увидала тая Марья – лебедь белая,

Как ино ту подъезжат Михайло сын Иванович

Ко тыи палате ко царскии,

Как говорит-то Марья – лебедь белая:

«Прекрасныи ты царь Иван Окульевич!

Сгубила нас сестра твоя родная,

А та-эта Настасья Окульевна!»

Как тут эта Настасья Окульевна,

Скоро она с печки опущалася.

Как тая-эта Марья – лебедь белая

А налила питей опять сонных,

А налила она тут, подходит-то

А ко тому Михайлушке Потыку:

«Ах молодой Михайло Потык сын Иванович!

Теперь-то нунчу, нунчу теперичку,

Не может-то меженный день а жить-то-быть,

А жить-то-быть без красного без солнышка,

А так я без тебя, а молодой Михайло сын Иванович,

Не могу-то я ведь жива быть,

Ни есть, ни пить, ни жива быть.

Как теперь твои уста нунь печальные,

Печальные уста да кручинные:

А выпей-ко ты чару зелена вина

Со тыи тоски, со досадушки,

А со досады с той со великии».

А просит-то она во слезах его,

А во тых во слезах во великиих.

Как тут-то ведь Михайлушка По́тык-он

Занес-то он праву руку за чару-то,

Как тут эта Настасья Окульевна,

А толкнула она его под руку, —

Улетела тая чара далечохонько.

Как тут молодой Михайло Потык сын Иванович

Наперед отсек-то Марье буйну голову,

Потом отсек царю да прекрасному Ивану Окульеву.

А только-то ведь им тут славы́ поют:

А придал-то он им да горьку́ю смерть.

Как скоро взял Настасью Окульевну,

А взял он ведь ю за себя замуж;

Пошли оны во церковь во Божию,

Как приняли оны тут златы венцы.

Придался тут Михайлушко на царство-то,

А стал-то тут Михайлушко царить-то-жить

А лучше-то он старого да лучше преж-

него.

Соловей Будимирович

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския.
Из-за моря, моря синева,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Леденца,
От того де царя ведь заморскаго
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, един корабль
Славнова гостя богатова,
Молода Соловья сына Будимеровича.
Хорошо корабли изукрашены,
Один корабль полутче всех:
У того было сокола у карабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу каменю по яхонту,
Вместо бровей было прибивано

По черному соболю якутскому,
И якутскому ведь сибирскому,
Вместо уса было воткнуто
Два острыя ножика булатныя;
Вместо ушей было воткнуто
Два востра копья мурзамецкия,
И два горносталя повешены,
И два горносталя, два зимния.
У тово было сокола у корабля
Вместо гривы прибивано
Две лисицы бурнастыя;
Вместо хвоста повешено
На том было соколе-ко́рабле
Два медведя белыя заморския.
Нос, корма – по-туриному,
Бока взведены по-звериному.
Бегут ко городу Киеву,
К ласкову князю Владимеру.
На том соколе-корабле
Сделан муравлен чердак,
В чердаке была беседа дорог рыбей зуб,
Подернута беседа рытым бархотом.

На беседе-то сидел купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимерович.
Говорил Соловей таково слово:
«Гой еси, вы, гости-карабельщики
И все целовальники любимыя!
Как буду я в городе Киеве
У ласкова князя Владимера,
Чем мне-ка будет князя дарить,
Чем света жаловати?»
Отвечают гости-карабельщики
И все целовальники любимыя:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей сын Будимерович!
Есть, сударь, у вас золота казна,
Сорок сороков черных соболей,
Вторая сорок бурнастых лисиц;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка – узор хитер:
Хитрости были Царя-града
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимеровича;
На злате, на серебре – не погнется».

Прибежали карабли под славной Киев-град,
Якори метали в Непр-реку,
Сходни бросали на крут бережек,
Товарную пошлину в таможне плати-ли
Со всех кораблей семь тысячей.
Со всех кораблей, со всего живота.
Брал Соловей свою золоту казну,
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Пошел он ко ласкову князю Владимеру.
Идет во гридю во светлую
Как бы на́ лету двери отворялися,
Идет во гридню купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимерович,
Спасову образу молится,
Владимеру-князю кланеется,
Княгине Апраксевной на особицу
И подносит князю свое дороги пода-рочки:
Сорок сороков черных соболей,

Второе сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку белохрущетую,
Не дорога камочка – узор хитер:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья сына Будимеровича;
На злате и серебре – не погнется.
Князю дары полюбилися,
А княгине наипаче того.
Говорил ласковый Владимер-князь:
«Гой еси ты, богатой гость,
Соловей сын Будимерович!
Займуй дворы княженецкия,
Займуй ты боярския,
Займуй дворы и дворянския».
Отвечает Соловей сын Будимерович:
«Не надо мне дворы княженецкия,
И не надо дворы боярския,
И не надо дворы дворянския.
Только ты дай мне загон земли,
Непаханыя и неараныя,
У своей, асударь, княженецкой племян-

нице,

У молоды Запавы Путятичной,

В ее, сударь, зеленом саду,

В вишенье, в орешенье

Построить мне, Соловью, снаряден двор».

Говорит сударь, ласковой Владимер-князь:

«На то тебе с княгинею подумаю».

А подумавши, отдавал Соловью

Загон земли непаханыя и неараныя.

Походил Соловей на свой червлен корабль,

Говорил Соловей сын Будимерович:

«Гой еси, вы мои люди работныя!

Берите вы тапорики булатныя,

Подите к Запаве в зеленой сад,

Постройте мне снаряден двор

В вишенье, в орешенье».

С вечера поздым-поздо,

Будто дятлы в дерево пощолкивали,

Работали ево дружина хорабрая.

Ко полуноче и двор поспел:
Три терема златоверховаты,
Да трои сени косящетыя,
Да трои сени решетчетыя.
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды,
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили к заутрени,
Ото сна-та Запава пробужалася,
Посмотрела сама в окошечко косящетое,
В вишенья, в орешенья,
Во свой ведь хорошой во зеленой сад.
Чудо Запаве показалося
В ее хорошом зеленом саду,
Что стоят три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки,

Красныя сенныя девушки!
Подьте-тка, посмотрите-тка,
Что мне за чудо показалося
В вишенье, в орешенье».
Отвечают нянюшки-мамушки
И сенныя красныя девушки:
«Матушка Запава Путятишна,
Изволь-ко сама посмотреть —
Счастье твое на двор к тебе пришло!»
Скоро-де Запава нарежается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-та шуби три тысячи,
А пуговки в семь тысячей.
Пошла она в вишенье, в орешенье,
Во свой во хорош во зеленой сад.
У первова терема послушела —
Тут в терему щелчит-молчит:
Лежит Соловьева золота казна;
Во втором терему послушела —
Тут в терему потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, всё молитву творят:

Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны многоразумными.
У третьева терема послушела —
Тут в терему музыка гремит.
Входила Запава в сени косящетые,
Отворила двери на пяту, —
Больно Запава испугалася,
Резвы ноги подломилися.
Чудо в тереме показалося:
На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звезды – в тереме звезды.
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Подломились ее ноженьки резвыя,
Втапоры Соловей он догадлив был:
Бросил свои звончеты гусли,
Подхватывал девицу за белы ручки,
Клал на кровать слоновых костей
Да на те ли перины пуховыя.
«Чево-де ты, Запава, испужалася,
Мы-де оба на возрасте». —

«А и я-де, девица, на выдонье,
Пришла-де сама за тебя свататься».
Тут оне и помолвили,
Целовалися оне, миловалися,
Золотыми перстнями поменялися.
Проведала ево, Соловьева, матушка
Честна вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу кончати посрочила:
«Съезди-де за моря синия,
И когда-де там расторгуешься,
Тогда и на Запаве женишься».
Отъезжал Соловей за моря синея.
Втапоры поехал и голой щап Давыд Попов.
Скоро за морями исторгуется,
А скоре тово назад в Киев прибежал;
Приходил ко ласкову князю с подарками:
Принес сукно смурое
Да крашенину печатную.
Втапоры князь стал спрашивати:
«Гой еси ты, голой щап Давыд Попов!

Где ты слыхал, где видывал

Про гостя богатова,

По молода Соловья сына Будимеровича?»

Отвечал ему голой щап:

«Я-де об нем слышел

Да и сам подлинно видел —

В городе Леденце у тово царя заморскаго

Соловей у царя в пратоможье попал,

И за то посажен в тюрьму.

А корабли его отобраны

На его ж царское величество».

Тут ласковой Владимер-князь закручинился,

Скоро вздумал о свадьбе,

что отдать Запаву за голова щапа Давыда Попова.

Тысецкой – ласковой Владимер-князь,

Свашела княгина Апраксевна,

В поезду – князи и бояра,

Поезжали ко церкви Божий.

Втапоры в Киев флот пришел богатова

гостя,

молодца

Соловья сына Будимеровича, ко городу ко Киеву.

Якори метали во быстрой Днепр,

Сходни бросали на крут красен бережек,

Выходил Соловей со дружиною,

Из сокола-корабля с каликами,

Во белом платье сорок калик со каликою.

Походили оне ко честной вдове Омелфе Тимофевне,

Правят челобитье от сына ея, гостя богатова,

От молода Соловья Будимеровича,

Что прибыл флот в девяносте кораблях

И стоит на быстром Непре,

Под городом Киевым.

А оттуда пошли ко ласкову князю Владимеру

на княженецкий двор.

И стали во единой круг.

Втапоры следовал со свадьбою Владимер-князь

в дом свой,

И вошли во гридни светлыя,

Садилися за столы белодубовыя,

За естваа сахарныя,

И позвали на свадьбу сорок калик со каликою,

Тогда ласковой Владимер-князь

Велел подносить вина им заморския и медá сладкия.

Тот час по поступкам Соловья опазновали,

Приводили ево ко княженецкому столу.

Сперва говорила Запава Путятишна:

«Гой еси, мой сударь дядюшка,

Ласковой сударь Владимер-князь!

Тот-то мой прежней обрученной жених,

Молоды Соловей сын Будимерович.

Прямо, сударь, скачу – обесчестю столы».

Говорил ей ласковой Владимер-князь:

«А ты гой еси, Запава Путятишна!

А ты прямо не скачи, не бесчести столы!»

Выпускали ее из-за дубовы́х столов,

Пришла она к Соловью, поздоровалась,

Взела ево за рученьку белую

И пошла за столы белоду́бовы,

И сели оне за естваа сахарныя,

На большо́ место.

Говорила Запава таково слово

Голому щапу Давыду Попову:

«Здравствуй женимши, да не с ким спать!»

Втапоры ласковой Владимер-князь весел стал,

А княгиня наипаче того,

Поднимали пирушку великую.

Хотен Блудович

Во стольном-то городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Ёго было пированье, был почестей пир.
Да и было на пиру у его две вдовы:
Да одна была Офимья Чусова́ жена,
А друга была Авдотья Блудова́ жена.
Еще в ту пору Авдотья Блудова жена
Наливала чару зелена́ вина́,
Подносила Офимьи Чусовой жены,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
Ты прими у мня чару зелена вина
Да выпей чарочку всю досуха.
У меня есть Хотенушко сын Блудович,
У тебя есть Чейна прекрасная.
Ты дашь ли, не дашь или откажешь-то?»
Еще в ту пору Офимья Чусова жена
Приняла у ей чару зелена вина,

Сама вылила ей да на белы́ груди́,
Облила у ей портище во пятьсот рублей,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Авдотья Блудова жена!
А муж-то был да у тя Блу́дище,
Да и сын-от родился уродище,
Он уродище, куря подслепое:
На коей день гре́нёт, дак зерна найдет,
А на тот-де день да куря сыт живет;
На коей день не гренёт, зе́рна не найдет,
А на тот-де день да куря голодно».
Еще в ту пору Авдотье за беду стало́,
За велику досаду показалося.
Пошла Авдотья со честна пиру,
Со честна пиру да княженецкого,
И повеся идет да буйну голову,
Потопя идет да очи ясные
И во мамушку и во сыру землю.
А настрету ей Хотенушко сын Блудович,

Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты мать, моя мать и государыня!
Ты что идешь со честна пиру не весела,
Со честна пиру да княженецкого?
Ты повеся идешь да буйну голову,
Потопя идешь да очи ясные
И во матушку да во сыру землю?
Али место тебе было от князя не по вотчины?
Али стольники до тебя не ласковы,
Али чашники да не приятливы?
Али пивным стаканом тя обносили,
Али чары с зелены́м вином да не в доход дошли?
Али пьяница да надсмеялася,
И безумница ле навалилася,
Ле невежа нашла да небылым слово́м?»
Говорит ему Авдотья Блудова жена:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Мне-ка место от князя всё было по вотчины;
Меня пивным стаканом не обносили,

И чары с зеленым вином да всё в доход дошли;

И не пьяница и не надсмеялася,

Ни безумница не навалилася,

Ни невежа не нашла и небылым словом.

Нас было на пиру да только две вдовы:

Я одна была Авдотья Блудова жена,

А друга была Офимья Чусова жена.

Наливала я чару зелена вина,

Подносила Офимьи Чусовой жены;

Я сама говорила таково слово:

«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!

Ты прими у мня чару зелена вина,

Да ты выпей чарочку всю досуха.

У меня есть Хотенушко сын Блудович,

У тебя есть Чейна прекрасная.

Ты уж дашь, ле не дашь или откажешьто?»

Еще в та поре Офимья Чусова жена

Приняла у мня чару зелена вина,

Сама вылила мне да на белы груди,

А облила у мня портище во пятьсот рублей;

Да сама говорила таково слово:

«Уж ты ой еси, Авдотья Блудова жена!

Да муж-от был да у тя Блудище,

Да и сын-от родилося уродище,

Уродище, куря подслепоё.

На коей день гренёт, дак зерна найдет,

А на тот-де день да куря сыт живет,

На коей день не гренёт, зерна не найдет,

А на тот-де день да куря голодно».

Еще в ту пору Хотенушко сын Блудович,

Воротя-де он своя добра коня,

Он поехал по стольному по городу.

Он доехал до терема Чусóвьина.

Он ткнул копьем да в широ́ки ворота,

На копьи вынес ворота середи двора, —

Тут столбики да помиту́сились,

Часты мелки перила приосыпались.

Тут выглядывала Чейна прекрасная

И выглядывала да за окошечко,

А сама говорила таково слово:

«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!

Отец-от был да у тя Блудище,

Да и ты родился уродище,

Ты уродище, куря подслепоё:

Ты уж ездишь по стольному-ту городу,

Ты уж ездишь по городу, уродуешь,

Ты уродуешь домы-ти вдовиные;

На коей день гренёшь, дак зерна найдешь,

Ты на тот-де день да, куря, сыт живешь;

На коей день не гренёшь, зерна не найдешь,

А на тот де день, да, куря, голодно».

Он и шиб как палицей в высок терéм, —

Он и сшиб терем да по окошкам здолой,

Едва чуть она за лавку увалилася.

Еще в та поре Офимья Чусова жена,

Идет Офимья со честна пиру,

Со честна пиру да княженецкого,
А сама говорит да таково слово:
«Кажись, не было ни бури, ни пáдёры,
Мой домишко всё да развоёвано».
Как стречат ей Чейна прекрасная,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты мать, моя мать и восударыня!
Наезжало этта Хотенушко сын Блудович;
Он ткнул копьем да в широки ворота,
На копьи вынес ворота середи двора, —
Тут столбики да помитусились,
Часты мелки перила да приосыпались.
Я выглядывала да за окошечко
И сама говорила да таково слово:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Отец-от был да у тя Блудище,
И ты родилось уродище,
Ты уродище, куря подслепое:
Ты уж уж ездишь по стольному-ту городу,

Ты уж ездишь по городу, уродуешь,
Ты уродуешь домы-ти вдовиные».
Он и шиб как палицей в высок терем, —
Он сшиб терем да по окошкам здолой,
Едва чуть я за лавку увалилося».
Еще тут Офимьи за беду стало,
За велику досаду показалося.
Ушла Офимья ко князю ко Владимиру,
Сама говорила таково слово:
«Государь князь Владимир стольнокиевский!
Уж ты дай мне суправы на Хотенушка,
На Хотенушка да сына Блудова».
Говорит князь Владимир стольнокиевский:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
Ты, хошь, и тысячу бери, да хошь, и две бери:
А сверх-де того да сколько надобно.
Отшибите у Хотенка буйну голову:
По Хотенки отыску не будет же».
Еще в ту пору Офимья Чусова жена

Пошла-понесла силы три тысячи,

Посылать трех сынов да воеводами.

Поезжают дети, сами плачут-то,

Они сами говорят да таково слово:

«Уж ты мать, наша мать и восударыня!

Не побить нам Хотенка на чисто́м поли́

Потерять нам свои да буйны головы.

Ведь когда был обсажен да стольный Киев-град

И той неволею великою,

И злыми погаными татарами, —

Он повыкупил да и повыручил

Из той из неволи из великое,

Из злых из поганых из татаровей».

Пошла тут сила-та Чусовина,

Пошла тут сила на чисто полё;

Поехали дети, сами плачут-то.

Еще в та поре Хотенушко сын Блудович,

Он завидел силу на чистом поли,

Он поехал к силе сам и спрашивает:

«Уж вы ой еси, сила вся Чусовина!
Вы охвоча сила ли невольная?»
Отвечат тут сила вся Чусовина:
«Мы охвоча сила вся наемная».
Он и учал тут по силе как поезживать:
Он куда приворотúт, улицей валúт;
Назад отмахнет, так целой площадью.
Он прибил тут всю силу до едного,
Он и трех-то братéй тех живьем схватал,
Живьем схватал да волосами связал,
Волосами-то связал да через конь сметал,
Через конь сметал и ко шатру привез.
Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла она силы дождатися.
Пошла наняла опять силы три тысячи,
Посылат трех сынов да воеводами.
Поезжают дети, сами плачут-то:
«Уж ты мать, наша мать и восударыня!
Не побить нам Хотенка на чистом

поли,
Потерять нам свои да буйны головы».
Говорит тут Офимья Чусова жена:
«Уж вы дети, мои дети всё роженые!
Я бы лучше вас родила девять ка́меней,
Снесла каменье во быстру́ реку́, —
То бы мелким судам да ходу не было,
Больши суда да всё разби́вало».
Поехали дети на чисто поле.
Завидел Хотенушко сын Блудович,
Поехал к силе он к Чусовиной,
Он у силы-то да и сам спрашивать:
«Вы охвоча сила ли невольная?»
Отвечат тут сила всё Чусовина:
«Мы охвоча сила всё наемная».
Он и учал тут по силе-то поезживать:
Он куда приворотит, улицей валит,
А назад отмахнет, дак целой площадью,
Он прибил тут всю силу до едного;
Он трех-то братей тех живьем схватал,

Живьем-то схватал да волосами связал,

Волосами-то связал и через конь сметал,

Через конь сметал и ко шатру привез.

Ждала Офимья силу из чиста поля,

Не могла опять силы дождатися.

Опеть пошла наняла силы три тысячи,

Посылат трех сынов да воеводами.

Поезжают дети, сами плачут-то:

«Уж ты мать, наша мать и восударыня!

Не побить нам Хотенка и на чистом поли,

Потерять нам свои да буйны головы.

Ведь когда был обсажен да стольный Киев-град

И той неволею великою,

И злыми погаными татарами, —

Он повыкупил да и повыручил

Из той из неволи из великое,

Из злых из поганых из татаровей». —

«Уж вы дети, мои дети рожéные!

Я бы лучше вас родила девять каменей,
Снесла каменье во быстру реку, —
То бы мелким судам да ходу не было,
Больши-ти суда да всё разбивало».
Пошла тут сила всё Чусовина,
Поехали дети, сами плачут-то.
Еще в та поре Хотенушко сын Блудович
Завидел силу на чистом поли,
Он приехал к силе-то к Чусовиной,
Он у силы-то да и сам спрашивать:
«Вы охвоча сила или невольная?»
Говорит тут сила всё Чусовина:
«Мы охвоча сила всё наемная».
Он и учал тут по силе-то поезживать:
Он куда приворотит, улицей валит,
Назад отмахнет, дак целой площадью.
Он прибил тут всю силу до единого,
Он и трех-то братей тех живьем схватал,
Живьем схватал да волосами связал,
Волосами-та связал да через конь сметал,

Через конь сметал да ко шатру привез.
Ждала Офимья силу из чиста поля,
Не могла она силы дождатися.
Пошла она к Хотенку сыну Блудову,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!
Ты возьми мою Чейну прекрасную,
Ты отдай мне девять сынов на выкуп всех».
Говорит тут Хотенушко сын Блудович:
«Уж ты ой еси, Офимья Чусова жена!
Мне не нать твоя Чейна прекрасная.
Ты обсыпь мое востро копье,
Ты обсыпь возьми да златом-се́ребром —
Долможа́но его рато́вище семи сажен
От насадочек до присадочек,
Ты обсыпь возьми да златом-серебром,
Златом-серебром да скатным жемчугом.
Я отдам те девять сынов на выкуп

всех».

Еще в та поре Офимья Чусова жена

Покатила чисто серебро телегами,

Красно золото да то ордынскою,

Обсыпала она у ёго востро копье,

Обсыпала она да златом-серебром,

Златом-серебром да скатным жемчугом, —

Не хватило у ей да одной четверти.

Говорит тут Офимья Чусова жена:

«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!

Ты возьми мою Чейну прекрасную,

Ты отдай мне девять сынов на выкуп всех».

Говорит тут Хотенушко сын Блудович:

«Мне не нать твоя Чейна прекрасная,

Уж ты всё обсыпь да златом серебром,

Златом-серебром да скатным жемчугом,

Я отдам те девять сынов на выкуп всех».

Говорит князь Владимир стольнокиевский:

«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!

Ты возьми у ей Чейну прекрасную».

Говорит тут Хотенушко сын Блудович:

«Я возьму у ей Чейну прекрасную,

Я возьму ею не за себя замýж,

Я за своего да слугу верного

А за того же за Мишку всё за паробка».

Говорит князь Владимир стольнокиевский:

«Уж ты ой еси, Хотенушко сын Блудович!

Ты возьми ею да за себя замуж:

Еще, право, она да не худых родов,

Она ведь уж да роду царского».

Тут и взял Хотенко за себя взамуж,

Ей отдал девять сынов на выкуп всех.

Затем-то Хотенушку славы́ поют,

Славы поют да старину скажу́т.

Чурило Пленкович у князя Владимира

В стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Хороший заве́ден был почестный пир
На многие на князи да на бояра,
Да на сильны могучие богатыри.
Белый день иде ко вечеру,
Да почестный-от пир идет навеселе.
Хорошо государь распотешился
Да выходил на крылечко переное,
Зрел-смотрел во чисто́ поле́.
Да из далеча-далеча поля чистого
Толпа мужиков да появлялася, —
Да идут мужики да всё киевляна,
Да бьют они князю, жалобу кладут:
«Да солнышко Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ка на Чурила сына Плёнковича:
Да сегодня у нас на Сарóге на реки
Да неведомые люди появилися,

Да наехала дружина та Чурилова;
Шелковы неводы заметывали,
Да тетивки были семи шелков,
Да плутивца у сеток-то серебряные,
Камешки позолоченные.
А рыбу сарогу повыловили;
Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Да нам от тебя нету жалованья.
Скажутся, называются
Всё они дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася, —
Да идут мужики да всё киевляна,
Да бьют они челом, жалобу кладут:
«Да солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай-ка на Чурила сына Плёнковича:
Сегодня у нас на тихих заводях
Да неведомые люди появлялися,
Гуся да лебедя да повыстреляли,
Серу пернату малу утицу;

Нам, государь-свет, улову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся, а называются
Всё они дружиною Чуриловою».
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася, —
Идут мужики да все киевляна,
Бьют они челом, жалобу кладут:
«Солнышко да наш Владимир-князь!
Дай, государь, свой праведные суд,
Дай на Чурила сына Плёнковича:
Да сегодня у нас во темных во лесах
Неведомые люди появилися,
Шелковы тенета заметывали,
Кунок да лисок повыловили,
Черного сибирского соболя;
Нам, государь-свет, улову нет,
Да тебе, государь-свет, корысти нет,
Нам от тебя да нету жалованья.
Скажутся, а называются
Всё они дружиною Чуриловою».

Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилася, —
А и́де молодцов до пяти их сот,
Молодцы на конях одноличные,
Кони под нима да однокарие были,
Жеребцы всё латынские,
Узды, по́вода у них а сорочинские,
Седелышка были на́ золоте,
Сапожки на ножках зелен сафьян,
Зелена сафьяну-то турецкого,
Славного покрою-то немецкого,
Да крепкого шитья-де ярославского.
Скобы, гвоздьё-де были на золоте.
Да кожаны на молодых лосиные,
Да кафтаны на молодцах голу́б скурлат,
Да источниками подпоясанося,
Колпачки – золотые верхи.
Да молодцы на ко́нях быв свечи-де горят,
А кони под нима быв соколы-де летят.
Доехали-приехали во Киев-град,

Да стали по Киеву уродствовати,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в соромы́-де довели,
Красных девиц а опозорили.
Да бьют челом князю всем Киевом,
Да князи те просят со княгинями,
Да бояра те просят со боярынями,
Да все мужики-огородники:
«Да дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ка на Чурила сына Плёнковича:
Да сегодня у нас во городе во Киеве
Да неведомые люди появилися,
Да наехала дружина та Чурилова,
Да лук, чеснок весь повырвали,
Да белую капусту повыломали,
Да старых-то старух обезвичили,
Молодых молодиц в соромы-де довели,
Красных девиц а опозорили».
Да говорил туто солнышко Владимир-князь:

«Да глупые вы князи да бояра,
Неразумные гости торговые!
Да я не знаю Чуриловой посéличи,
Да я не знаю, Чурило где двором стоит».
Да говорят ему князи и бояра:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да мы знаем Чурилову поселичу,
Да мы знаем, Чурило где двором стоит.
Да двор у Чурила ведь не в Киеве стоит,
Да двор у Чурилы не за Киевом стоит,
Двор у Чурила на Потай на реки,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей а у Борисовых,
Да около двора да всё булатный тын,
Да вереи были всё точеные».
Да поднялся князь на Почай на реку,
Да со князьями-то поехал, со боярами,
Со купцами, со гостями со торговыми.
Да будет князь на Почай на реки,
У чудна креста-де Мендалидова,

У святых мощей да у Борисовых,
Да головой-то ка́ча, сам приговаривать:
«Да, право, мне не пролгали мне».
Да двор у Чурила на Почай на реки,
Да у чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей да у Борисовых;
Да около двора все булатный тын,
Да вереи те были всё точеные,
Воротика те всё были всё стекольчатые,
Подворотенки да дорог рыбий зуб.
Да на том дворе-де на Чуриловом
Да стояло теремов до семи до десяти.
Да во которых теремах Чу́рил сам живет, —
Да трои сени у Чурила-де косивчатые,
Трои сени у Чурила-де решетчатые,
Да трои сени у Чурила-де стекольчатые.
Да из тех-де из вы́соких из теремов
На ту ли на улицу падовую
Да выходил туто старый матерый человек.

На старóм шуба-то соболья была

Да под дорогим под зéленым под стáметом,

Да пугвицы были вальячные,

Да вальяк-от литый красна золота.

Да кланяется, поклоняется

Да сам говорит и таково слово:

«Да свет государь ты Владимир-князь!

Да пожалуй-ка, Владимир, во высок терем,

Во высок терем хлеба кушати».

Да говорил Владимир таково слово:

«Да скажи-ка мне, старый матёрый человек,

Да как тебя да именем зовут,

Хотя знал, у кого бы хлеба кушати?» —

«Да я Пленкó да гость Сарожанин,

Да я ведь Чурилов-от есть батюшко».

Да пошел-де Владимир во высок терем,

Да в терем-от идет да все дивуется,

Да хорошо-де теремы да изукрашены были:

Пол-середа одного серебра,

Печки те были всё муравлёные,

Да потики те были всё серебряные,

Да потолок у Чурила из черных соболей,

На стены сукна навиваны,

На сукна те стекла набиваны.

Да всё в терему-де по-небесному,

Да вся небесная луна-де принаведена была,

Ино всякие утехи несказáнные.

Да пир-от идет о полупиру,

Да стол-от идет о полустоле;

Владимир-князь распотешился,

Да вскрыл он окошечка немножечко,

Да поглядел-де во дáлече чистó полé:

Да из дáлеча-далéча из чиста поля

Да толпа молодцов появилася,

Да еде молодцов а боле тысячи,

Да середи-то силы ездит купав молодец,

Да на молодце шуба-то соболья была,

Под дорогим под зеленым под стаметом,

Пугвицы были вальячные,
Да вальяк-от литый красна золота,
Да по до́рогу яблоку свирскому.
Да еде молодец, да и сам тешится,
Да с коня-де на коня перескакивает,
Из седла в седло перемахивает,
Через третьего да на четвертого,
Да вверх копье побрасывает,
Из ручки в ручку подхватывает.
Да ехали-приехали на Почай на реку,
Да сила та ушла-де по своим теремам.
Да сказали Чурилы про незнаемых гостей,
Да брал-де Чурило золоты ключи,
Да ходил в амбары мугазенные,
Да брал он сорок сороков черных соболев,
Да и многие пары лисиц да куниц,
Подарил-де он князю Владимиру.
Да говорит-де Владимир таково слово:
«Да хоша много было на Чурила жалобщиков

Да побольше того-де челобитчиков, —

Да я теперь на Чурила да суда-де не дам».

Да говорил-де Владимир таково слово.

«Да ты, премладыи Чурилушко сын Плёнкович!

Да хошь ли идти ко мне во стольники,

Да во стольники ко мне, во чашники?»

Да иной от беды дак откупается,

А Чурило на беду и нарывается.

Да пошел ко Владимиру во стольники,

Да во стольники к нему, во чашники.

Приехали они ужо во Киев-град,

Да свет государь да Владимир-князь

На хорошáда нового на стольника

Да завел государь-де почестный пир.

Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович

Да ходит-де ставит дубовы́ столы,

Да желтыми кудрями сам потряхивает,

Да желтые кудри рассыпаются,

А быв скачен жемчуг раскатается.

Прекрасная княгиня та Апраксия
Да рушала мясо лебединое;
Смотрячи́сь-де на кра́соту Чурилову,
Обрезала да руку белу правую,
Сама говорила таково слово:
«Да не дивуйте-ка вы, жены господские,
Да что обрезала я руку белу правую:
Да помешался у мня разум во буйной голове,
Да помутилися у мня-де очи ясные,
Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
Да на его-то на кудри на желтые,
Да на его-де на перстни́ злаченые.
Помешался у мня разум во буйной голове,
Да помутились у меня да очи ясные».
Да сама говорила таково слово:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу
Не на этой а ему службы быть, —
Да быть ему-де во постельниках,

Да стлати ковры да под нас мягкие».

Говорил Владимир таково слово:

«Да суди те Бог, княгиня, что в любовь ты мне пришла.

Да кабы ты, княгиня, не в любовь пришла, —

Да я срубил бы те по плеч да буйну голову,

Что при всех ты господах обесчестила».

Да снял-де Чурилу с этой бóльшины

Да поставил на большину на и́ную,

Да во ласковые зазыватели, —

Да ходить-де по городу по Киеву,

Да зазывати гостей во почестный пир.

Да премладыи Чурило-то сын Плёнкович

Да улицми идет да переулками,

Да желтыми кудрями потряхивает,

А желтые те кудри рассыпаются.

Да смотрячись-де на красоту Чурилову,

Да старицы по келья́м онати́ они де-

рут,

А молодые молодицы в голенища…,

Красные девки отселья дерут.

Да смотрячись-де на красоту Чурилову,

Да прекрасная княгиня та Апраксия

Да еще говорила таково слово:

«Свет государь ты Владимир-князь!

Да тебе-де не любить, а пришло мне говорить.

Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу

Да <не> на этой а ему службы быть, —

Да быти ему во постельниках,

Да стлати ковры под нас мягкие».

Да видит Владимир, что беда пришла,

Да говорил-де Чурилу таково слово:

«Да премладыи Чурило ты сын Плёнкович!

Да больше в дом ты мне не надобно.

Да хоша в Киеве живи, да хоть домой поди».

Да поклон отдал Чурила, да и вон по-

шел.

Да вышел Чурило-то на Киев-град,

Да нанял Чурило там извозчика,

Да уехал Чурило на Почай на реку,

Да и стал жить-быть а век коро́тати.

Да мы со той поры Чурила в старина́х скажем,

Да отныне сказать а будем до́ веку.

А й диди, диди, Дунай, боле вперед не знай!

Сорок калик

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Иерусáлиму, —
Сорок калик их со каликою.
Становилися во единый круг,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крепкую:
Выбирали большего атамана,
Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молоды Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцев:
«А идтить нам, братцы, дорога неближняя,
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыне помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,

Нетленною ризой утеретися;
Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-то ведь заповедь положена:
Кто украдет, или кто солжет,
Али кто пустится на женский блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман про то дело проведает, —
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».
И в том-то заповедь подписана,
Белые рученьки исприложены:
Атаман – Касьян сын Михайлович,
Податаманья – брат его родной,
Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики во Ерусалим-град,
А идут неделю уже споряду,
Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Чéреги,
На его потешных на островах,
У великого князя Владимира.

А и вышли они из раменья,
Встречу им-то Владимир-князь,
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек,
Лисиц, зайцев всех поганивает.
Пригодилося ему ехати поблизости,
Завидели его калики тут перехожие,
Становилися во единый круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом.
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окарачился,
А богатыри с коней попадали,
А Спиря стал постыривать,
Сема стал пересемывать.
Едва пробудится Владимир-князь,
Рассмотрил удалых добрых молодцев;
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,

Прошают у него святую милостыню,
А и чем бы молодцам душа спасти.
Отвечает им ласковый Владимир-князь:
«Гой вы еси, калики перехожие!
Хлебы с нами завозные,
А и денег со мною не годилося,
А и езжу я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,
За соболи и за куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек.
Изволите вы идти во Киев-град,
Ко душе княгине Апраксевне,
Честна роду дочь, королевична,
Напоит, накормит вас, добрых молодцов,
Наделит вам в дорогу злата, серебра».
Недолго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Киеву.
А и будут в городе Киеве,
Середи двора княженецкого, —

Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исподвесили,
Подсумочья рыта бархата,
Скричат калики зычным голосом.
С теремов верхи повалялися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья сколыбалися.
Становилися во единый круг,
Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула;
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарищами —
Хлеба есть во светлу гридню,
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Касьян не ослушался,
Походил во гридню во светлую;

Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна,
Поджав ручки, будто турчаночки, —
Со своими нянюшки и мамушки,
С красными сенными деушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее
От лица его молодецкого,
Как бы от солнучка от красного
Лучи стоят великие.
Убирались тут всё добры молодцы,
А и те калики перехожие,
За те столы убраные,
А и стольники, чашники
Поворачивают, пошевеливают
Своих они приспешников,
Понесли-то ества сахарные,
Понесли питья медвяные.
А и то калики перехожие
Сидят за столами убраными,
Убирают ества сахарные,

А и те ведь пьют питья медяные.
И сидят они времяˊ – час, другой,
Во третьем часу подымалися,
Подымавши, они Богу молятся,
За хлеб, за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чашникам;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгиня Апраксевны, —
Наделила б на дорогу златом, серебром,
Сходить бы во град Иерусалим
А у молодой княгини Апраксевны
Не то в уме, не то в разуме:
Пошлет Алешеньку Поповича
Атамана их уговаривати
И всех калик перехожиих,
Чтоб не идти бы им сего дня и сего числа.
И стал Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зовет к княгине Апраксевне

На долгие вечеры посидети,
Забавные речи побаити,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Молоды Касьян сын Михайлович, —
Замутилось его сердце молодецкое, —
Отказал он Алеше Поповичу,
Не идет на долгие вечеры
К молодой княгине Апраксевне
Забавные речи баити.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алешеньку Поповича
Прорезать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет.
Алеша-то догадлив был,
Распорол суму рыта бархата,
Запихал чарочку серебряну
И зашивал ее гладехонько,
Что познать было не можно то.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка́ двора;

С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики – не оглянутся.
И верст десяток отошли они
От стольного города Киева, —
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алешу во погон за ним.
Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алеши вежство нерожденое,
Он стал с каликами здорити,
Обличает ворами, разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по миру по крещеному,
Кого окрадете, своим зовете;
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!»
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеше Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешенька Попович млад,

Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольный Киев-град.
Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля,
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна
Позовет Добрынюшку Никитича,
Посылает за каликами,
За Касьяном Михайловичем,
Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро доехал во чисто поле.
У Добрыни вежство рожденое и ученое;
Настиг он калик во чистом поле,
Скочил с коня, сам бьет челом:
«Гой еси, Касьян Михайлович!
Не наведи на гнев князя Владимира,
Прикажи обыскать калики перехожие,
Нет ли промежу вас глупого».
Молоды Касьян сын Михайлович
Становил калик во единый круг,
И велел он друг друга обыскивать
От малого до старого,

От старого и до больша лица,
До себя, млада Касьяна Михайловича.
Нигде-то чарочка не явилася,
У млада Касьяна пригодилася.
Брат его, молоды Михайла Михайлович
Принимался за заповедь великую:
Закопали атамана по плеча,
<Закопали> во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле
Молода Касьяна Михайловича.
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшке Микитичу,
И с ним написан виноватый тут,
Молоды Касьян Михайлович.
Добрыня поехал он во Киев-град,
А и те калики в Ерусалим-град;
Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка в Киеве
У млады княгини Апраксевны,
Привез он чарочку серебряну,
Виноватого назначено,

Молода Касьяна сына Михайлова.
А с того время-часу захворала она,
<Захворала> скорбью недоброю,
Слегла княгиня в великое во огноище.
Ходили калики в Ерусалим-град,
Вперед шли три месяца.
А и будут в граде Ерусалиме,
Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,
Нетленною ризою утиралися.
А всё-то молодцы отправили:
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву,
И ко ласкову князю Владимиру.
А идут назад ужо месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою его.

Молода Касьяна Михайловича
Голосок наносит помалехоньку.
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать;
Подалися малехонько и увидели
Молода Касьяна сын Михайлович<а>, —
Он ручкой машет, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родной брат его,
Михайла Михайлович;
Пришли все они, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,
А они-то к ручке приложилися,
С ним поцеловалися,
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда;
А все они, молодцы, дивуются
На его лицо молодецкое,
Не могут зрить добры молодцы;

А и кудри на нем молодецкие
До самого пояса.
И стоял Касьян немало число,
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру;
Дошли они до чудна креста Леванидова,
Становилися во единый круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохоньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них.
Посылает легкого молодчика
Доложиться князю Владимиру:
«Прикажет ли идти нам пообедати?»
Владимир-князь пригодился в доме,
Посылал он своих клюшников, ларешников
Побить челом и поклонитися им-то, каликам

Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники, ларешники
Пришли они к каликам, поклонилися,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкий двор,
Середи двора княженецкого.
Поздравствовал ему Владимир-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взял его за белы руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молодой Касьян Михайлович
Спросил князя Владимира
Про молоду княгиню Апраксевну:
«Гой еси, сударь Владимир-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксевна?»
Владимир-князь едва речи выговорил:
«Мы-де уже неделю другу не ходим к ней!»
Молоды Касьян тому не брезгует,

Пошел со князем во спальну к ней;
А и князь идет, свой нос зажал,
Молоды Касьяну-то ничто ему,
Никакого духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящетые.
Втапоры княгиня прощалася,
Что нанесла речь напрасную.
Молоды Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксевну;
Не стало у ней того духу пропасти, —
Оградил ее святой рукой,
Прощает ее плоть женскую:
Захотелось ей – и пострада<ла> она,
Лежала в сраму полгода.
Молоды Касьян сын Михайлович
Пошел ко князю Владимиру во светлу гридню,
Помолилися Спасову образу
Со своими каликами перехожими.
И сажалися за убраны столы,

Стали пить, есть, потешатися.
Как будет день в половина дня,
А и то калики напивалися,
Напивалися и наедалися.
Владимир-князь убивается,
А калики-то в путь наряжаются.
Просит их тут Владимир-князь
Пожить-побыть тот денек у себе.
Молода княгиня Апраксевна
Вышла из кожуха, как из пропасти;
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тут же к ним к столу пришла —
С няньками, с мамками
И с сенными красными девицами.
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда, без сорому,
А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович
Тою рученькой правою размахивает
По тем ествам сахарныем,
Крестом огражает, благословляет;

Пьют, едят, потешаются.

Втапоры молоды Касьян сын Михайлович

Вынимал из сумы книжку свою,

Посмотрил и число показал:

«Что много мы, братцы, пьем, едим, прохлажаемся,

Уже третий день в доходе идет,

И пора нам, молодцы, в путь идти».

Вставали калики на резвы ноги,

Спасову образу молятся

И бьют челом князю Владимиру

С молодой княгиней Апраксевной

За хлеб за соль его.

И прощаются калики с князем Владимиром

И с молодою княгинею Апраксевною.

Собрались они и в путь пошли —

До своего монастыря Боголюбова

И до пустыни Ефимьевы.

То старина, то и деянье.

Богатыри Новгородского цикла

Садко

Во славноем во Нове-граде
Как был Садкé-купец богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садке.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошел Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перéпался[4],
Пошел прочь от озера во свой во Нов-город.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир

---

[4] Примечания: 4
Перепался — испугался.

И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошел Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошел Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Садке Новгородскиий!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать

За твои за утехи за великия,
За твою-то игру нежную.
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову,
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба – золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди – свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины – золоты перья.
Тогда ты, Садке, счастлив будешь».
Пошел Садке от Ильменя от озера.
Как приходил Садке во свой во Новгород,
Позвали Садке на почестен пир.
Как тут Садке Новгородскиий
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садке попаивать,

Стали Садку поднашивать,

Как тут-то Садке стал похвастывать:

«Ай же вы, купцы новгородские!

Как знаю чудо чудное в Ильмень-озере:

А есть рыба – золоты перья в Ильмень-озере».

Как тут-то купцы новгородские

Говорят ему таковы слова:

«Не знаешь ты чуда чудного,

Не может быть в Ильмень-озере рыбы —

золоты перья».

«Ай же вы, купцы новгородские!

О чем же бьете со мной о велик заклад?

Ударим-ка о велик заклад:

Я заложу свою буйну голову,

А вы залагайте лавки товара красного».

Три купца повыкинулись,

Заложили по три лавки товара красного.

Как тут-то связали невод шелковый

И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку – золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку – золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку – золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садке поторговывать,
Стал получать барыши великие,
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садке все по-небесному:
На небе солнце и в палатах солнце,
На небе месяц и в палатах месяц,
На небе звезды и в палатах звезды.
Потом Садке-купец богатый гость
Зазвал к себе на почестен пир
Тыих мужиков новгородскиих
И тыих настоятелей новгородскиих:

Фому Назарьева и Луку Зиновьева.

Все на пиру наедалися,

Все на пиру напивалися,

Похвальбами все похвалялися:

Иный хвастает бессчетной золотой казной,

Другой хвастает силой-удачей молодецкою,

Который хвастает добрым конем,

Который хвастает славным отечеством,

Славным отечеством, молодым молодечеством.

Умный хвастает старым батюшком,

Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новгородские:

«Все мы на пиру наедалися,

Все на почестном напивалися,

Похвальбами все похвалялися.

Что же у нас Садке ничем не похвастает,

Что у нас Садке ничем не похваляется?»

Говорит Садке-купец богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать не похвастать бессчетной золотой казной:
На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.
Ставал Садке́ на дру́гой день раны́м-рано́,

Будил свою дружину хоробрую,

Без счета давал золотой казны

И распущал дружину по улицам торговыим,

А сам-то прямо шел в гостиный ряд,

Как повыкупил товары новгородские,

Худые товары и добрые

На свою бессчетну золоту казну.

На другой день ставал Садке раным-рано,

Будил свою дружину хоробрую,

Без счета давал золотой казны

И распущал дружину по улицам торговыим,

А сам-то прямо шел в гостиный ряд:

Вдвойне товаров принавезено,

Вдвойне товаров принаполнено

На тую на славу на великую новгородскую.

Опять выкупал товары новгородские,

Худые товары и добрые

На свою бессчетну золоту казну.

На третий день ставал Садке раным-

рано,

Будил свою дружину хоробрую,

Без счета давал золотой казны

И распущал дружину по улицам торговыим,

А сам-то прямо шел в гостиный ряд:

Втройне товаров принавезено,

Втройне товаров принаполнено,

Подоспели товары московские

На ту на великую на славу новгородскую.

Как тут Садке пораздумался:

«Не выкупить товара со всего бела света:

Още повыкуплю товары московские,

Подоспеют товары заморские.

Не я, видно, купец богат новгородскиий, —

Побогаче меня славный Новгород».

Отдавал он настоятелям новгородскиим

Денежек он тридцать тысячей.

На свою бессчетну золоту казну

Построил Садке тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черлёных;
На ты на корабли на черлёные
Свалил товары новгородские.
Поехал Садке по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота, чиста серебра.
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.
На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлёны корабли на синём море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черлёные;

А корабли нейдут с места на синем море.

Говорит Садке-купец богатый гость

Ко своей дружине ко хоробрыя:

«Ай же ты, дружинушка хоробрая!

Как мы век по морю ездили,

А морскому царю дани не плачивали:

Видно, царь морской от нас дани требует,

Требует дани во сине море.

Ай же, братцы, дружина хоробрая!

Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,

Спущайте бочку во сине море».

Дружина его хоробрая

Взимала бочку чиста серебра.

Спускали бочку во сине море:

А волной-то бьет, паруса рвет,

Ломает кораблики черлёные;

А корабли нейдут с места на синем море.

Тут его дружина хоробрая

Брала бочку-сороковку красна золота,

Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черлёные;
А корабли все нейдут с места на синем море.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красноем на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдет,
Таковому идти в сине море».
Делали жеребья вольжаны,
А сам Садке делал на красноем на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спущали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды плывут,
А у Садка-купца ключом на дно.

Говорит Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красноем на золоте,
А я сделаю жеребий вольжаный».
Делали жеребья на красноем на золоте,
А сам Садке делал жеребей вольжаный,
Всяк свое имя подписывал,
Спущали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды плывут,
А у Садка-купца ключом на дно.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый».
Несли ему чернилицу вальяжную,

Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
Он стал именьице отписывать:
Кое именье отписывал Божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жены,
Остатнее именье – дружине хоробрыя.
Говорил Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?»
Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мне страшно принять смерть на синем море».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,

Полетели, как черные вороны.

Остался Садке на синем море.

Со тоя со страсти со великия

Заснул на дощечке на ду́бовой.

Проснулся Садке во синем море,

Во синем море на самом дне.

Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Увидел Садке: во синем море

Стоит палата белокаменная,

Заходил Садке в палату белокаменну.

Сидит в палате царь морской,

Голова у царя, как куча сенная.

Говорит царь таковы слова:

«Ай же ты, Садке-купец богатый гость!

Век ты, Садке, по морю езживал,

Мне, царю, дани не плачивал,

А нонь весь пришел ко мне во подарочках.

Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты:

Поиграй же мне в гуселки яровчаты».

Как начал играть Садке в гуселки яровчаты,

Как начал плясать царь морской во синем море,

Как расплясался царь морской.

Играл Садке сутки, играл и другие,

Да играл още Садке и третьии,

А все пляшет царь во синем море.

Во синем море вода всколыбалася,

Со желтым песком вода смутилася,

Стало разбивать много кораблей на синем море,

Стало много гинуть именьицев,

Стало много тонуть людей праведных:

Как стал народ молиться Миколы Можайскому.

Как тронуло Садка в плечо во правое:

«Ай же ты, Садке Новгородскиий!

Полно играть в гуселышки яровчаты!»

Обернулся – глядит Садке Новгородскиий:

Ажно стоит старик седатыий.
Говорил Садке Новгородскиий:
«У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты».
Говорит старик таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.
Скажи: «У меня струночек не случилося,
А шпенечков не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломалися гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садке, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».

Как станешь выбирать девицу-красавицу,

Так перво триста девиц пропусти,

И друго триста девиц пропусти,

И третье триста девиц пропусти:

Позади идет девица-красавица,

Красавица девица Чернавушка, —

Бери тую Чернаву за себя замуж.

Будешь, Садке, во Нове-граде.

А на свою бессчетну золоту казну

Построй церковь соборную Миколы Можайскому».

Садке струночки во гуселках повыдернул,

Шпенечки во яровчатых повыломал.

Говорит ему царь морской:

«Ай же ты, Садке Новгородскиий!

Что же не играешь в гуселки яровчаты?» —

«У меня струночки во гуселках выдернулись,

А шпенечки во яровчатых повыломались:

А струночек запасных не случилося,
А шпенечков не пригодилося».
Говорит царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говорит ему Садке Новогородскиий:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять говорит царь морской:
«Ну, Садке, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Вставал Садке по утру ранешенько,
Поглядит: идет триста девушек красных;
Он перво триста девиц пр́опустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка.
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как ложится спать Садке во перву ночь.

Как проснулся Садке во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу.
Как поглядит, ажно бежат
Свои черлёные корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной во синем море:
«Не бывать Садку со синя моря!»
А дружина поминает одного Садка:
«Остался Садке во синем море!»
А Садке стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его ли дружина сдивовалася:
«Остался Садке во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!»
Встретил Садке дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадова́лася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарныя.
Начал Садке выгружать со черлёных со

ко́раблей

Именьице – бессчетну золоту казну.

Как повыгрузил со черлёныих кораблей,

Состроил церкву соборнюю Миколы Можайскому.

Не стал больше ездить Садке на сине море,

Стал поживать Садке во Нове-граде.

Бой Василия Буслаева с новгородцами

Жил Буславьюшка – не старился,
Живучись, Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевич.
Стал Васенька на улочку похаживать,
Не легкие шуточки пошучивать:
За руку возьмет – рука прочь,
За ногу возьмет – нога прочь,
А которого ударит по горбу —
Тот пойдет, сам сутулится.
И говорят мужики новгородские:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Тебе с этою удачей молодецкою
Наквасити река будет Волхова».
Идет Василий в широкие улочки,
Не весел домой идет, не радошен,
И стречает его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:

«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевич!
Что идешь не весел, не радошен?
Кто же ти на улушке приобидел?» —
«А никто меня на улушке не обидел.
Я кого возьму за руку – рука прочь,
За ногу кого возьму – нога прочь,
А которого ударю по горбу —
Тот пойдет, сам сутулится.
А говорили мужики новгородские,
Что мне с эстою удачей молодецкою
Наквасити река будет Волхова».
И говорит мать таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Прибирай-ка себе дружину хоробрую,
Чтоб никто ти в Новеграде не обидел».
И налил Василий чашу зелена вина,
Мерой чашу полтора ведра,
Становил чашу середи двора
И сам ко чаше приговаривал:
«Кто эту чашу примет одной рукой

И выпьет эту чашу за единый дух,
Тот моя будет дружина хоробрая!»
И садился на ременчат стул,
Писал скорописчатые ярлыки,
В ярлыках Васенька прописывал:
«Зовет-жалует на почестей пир»;
Ярлычки привязывал ко стрелочкам
И стрелочки стрелял по Новуграду.
И пошли мужики новгородские
Из тоя из церквы из соборныя,
Стали стрелочки нахаживать,
Господа стали стрелочки просматривать:
«Зовет-жалует Василий на почестей пир».
И собиралися мужики новгородские увалами,
Увалами собиралися, перевалами,
И пошли к Василью на почестей пир.
И будут у Василья на широком на дворе,
И сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!

Мы теперь стали на твоем дворе,
Всю мы у тя есту выедим
И все напиточки у тя выпьем,
Цветно платьице повыносим,
Красно золото повытащим».
Этыя речи ему не слюбилися.
Выскочил Василий на широкий двор,
Хватал-то Василий червленый вяз,
И зачал Василий по двору похаживати,
И зачал он вязом помахивати:
Куда махнет – туда улочка,
Перемахнет – переулочек;
И лежат-то мужики увалами,
Увалами лежат, перевалами,
Набило мужиков, как погодою.
И зашел Василий в терема златоверхие:
Мало тот идет, мало новой идет
Ко Васильюшке на широкий двор,
Идет-то Костя Новоторжанин
Ко той ко чаре зелена вина
И брал-то чару одной рукой,

Выпил эту чару за единый дух.
Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий червленый вяз,
Как ударил Костю-то по горбу.
Стоит-то Костя – не крянется,
На буйной голове кудри не ворохнутся.
«Ай же ты, Костя Новоторжанин!
Будь моя дружина хоробрая,
Поди в мои палаты белокаменны».
Мало тот идет, мало новой идет,
Идет-то Потанюшка Хроменький
Ко Василью на широкий двор,
Ко той ко чаре зелена вина,
Брал-то чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.
Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий червленый вяз,
Ударит Потанюшку по хромым ногам:
Стоит Потанюшка – не крянется,
На буйной голове кудри не ворохнутся.
«Ай же Потанюшка Хроменький!
Будь моя дружина хоробрая,

Поди в мои палаты белокаменны».
Мало тот идет, мало новой идет,
Идет-то Хомушка Горбатенький
Ко той ко чаре зелена вина,
Брал-то чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.
Того и бить не шел со новых сеней:
«Ступай-ка в палаты белокаменны
Пить нам напитки сладкие,
Естава-то есть сахарные,
А бояться нам в Новеграде некого!»
И прибрал Василий три дружины в Новеграде.
И завелся у князя новгородского почестей пир
На многих князей, на бояр,
На сильных могучиих богатырей.
А молодца Василья не почествовали.
Говорит матери таковы слова:
«Ай же ты, государыня матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна!
Я пойду к князьям на почестей пир».

Возговорит Авдотья Васильевна:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
Званому гостю место есть,
А незваному гостю места нет».
Он, Василий, матери не слушался,
А взял свою дружину хоробрую
И пошел к князю на почестей пир.
У ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Прямо шел во гридню столовую.
Он левой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый стол,
За дубовый стол, в большой угол,
И тронулся на лавочку к пестно-углу,
И попихнул Василий правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Все стали гости в пестно-углу;
И тронулся на лавочку к верно́-углу,
И попихнул левой рукой, левой ногой:
Все стали гости на новых сенях.
Другие гости перепалися,

От страху по домам разбежалися.
И зашел Василий за дубовый стол
Со своей дружиною хороброю.
Опять все на пир собиралися,
Все на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися,
И все на пиру порасхвастались.
Возговорил Костя Новоторжанин:
«А нечем мне-ка, Косте, похвастати;
Я остался от батюшки малешенек,
Малешенек остался и зеленешенек.
Разве тым мне, Косте, похвастати:
Ударить с вами о велик заклад
О буйной головы на весь на Новгород,
Окроме трех мона́стырей —
Спаса преображения,
Матушки Пресвятой Богородицы,
Да ещё монастыря Смоленского».
Ударили они о велик заклад,
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:

«Идти Василью с утра через Волхов мост;
Хоть свалят Василья до мосту, —
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйну голову;
Хоть свалят Василья у моста, —
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйну голову;
Хоть свалят Василья посередь моста, —
Вести на казень на смертную,
Отрубить ему буйну голову.
А уж как пройдет третью заставу,
Тожно больше делать нечего».
И пошел Василий со пира домой,
Не весел идет домой, не радошен.
И стречает его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
Что идешь не весел, не радошен?»
Говорит Васильюшка Буславьевич:

«Я ударил с мужиками о велик заклад:
Идти с утра на Волхов мост;
Хоть свалят меня до моста,
Хоть свалят меня у моста,
Хоть свалят меня посередь моста, —
Вести меня на казень на смертную,
Отрубить мне буйну голову.
А уж как пройду третью заставу,
Тожно больше делать нечего».
Как услышала Авдотья Васильевна,
Запирала в клеточку железную,
Подперла двери железные
Тым ли вязом червленым.
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла в даровья князю новгородскому,
Чтобы простил сына любимого.
Говорит князь новгородский:
«Тожно прощу, когда голову срублю!»
Пошла домой Авдотья Васильевна,

Закручинилась пошла, запечалилась,
Рассеяла красно золото, и чисто серебро,
И скатен жемчуг по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
«Не дорого мне ни золото, ни серебро,
ни скатен жемчуг.
А дорога мне буйная головушка
Своего сына любимого,
Молода Васильюшка Буслаева».
И спит Василий, не пробудится.
Как собирались мужики увалами,
Увалами собирались, перевалами,
С тыми шалыгами подорожными;
Кричат они во всю голову:
«Ступай-ка, Василий, через Волхов мост,
Рушай-ка заветы великие!»
И выскочил Хомушка Горбатенький,
Убил-то он силы за цело сто,
И убил-то он силы за другое сто,
Убил-то он силы за третье сто,

Убил-то он силы до пяти сот.

На смену выскочил Потанюшка Хроменький

И выскочил Костя Новоторжанин.

И мыла служанка, Васильева портомойница,

Платьица на реке на Волхове;

И стало у девушки коромыселко поскакивать,

Стало коромыселко помахивать,

Убило силы-то за цело сто,

Убило силы-то за другое сто,

Убило силы-то за третье сто,

Убило силы-то до пяти сот.

И прискочила ко клеточке железные,

Сама говорит таковы слова:

«Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!

Ты спишь, Василий, не пробудишься,

А твоя-то дружина хоробрая

Во крови ходит, по колен бродит».

Со сна Василий пробуждается,

А сам говорит таковы слова:

«Ай же ты, любезная моя служаночка!
Отопри-ка дверцы железные».
Как отперла ему двери железные,
Хватал Василий свой червленый вяз
И пришел к мосту ко Волховскому,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же любезная моя дружина хоробрая!
Поди-тко теперь опочив держать,
А я теперь стану с ребятами поигрывать».
И зачал Василий по мосту похаживать,
И зачал он вязом помахивать:
Куда махнет – туда улица,
Перемахнет – переулочек;
И лежат-то мужики увалами,
Увалами лежат, перевалами,
Набило мужиков, как погодою.
И встрету идет крестовый брат,
Во руках несет шалыгу девяноста пуд,
А сам говорит таковы слова:

«Ай же ты, мой крестовый брателко,

Молодой курень, не попархивай,

На своего крестового брата не наскакивай!

Помнишь, как учились мы с тобой в грамоты:

Я над тобой был в то поры больший брат,

И нынь-то я над тобой буду больший брат».

Говорит Василий таковы слова:

«Ай же ты, мой крестовый брателко!

Тебя ля черт несет навстрету мне?

А у нас-то ведь дело деется, —

Головами, братец, играемся».

И ладит крестовый его брателко

Шалыгой хватить Василья в буйну голову.

Василий хватил шалыгу правой рукой,

И бил-то брателка левой рукой,

И пинал-то он левой ногой, —

Давно у брата и души нет;

И сам говорил таковы слова:

«Нет на друга на старого,

На того ли на брата крестового, —

Как брат пришел, по плечу ружье принес».

И пошел Василий по мосту с шалыгою.

И навстрету Васильюшку Буслаеву

Идет крестовый батюшка, старичище-пилигримище:

На буйной голове колокол пудов во тысячу,

Во правой руке язык во пятьсот пудов.

Говорит старичище-пилигримище:

«Ай же ты, мое чадолко крестовое,

Молодой курень, не попархивай,

На своего крестового батюшка не наскакивай!»

И возговорит Василий Буславьевич:

«Ай же ты, мой крестовый батюшка!

Тебя ли черт несет во той поры

На своего на любимого крестничка?

А у нас-то ведь дело деется, —

Головами, батюшка, играемся».

И здынул шалыгу девяноста пуд,

Как хлыстнул своего батюшка в буйну голову,

Так рассыпался колокол на ножевые черенья:

Стоит крестный – не крянется,

Желтые кудри не ворохнутся.

Он скочил батюшку против очей его

И хлыстнул-то крестного батюшка

В буйну голову промеж ясны очи —

И выскочили ясны очи, как пивны чаши.

И напустился тут Василий на домы на каменные.

И вышла Мать Пресвятая Богородица

С того монастыря Смоленского:

«Ай же ты, Авдотья Васильевна!

Закличь своего чада милого,

Милого чада рожоного,

Молода Васильюшка Буслаева,

Хоть бы оставил народу на семена».

Выходила Авдотья Васильевна со новых сеней,

Закликала своего чада милого.

Смерть Василия Буслаева

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает-поплавает сер селезнь,
Как бы ярой гоголь донырывает, —
А плавает-поплавает червлен корабль
Как бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья со его дружиною хоробраю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленький Потаня на носу стоит,
А Василе-ет по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте молодцы ко Нову-городу!»
А и тычками к берегу притыкалися,

Сходни бросали на крутой бережок.
Походил тут Василей
Ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинушка хоробрая,
Только караулы оставили.
Приходит Василей Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьюн, около ее увивается,
Просит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое —
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хоробраю,
Мне-ка Господу помолитися,
Святой святыни приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милая,

Молоды Василей Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрыя дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословения великова,
А и не носи Василья сыра земля!»
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется, —
Материна сердце распущается,
И дает она много свинцу-пороху,
И дает Василью запасы хлебныя,
И дает оружье долгомерное.
«Побереги ты, Василей, буйну голову свою!»
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили оне на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по озеру Ильменю.
Бегут оне уж сутки-другия,
А бегут уже неделю-другую,
Встречу им гости-карабельщики:

«Здравствуй, Василей Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?»
Отвечает Василей Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-карабельщики!
А мое-та ведь гулянье неохотное:
Смолода бита, много граблена,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямова путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-карабельщики:
«А и гой еси, Василей Буслаевич!
Прямым путем в Ерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой – полтора года:
На славном море Каспицкием,
На том острову на Куминскием
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачия,
Не много, не мало их – три тысячи;
Грабят бусы-галеры,
Разбивают червлены корабли».

Говорит тут Василей Буслаевич:

«А не верую я, Васюнька, ни в сон ни в чох,

А и верую в свой червленой вяз.

А беги-ка-тя, ребята, вы прямым путем!»

И завидел Василей гору высокую,

Приставал скоро ко круту берегу,

Походил-су Василей сын Буслаевич

На ту ли гору Сорочинскую,

А за ним летят дружина хоробрая.

Будет Василей в полугоре,

Тут лежит пуста голова,

Пуста голова – человечья кость.

Пнул Василей тое голову с дороги прочь,

Просвещится пуста голова человеческая:

«Гой еси ты, Василей Буславьевич!

Ты к чему меня, голову побрасоваешь?

Я, молодец, не хуже тебя был,

Умею, я, молодец, валятися

А на той горе Сорочинския.

Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой!»
Плюнул Василей, прочь пошел.
«Али, голова, в тебе враг говорит
Или нечистой дух!»
Пошел на гору высокую,
На самой сопки тут камень стоит,
В вышину три сажени печатныя,
А и через ево только топор подать,
В долину три аршина с четвертью.
И в том-та подпись подписана:
«А кто-де станет у каменя тешиться,
А и тешиться-забавлятися,
Вдоль скакать по каменю, —
Сломить будет буйну голову».
Василей тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю,
А и тешиться-забавлятися,
Поперек тово каменю поскакивати,
А вдоль-та ево не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинския,

Сходят оне на червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому,
На ту на заставу карабельную,
Где-та стоят казаки-разбойники,
А стары атаманы казачия.
На пристани их стоят сто человек
А и молоды Василей на пристань стань,
Сходни бросали на крут бережок,
И скочил-та Буслай на крут бережок,
Червленым вязом попирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испужалися,
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани карабельныя
К тем атаманам казачиям.
Атаманы сидят не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великова,

Это-де идет Василей Буславьевич:
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецкая!»
Пошагал-та Василей со дружиною,
Где стоят атаманы казачия.
Пришли оне, стали во единой круг,
Тут Василей им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы казачия!
А скажите вы мне прямова пути
Ко святому граду Иерусалиму».
Говорят атаманы казачия:
«Гой еси, Василей Буслаевич!
Милости тебе просим за единой стол хлеба кушати!
Втапоры Василей не ослушался,
Садился с ними за единой стол.
Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра,
Принимает Василей единой рукой
И выпил чару единым духом
И только атаманы тому дивуются,

А сами не могут и по полуведру пить.

И хлеба с солью откушали,

Собирается Василей Буслаевич

На свой червлен карабль.

Дают ему атаманы казачия подарки свои:

Первую мису чиста серебра

И другую – красна золота,

Третью – скатнова жемчуга.

За то Василей благодарит и кланеется,

Просит у них до Ерусалима провожатова.

Тут атаманы Василью не отказовали,

Дали ему молодца провожатова,

И сами с ним прощалися.

Собирался Василей на свой червлен карабль

Со своею дружиною хоробраю,

Подымали тонки парусы полотняныя,

Побежали по морю Каспицкому.

Будут оне во Ердан-реке,

Бросали якори крепкия,

Сходни бросали на крут бережок.

Походил тут Василей Буслаевич

Со своею дружиною хороброю в Ерусáлим-град.

Пришел во церкву соборную,

Служил обедни за здравие матушки

И за себя, Василья Буслаевича,

И обедню с панафидою служил

По родимом своем батюшке

И по всему роду своему.

На другой день служил обедни с молебнами

Про удалых добрых молодцов,

Что смолоду бито, много граблено.

И ко святой святыне приложился он,

И в Ердане-реке искупался.

И расплатился Василей с попами и с дьяконами,

И которыя старцы при церкви живут,

—

Дает золотой казны не считаючи.

И походит Василей ко дружине из Ерусалима

На свой червлен карабль.

Втапоры ево дружина хоробрая

Купалися во Ердане-реке,

Приходила к ним баба залесная,

Говорила таково слово:

«Почто вы купаетесь во Ердан-реке?

А некому купатися, опричь Василья Буславьевича,

Во Ердане-реке крестился

Сам Господь Иисус Христос;

Потерять ево вам будет,

Большова атамана Василья Буславьевича».

И оне говорят таково слово:

«Наш Василей тому не верует,

Ни в сон, ни в чох».

И мало время поизойдучи,

Пришел Василей ко дружине своей,

Приказал выводить карабль из устья Ердань-реки.

Подняли тонкие парусы полотняны,

Побежали по морю Каспицкому,

Приставали у острова Куминскова,
Приходили тут атаманы казачия
И стоят все на пристани карабельныя.
А и выскочил Василей Буслаевич
Из своего червленаго карабля.
Поклонились ему атаманы казачия:
«Здравствуй, Василей Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?»
Много Василей не баит с ними,
Подал письмо в руку им,
Что много трудов за их положил:
Служил обедни с молебнами за их, молодцов.
Втапоры атаманы казачия звали Василья обедати,
И он не пошел к ним,
Прощался со всеми теми атаманы казачьими,
Подымали тонкие парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспицкому к Нову-городу.
А и едут неделю спóряду,
А и едут уже дрýгую,

И завидел Василей гору высокую Сорочинскую,

Захотелось Василью на горе побывать

Приставали к той Сорочинской горе,

Сходни бросали на ту гору,

Пошел Василей со дружиною

И будет он в по́лгоры,

И на пути лежит пуста голова, человечья кость,

Пнул Василей тое голову с дороги прочь,

Провещится пуста голова:

«Гой еси ты, Василей Буслаевич!

К чему меня, голову, попиновaешь

И к чему побрасоваешь?

Я, молодец, не хуже тебя был,

Да умею валятися на той горе Сорочинские

Где лежит пуста голова,

Лежать будет и Васильевой голове!»

Плюнул Василей, прочь пошел

Взошел на гору высокую,

На ту гору Сорочинскую,

Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатный,
А через ево только топором подать,
В долину – три аршина с четвертью
И в том та подпись подписана:
«А кто де у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавлятися,
Вдоль скакать по каменю, —
Сломить будет буйну голову».
Василей тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Поперек каменю поскаковати.
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю —
И не доскочил только четверти
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежали дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен корабль,

Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали ко Нову-городу
И будут у Нова-города,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове, к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися все,
Письмо в руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечево
Подите в подвалы глубокия,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубокиим,
Брали они казны по малу числу,
Пришли оне к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасиба, матушка Амелфа Тимофе-

евна,

Что поила-кормила,

Обувала и одевала добрых молодцов!»

Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна

Приказала наливать по чаре зелена вина,

Подносит девушка-чернавушка

Тем удалым добрым молодцам,

А и выпили оне, сами поклонилися,

И пошли добры молодцы, кому куды захотелося.

Словарь

При составлении словаря в основном использовался «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, а также словари, помещенные в книгах — источниках текстов.

Аксами́т — старинное название бархата.

Александри́йская (рубашка) — из александре́йки, красной бумажной ткани, с прониткой другого цвета (белой, синей, желтой).

Аль́яненький — льняной.

Баба́ечки, бабаички — весла из целого бревна для управления дощаником, баркой, плотом; на ручном конце бабайки, навешенной на железный штырь, торчит целый ряд т. н. «пальцев», за которые хватаются рабочие.

Бабере́к — шелковая парча.

Ба́енка, ба́йна — баня.

Базы́ка — старый хрыч.

Баса́ — красота; *баско́й* — красивый.

Ба́ять — говорить.

Безвре́менье — несчастье, горе, неудача.

Бере́мя — охапка.

Большой угол — угол, где поставлены иконы.

Бу́ево, бу́евка — погост (кладбище с церковью).

Бурна́стый — рыже-бурый (о мехе), без черноты и огневой красноты.

Бус, буса — ладья, лодка-однодеревка с набивными досками по бортам.

Валья́чный, вольяшный, валья́щетый — литой или чеканный.

Ве́ред — чирей, нарыв.

Верея́ — воротный столб.

Верно-угол — угол, расположеный ближе к дверям.

Вершо́к — мера длины, равная 4,45 см (1/16 часть аршина).

Ве́сто — известно.

Ветля́ный, ветляненький (стружок, жребий и т. д.) — из ветлы; легкий.

Волжа́ный — см. таволжаный.

Во́ровски — тайком.

Вы́жлок — охотничья собака.

Вы́здынуть — вытащить.

Вы́копать (очи) — вырвать, выколоть.

Выть — прием пищи.

Вя́зивце — привязь, повод для скотины.

Гармузи́нный — см. кармазин.

Глуздыр́ь — неоперившийся птенец, который

еще не может летать.

Го́голь — утка подсемейства нырков.

Голья́шный — см. вальячный.

Гость (торговый) — купец; *гостиный* — купеческий.

Гри́дня, гри́дница — покой в княжеском дворце, где князь собирал дружину (по-древнерусски «гридь») для пиров и бесед.

Гудо́к — старый русский струнно-смычковый музыкальный инструмент.

Дел — раздел, дележ.

Десяти́нник, десяти́льник — сборщик пошлин с церквей и монастырей в пользу архиерейского дома.

Добре́ — очень.

Доло́нь — ладонь.

Дра́нка — колотые дощечки (идут для кровель).

Дроби́на — квасная, пивная или винная гуща (барда), идет на откорм скота.

Дува́н — сходка для дележа добычи у татар, казаков и разбойников; *«дуван дуванить»* — делить добычу.

Ез, езок — частокол или плетень поперек реки с ловушкой для рыбы.

Ендова́ — широкий сосуд или медная посудина

с носком (рыльцем) для разливания напитков.

Е́ства — еда.

Жеребе́ек, жеребеечек — кусочек; мельчайшая доля при дележе.

Жерябш (пан) — искаженное польское слово неясного значения.

Живо́й (мост) — наплавной.

Живо́т — имущество, богатство; жизнь.

Жога́, жогарка— птица дубонос, с навислыми бровями.

Жуковина — перстень с драгоценным камнем.

Заберега[5] — часть реки, озера, моря, отделенная узкой косой от остального водного пространства.

Забирается — собирается.

За́ведь — запястье.

Заго́н — мера пахотной земли в четверть десятины.

За́ймовать — занимать.

Заколо́деть — быть заваленным упавшими деревьями.

Замура́веть — зарасти травой.

Затресье— часть водоема, заросшая тростником.

---

[5] Примечания: 5

Здесь и далее слова, для которых точное место ударения сомнительно, оставлены составителями без знака ударения.

Затюре́мщик — узник, тюремный сиделец.

Захо́д — отхожее место.

Здыну́ть — поднять.

Зень — земля.

Зе́нька — колыбель.

Зоба́ть — есть (о животных).

Зуй, зуёк — птица из отряда куликов.

И́скопыть — след от копыта.

Ка́велды — кандалы.

Кали́ка— паломник, странник по святым местам.

Камка́, камочка — шелковая узорчатая ткань.

Карга́ — ворона.

Кармази́н — тонкое ярко-алое сукно.

Ки́кать, кы́кать — кричать (о голосе лебедя).

Кичи́га — орудие для молотьбы (из части ствола дерева, которой ударяют по снопам, с длинной веткой, за которую держатся руками).

Клепи́к — нож.

Кока́ра — дерево с вывернутым из земли корнем.

Кокото́к, кокоту́шка — колотушка, деревянный молоток.

Кологри́вый (конь) — с густой, косматой гривой, спускающейся по обе стороны шеи.

Комуха́ — лихорадка.

Копы́л — одна из деревянных стоек (чаще всего их шесть), скрепляющих полозья саней с кузовом.

Корса́ки — киргизы и киргиз-кайсаки (казахи).

Корча́га — большой глиняный горшок; также — кривая дуга (отсюда «согнуть корчагою»).

Коса́ч — тетерев.

Коси́ца — висок.

Кося́щатое, косявчатое (окно) — с косяками (оконной рамой); «красное» окно, выходящее на улицу, со слюдяными или стеклянными оконницами (в отличие от маленького, «черного», или волокового окна — прорезанного в стене и задвигаемого заслонкой, без стекла).

Коту́х — хлев для мелкой скотины.

Ко́четы — колышки на бортах, вместо уключин.

Кросна́, кросенца — ткацкий стан.

Кружа́ло — кабак, питейный дом.

Крущ́атый — см. хрущатый.

Кры́лос (искаж. от клирос) — место для певчих в церкви.

Крякови́стый (дуб) — кряжистый.

Крянуться — шататься.

Кстить — крестить.

Куня́ркать — мяукать.

Купа́в (молодец) — красивый (южнослав. хубав); *купава* — пышная, гордая красавица.

Кура́, куревá — песчаная или снежная пыль, поднимаемая ветром.

Куропки́ — куропатки.

Куря́ — цыпленок.

Куя́к — щитковые или чешуйчатые латы из кованых пластинок по сукну.

Ло́дка-коло́менка — разновидность речного судна.

Ложи́нушка — лужица.

Ло́жня — спальня.

Лохалище— лоханище, лохань.

Лука́ — выступающий изгиб переднего или заднего края седла.

Ля́га — лужа или небольшое болото.

Ля́сы — россказни, хитрые и льстивые речи.

Магары́ч — угощение с выпивкой (или плата деньгами) посреднику при торговых сделках.

Марью́ха — самка глухаря.

Ма́тица — бревно или брус, поддерживающий потолок; вообще — середина.

Межéнный (день) — в середине лета.

Мех — мешок.

Мизги́рь — паук.

Митусить — щуриться на один глаз; суетиться,

мельтешить; метаться, болтаться.

Могоре́ц — см. магарыч.

Могота́, могута́ — мощь, сила.

Мост — пол в доме.

Мура́вленая (печь) — покрытая муравлеными (т. е. обливными, глазурованными, часто — зеленого цвета) изразцами.

Мызги́рь — см. мизгирь.

Мы́тный двор, мытная изба — место, где собирали мы́то, т. е. пошлины.

Мя́конек — свежий хлеб.

На́волок — мыс.

На́вязень — гирька, привязанная к дубинке.

Назём — навоз.

Назо́ла — досада.

Нако́н — раз («во первый након» и т. д.).

Налу́чно, налу́шно, налу́чье— саадак (ножны для лука).

Наса́дка— соединение древка копья с острием.

*Нахаживать*ь — находить.

Небыло́е слово — лживый вымысел.

Некошно́й, не́кошный — недобрый, нечистый.

Нелегчёный (конь) — нехолощеный, т. е. жеребец.

Ново́й — другой.

Обезве́чить, обезви́чить — изувечить.

О́бжи — оглобли у сохи.

Огневи́ца, огневушка — горячка, лихорадка.

Огно́ище — гнойные язвы.

Одёр — ложе.

Одноконе́чная: в одноконечную — без перерыва.

Ожурённая (чара) — поднесенная без уважения, с бранью и упреками.

Ока́тистый (холм) — крутой; *окатистый* (жемчуг) — круглый, крупный, высшего качества.

Олю́торцы, алюторцы — народ, говорящий на одном из чукотско-камчатских языков, живет на севере Корякского автономного округа.

Онати́ — манатьи (монашеские мантии).

Омех, омешек — сошник, лемех.

Опочи́в, опочи́н — отдых, сон.

Ора́ть — пахать; *ора́тай* — пахарь.

Осе́к — огороженный выгон или загон для скота.

О́стров— возвышенное, сухое место среди болот, поросшее лесом.

Отгану́ть— отгадать.

Отсе́лье, оче́лье — девичий головной убор наподобие кокошника.

Отстянуть — отстегнуть.

Отня́пыш — шлепок.

Охича́ть — похищать.

О́хлупень — конек крыши (бревно, часто с вырезанной конской головой, которым пригнетаются верхние концы тесин обоих скатов крыши).

Оче́стливый — почтительный, обходительный.

Ошесток — см. шесток.

Ошмёток, ошемёток — старый рваный лапоть.

Па́бедье— послеобеденное время.

Па́волока, поволо́ка — тканевый верх меховой шубы.

Па́дера — ураган.

Па́нцирь — вид брони (кольчужная рубаха до колен из плотно сплетенных мелких металлических колец, с короткими рукавами).

Па́робок — слуга, работник.

Перёное (крыльцо) — с перилами.

Пе́рес[т]ки — персты, т. е. пальцы рук.

Пестно-угол — угол против устоя печки.

Пестру́ха — самка глухаря или тетерева.

Плете́нь — веревка, повод для скотины.

Плужо́к — силок для ловли птиц.

Плутивце — поплавок у сети.

Побе́дный — бедный, несчастный.

Повалуша — летняя неотапливаемая спальня

при жилой избе.

Пове́ть — крытый сеновал.

Пого́да— ненастье.

Погуда́ло, погудальце — смычок.

Подоро́жник — разбойник, грабящий по большим дорогам.

Подоро́жничек — чарка, которую выпивают с дороги.

Подче́ревье — подбрюшье; «по подчеревью скатилось» — скатилось под брюхо коня.

По́жня — сенокосный луг.

Покля́пый — кривой, наклонный, свислый, согнутый вперед, сутулый.

Пола́ти — дощатый настил для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и стеной, над входной дверью; тремя углами полати примыкают к стенам, четвертым опираются на печной столб, между которым и стеной их поддерживает полатный брус.

Полева́ть — охотиться.

Полоро́тый — горлан, крикун; разиня, ротозей.

Поло́хать (ся) — пугать (ся).

Полтретья́ — два с половиной.

Поляни́ца — женщина-богатырка.

Поманя́ть — подождать.

Помитуситься — см. митусить.

Понюга́ло, понюгальце — плеть, которою погоняют лошадей.

Порти́ще — платье, одежда.

По́ршни — грубая крестьянская кожаная обувь, сгибаются из одного лоскута сырой кожи (или шкуры с шерстью), у щиколотки перехватываемого ремешком.

Посро́чить — отсрочить, отложить на время.

Посягну́ться — броситься.

По́тик — под у печи.

Пото́рчина — вбитый в землю кол.

Поха́бно — оскорбительно, позорно, стыдно.

Правёж — взыскание долга или недоимок с прилюдными побоями и истязанием.

Прави́льное перо — крайнее перо в крыле, особого вида.

Пре́лесть — обман, лукавство.

Прикру́тье — склон, обрыв.

Прила́вок (в избе) — лавка у печи.

Прити́нное (место) — укромное, подходящее для засады или караула.

Причёлина, причалина — доска (обычно с богатой резьбой) над окном.

Пробо́й — остроконечный железный стержень (с «ушком» на тупом конце), пробитый сквозь стену и загнутый с ее внутренней стороны; на

проушину пробоя навешивается замок.

Протамо́жье — штраф за провоз товара, не объявленного на таможне.

Прохла́дный — приятный, утешный.

Пупоре́зная бабка — повитуха.

Пу́стынь — монастырь.

Пясть, пя́сточка — горсть, кисть руки.

Пята́ (дверная) — нижний шип, вставляемый в гнездо в основании двери; (отворить дверь) на пяту — настежь.

Пятисо́тная (верста) — равная 500 саженям.

Ра́менье — густой, дремучий, темный лес, глушь лесная непроезжая; мешаное чернолесье (ель, пихта, липа, береза, осина, более по суглинку с моховиной); лес, соседний с полями, с пашней (по говорам значение этого слова сильно разнится).

Ра́товище — древко копья.

Рель — виселица (не «глаголем», а в два столба с перекладиной).

Реме́нчатый (стул) — складной, походный, раскидной на ремнях.

Ро́сстань — распутье дорог.

Рошма́к — кнут.

Роши́ться — клясться.

Ру́дый — красный.

Ры́бий зуб — моржовый клык.

Ры́тый (бархат) — с узорами, тисненными по ворсу.

Ряб — рябчик.

Рядо́бная (чара) — подносимая гостю на пиру в свой черед, смотря по его чину и месту.

Сажёнь, са́жень— мера длины, равная 3 аршинам (1 аршин равен 71,12 см); печатная сажень — утвержденная как образец, с печатями на обоих концах; косая сажень — расстояние от пятки ноги до конца поднятой вверх руки другого бока.

Само́т — см. аксамит.

Сароженин, суроженин — из города Сурожа в Крыму.

Сголз(а)ну́ть — соскользнуть.

Се́дало — птичий насест.

Середа́ — пол в доме.

Сиби́рка, сибирочка — короткий кафтан с перехватом и со сборками, на мелких пуговках или застежках, со стоячим воротником.

Си́день — безногий калека.

Ска́тный (жемчуг) — круглый, правильной формы.

Слега́, сляга — жердь, подпорка.

Слука́ — см. лука.

Сму́рый — темного, буро-черно-серого цвета (цвет крестьянского некрашеного сукна из меша-

ной темной шерсти).

Сороко́вка — бочка емкостью 40 ведер.

Соя́н— сарафан.

Спа́льчивый — вспыльчивый.

Ста́вец — деревянная глубокая чашка, глубокое блюдо, общая застольная миска.

Стамéд, стамéт — шерстяная косонитная ткань.

Стегно́ — верхняя часть ноги, от таза до колена, бедро, ляжка.

Степь (у коня, быка) — спинной хребет, холка.

Сто́пка — деревянный гвоздь в стене для вешания шапки, пояса и т. д.

Стре́тный — встречный.

Строка́ — овод.

Су — («су вор Яшка») — сокращение слова «сударь», «государь».

Суго́нь— погоня; *в сугонь* — вдогонку.

Сурми́ть, сурьмить — красить сурьмой, чернить.

Сца́пина — царапина.

Сыта́ — медовый взвар на воде.

Сыть — корм, еда.

Тавле́и — игра в кости на расчерченной доске; также — шашки (иногда и шахматы).

Таволжа́ный — из таволги (дерево из рода ив);

избушка-(та)волжаночка — небольшая избушка с плетеными стенами.

Тала́н — участь, судьба.

Тези́чьи (тизи́чьи) корабли — принадлежащие тезикам (татарским купцам).

Тожно́ — тогда.

То́ня — одно закидывание невода.

Тороко́ — ремешки позади седла для приторочки чего-либо.

Трою — трижды.

Туля́ться — прятаться.

Тур — вымерший в XVII в. дикий бык.

Тура — плетенная из лозы и ветвей засыпанная землей башенка (во временных военных укреплениях).

Ты́сяцкий, ты́сячник — военачальник над тысячью воинов; тысяцкий на свадьбе — один из свадебных чинов (самый почетный гость, обычно — богатый родственник).

Тыч о́к — кол или шест.

Тьма — войско в 10 000 человек.

Уго́р — пригорок, высокое место.

Узде́нь— свободный горский крестьянин, рядовой горский воин.

Укла́дный (нож) — стальной.

Украи́на — окраинная местность, дальняя

страна.

Укря́тать — утомить, укротить.

Упа́в (молодец) — см. купав.

Усумля́ться — сомневаться.

Ути́н — радикулит.

Ха́мкать — широко разевать рот.

Хо́бот — хвост; *хоботы метать* — плутать.

Хрща́тый, хрущетый — кружчатый (с узорами из кругов).

Хрящ — крупный песок, щебень.

Це́вка — катушка для наматывания пряжи, ниток; «красно золото на цевке» — моток золотой пряжи, волоченое золото.

Целова́льник — присяжный человек (целовал крест, вступая на должность), сборщик и хранитель казенного имущества при таможнях, весах, при продаже соли и т. д.; смотритель мирской житницы и сборщик ссыпного хлеба; в кабаках продавцы вина также звались целовальниками.

Чембу́р — повод уздечки, за который водят или привязывают верхового коня.

Червча́тый, червлёный, червончатый — багряный (цвета червца, т. е. кошенили).

Черевоста — беременна.

Черка́льское (седло) — черкасское.

Че́тверть — как мера длины — 4 вершка; как

мера объема — четверть кадки (две осьмины или 8 четвериков).

Чуха́рь — глухарь.

Ша́бальник — батог.

Шабу́р, шабу́ра — рабочий армяк, сермяга.

Шалы́га, шалапу́га, шелепу́га — дорожный посох; кнут с тяжелым привеском на конце.

Шамшу́ра, шемшура — женский головной убор.

Ша́нцы — окопы.

Ше́леп — плеть, кнут.

Шесто́к — передний под печи (полка в основании устья).

Шири́нка — полотенце; также — искаж. от «шеренга».

Шлык — шапка, колпак.

Шо́ломя — холм.

Шпенёк — колок (у струнного инструмента).

Штоф — плотная шелковая ткань, обычно с разводами.

Щап — щеголь; *щапливый* — щеголеватый.

Ще́бетко, ще́петко — щегольски.

Щёкоты — чёботы, женские полусапожки по щиколотку, с загнутыми острыми носами, с каблуками.

Ще́лья — каменистый берег.

Щётка (у коня) — часть ноги над копытным сгибом (и волосы пучком на этом месте).

Юфть, юхта — кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу, на чистом дегте.

Я́годница, я́годица — щека.

Ярлы́к — грамота, письмо, указ.

Яро́вчатые (гусли) — сделанные из явора (платана или клена платановидного).